91 n
A67

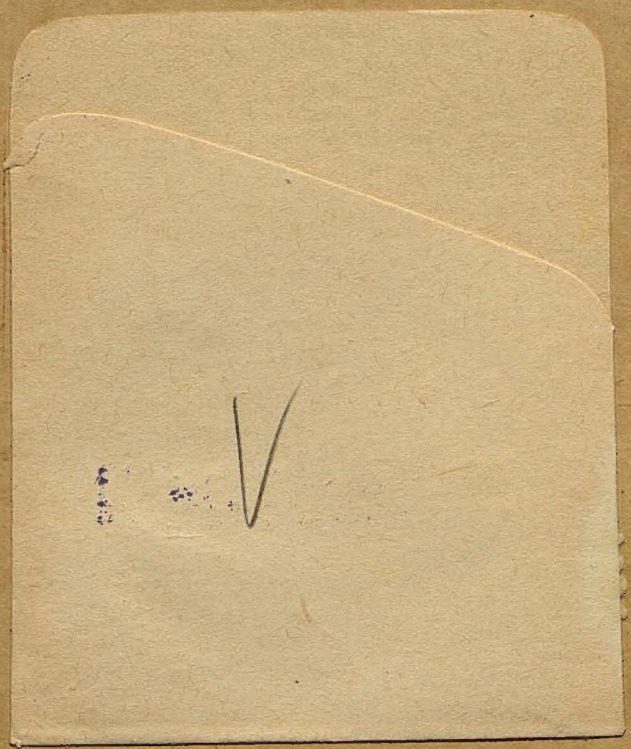
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ П.А.КРОПОТКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПУТЕШЕСТВИЯ П.А.КРОПОТКИНА



АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ПРОВЕРЕНО 51 г.

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ П.А.КРОПОТКИНА

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

S138

Проверено | 2015

БИБЛИОТЕКА ГМШ ВМФ СССР

ПРОВЕРЕНО 1966 г.

1943

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

91
А67

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Под общей редакцией акад. *В. Л. Комарова* (председатель редколлегии), акад. *С. И. Вавилова* (зам. председателя), чл.-корр. АН СССР *П. Ф. Юдина* (зам. председателя), акад. *О. Ю. Шмидта*, акад. *А. Е. Ферсмана*, акад. *В. А. Обручева*, акад. *Б. Д. Грекова* и чл.-корр. АН *Х. С. Коштоянца*.

П. А. Кропоткин в 1908 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петр Алексеевич Кропоткин — гениальный ученый-географ и замечательный путешественник; он первый привлек внимание исследователей к огромным пространствам Восточной Сибири, Дальнего Востока и Манчжурии. Собрав во время своих путешествий в 1862—1867 гг. исключительно обильный, новый и ценный географический и геологический материал в виде разнообразных наблюдений и коллекций, Кропоткин сделал гениальные теоретические обобщения, перевернувшие прежние представления о северо-восточной части Азиатского материка, и установил в науке теорию о ледниковом периоде.

В марте 1874 г. Кропоткин был арестован по личному приказу императора Александра II, и с тех пор вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. его имя исчезло для русской географической науки. Но за границей он приобрел мировую известность как географ и путешественник, проявивший исключительную предприимчивость, бесстрашие и выдержку в своих скитаниях по непроходимой тайге и гольцам далекой Сибири, на открытых им Патомском и Витимском плоскогорьях, в Саянах и Большом Хингане в Манчжурии.

И только после Октябрьской социалистической революции советские читатели получили возможность познакомиться с научными трудами гениального исследователя, географические работы которого не публиковались у нас с 1876 г.

Кропоткин не оставил описания своих путешествий. В журналах того времени помещены корреспонденции, в которых описываются посещенные им места. 8, 9 и 10-й томы «Записок Сибирского отдела Географического общества» содержат деловые отчеты о проделанных им маршрутах. В «Записках по общей географии Русского географического общества» за 1873 год опубликован подробный отчет о самом большом и самом важном из его путешествий — Олекминско-Витимской экспедиции 1866 г. Это объемистый том в 681 стр. текста и 71 стр. карт и чертежей. Наконец,

в 1876 г., в особом томе «Записок по общей географии» напечатана работа П. А. Кропоткина «Исследование о ледниковом периоде».

Обильный материал о путешествиях содержится в письмах П. А. Кропоткина к его брату А. А. Кропоткину за 1862—1867 гг.

В эти же годы Кропоткин вел дневник. Исключительно подробно записана там экспедиция в Саяны.

Наконец, своим путешествиям Кропоткин посвятил девять страниц широко известной книги «Записки революционера», которая была написана в 1897 г., т. е. уже через 30 лет после путешествий.

Задача настоящей книги — по названным материалам восстановить главнейшие из путешествий — по Амуру, по Уссури, по Сунгари, по Лене, на Патомском и Витимском плоскогорьях, в Саянах и в Манчжурии и познакомить читателя с открытиями и географическими теориями Кропоткина, которые и теперь сохраняют свое научное значение.

Из записей дневника, из писем, относящихся к разным моментам путешествий, встает и самый образ этого гениального человека с универсальным умом и замечательным характером, бесстрашного, смелого исследователя, революционера в науке.

Наблюдая и описывая жизнь культурно отсталых в то время народов — эвенков, нанайцев[1], Кропоткин точно провидел историческую роль русского народа, поднявшего к новой жизни всю нашу страну.

П. А. Кропоткин ярко изобразил угнетение якутов, эвенков, нанайцев, которые теперь, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, в необычайно короткий срок изживают свою вековую отсталость и быстрыми шагами идут по пути экономического и культурного развития.

Среди народов, поголовно неграмотных до революции 1917 г., не имевших своей письменности, растет национальная по форме и социалистическая по содержанию культура. Полностью ликвидирована неграмотность, средняя школа охватывает почти всех детей школьного возраста. На языках прежде отсталых народов создана литература, издаются книги и газеты, расцветает национальное искусство.

В районах, исследованных Кропоткиным, в теперешних Иркутской и Читинской областях, в Якутской и Бурят-Монгольской авто-

[1] П. А. Кропоткин в описаниях своих путешествий пользуется принятыми в его время названиями народов: эвенков он называет тунгусами, нанайцев—гольдами. Эти старые названия употребляет поэтому и автор книги.

номных советских социалистических республиках, где уже нет эксплоататоров—кулаков и «маслопузов» (как называл Кропоткин золотопромышленников), выросли новый рабочий класс и новое крестьянство, трудовая интеллигенция. Забитая прежде женщина стала свободной. На этой бывшей колониальной окраине создана за годы сталинских пятилеток мощная золотая промышленность, цветная металлургия, угольная, текстильная, химическая и целый ряд других отраслей промышленности.

Раздробленные мелкие земледельческие, скотоводческие или звероловные крестьянские хозяйства превратились в крупные сельскохозяйственные артели. Тракторы и другие мощные машины бороздят поля Якутии, Бурят-Монголии, Иркутской и Читинской областей Дальнего Востока.

Народности Восточной Сибири и Дальнего Востока образовали свои автономные советские социалистические республики, автономные области и национальные округа. Прежде жившие разрозненно народности впервые в своей истории объединились, несмотря на отчаянное противодействие буржуазных националистов и всяких других врагов народа.

Национальная рознь и вражда, культивировавшиеся царской властью, отошли в прошлое.

Вместе со всеми народами Советского Союза народы Сибири и Дальнего Востока идут по пути к коммунизму[1].

---

[1] Книга была подготовлена к изданию в 1942 г. к 100-летию со дня рождения П. А. Кропоткина — 8/XII 1842 г.

Рис. 1. Бурят-Монгольский национальный театр в Улан-Удэ

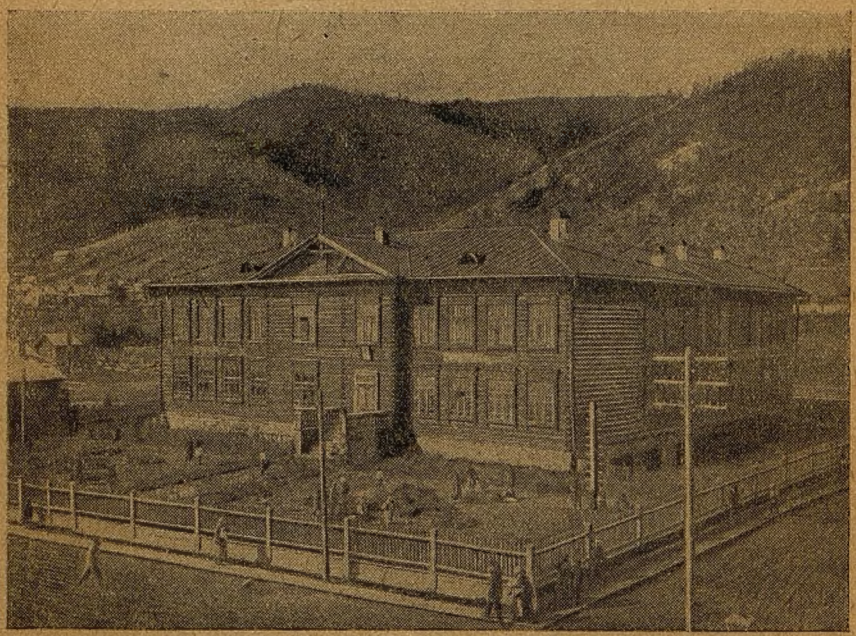


Рис. 2. Школа-десятилетка для детей эвенков

I. ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ГЕОГРАФ И ПУТЕШЕСТВЕННИК П. А. КРОПОТКИН

Еще мальчиком П. А. Кропоткин полюбил природу.

В пажеском корпусе, где он учился, Кропоткин начал мечтать о научной деятельности и в одном из писем к брату написал целую программу — «Что нужно для того, чтобы стать естествоиспытателем». В старших классах корпуса он уже твердо решил путешествовать. Особенно его интересовала Сибирь. Окончив корпус, он отказался от придворной карьеры и решил направиться в дебри тайги, путешествовать по горным областям Восточной Азии.

Кропоткин пишет: «Я решил поехать в Сибирь; там путешествовать, увидеть новую природу, новые племена и людей, пожить жизнью, близкой к природе, увидеть горные страны и такие великие реки, как Амур и Уссури, в области которых тропическая природа странным образом смешивается с полярной, где лианы и дикий виноград вьются вокруг северной ели и где тибетский тигр встречается с якутским медведем».

Прикомандированный на службу к иркутскому генерал-губернатору, Кропоткин много путешествовал по Восточной Сибири, Манчжурии и Дальнему Востоку, изучая еще не исследованные области. Во время одного из своих путешествий на открытом им Патомском плоскогорье в Забайкалье, наблюдая многочисленные следы ледниковых отложений, Кропоткин пришел к идее о ледниковом периоде, которая доставила ему впоследствии мировую известность.

Во время этих же путешествий Кропоткин создал свою теорию строения Азиатского материка и направления горных хребтов Восточной Сибири на основании определенных им самим барометрически или путем вычисленных им высот более чем 3000 точек.

Кропоткин совершил шесть больших путешествий. В общей сложности он сделал больше 70 000 км верхом или в повозке, пешком или в каюке, на веслах и под парусом. Эти путешествия по диким местам были полны лишений и опасностей. Описания их представляют большой интерес; они захватывают читателя своей содержательностью и глубиной мысли.

Кропоткин путешествовал без всякого оружия, без вооруженной охраны. Он утверждал, что местных жителей всегда раздражает вид вооруженного пришельца. По мнению Кропоткина, такого

человека совершенно разумно должны заподозрить в нечистых целях. Он утверждал, что каждый может без всякого страха путешествовать безоружным, если только он будет относиться ко всем народам, как к своим равным собратьям. Такой путешественник будет принят дружелюбно.

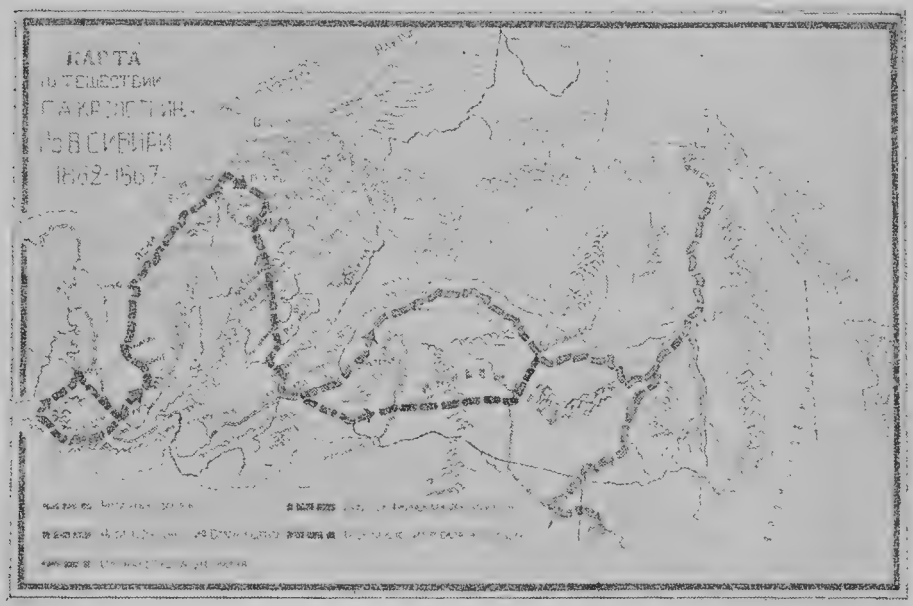


Рис. 3. Маршруты путешествий Кропоткина

Аристократ по происхождению, выросший в княжеской роскоши, бывший камерпаж всероссийского самодержца, Кропоткин во время своих странствований довольствовался самым малым.

Непрерывно путешествуя в самых тяжелых условиях, Кропоткин провел в Сибири и на Дальнем Востоке пять лет.

Свое первое путешествие из Читы в низовья Амура Кропоткин совершил 20-летним юношей в 1863 г. В 1864 г. он был послан из Читы в Манчжурию на разведку пути через Мерген на средний Амур к Благовещенску. В те времена эта часть Манчжурии была почти не известна, доступ в нее был очень труден. Отчет об этой разведке, опубликованный Кропоткиным в 8-й книге «Записок Сибирского отдела Географического общества», произвел большое впечатление, так как в нем были впервые даны обстоятельные сведения о Северной Манчжурии.

В конце лета того же 1864 г. он снова отправился в Манчжурию по р. Сунгари на пароходе «Уссури» до китайского города Гирина, дал подробное описание этой реки, ее берегов, населения и определил несколько астрономических пунктов. Пароход поднялся по

Сунгари на 1200 км и впервые осуществил предоставленное России Айгунским договором право плавания по этой реке.

Летом следующего, 1865 г. Кропоткин опять отправляется в экспедицию в малоисследованную часть Иркутской губернии — в Тункинскую котловину и на Саянское нагорье. Здесь он также производит картографическую съемку пути, определяет направление горных хребтов, собирает коллекцию горных пород, делает многочисленные измерения высот.

Наиболее значительным в научном отношении из путешествий Кропоткина была его Олекминско-Витимская экспедиция 1866 г. Она дала наибольший материал для его теорий и широких обобщений о жизни земной коры. Экспедиция была снаряжена на средства ленских золотопромышленников в целях изыскания дороги от Читы на Ленские прииски. Несмотря на всю трудность пути по неизвестным и незаселенным местам — через глухую тайгу, по горам, отделяющим бассейн Лены от притоков Амура, П. А. Кропоткин все-таки решил сделать этот путь. Из Иркутска он отправился по Лене до устья Витима, а оттуда около 275 км — верхом до Тихонозадонского прииска. От прииска он пошел прямо на юг по дикой горной стране, перевалил через четыре параллельных хребта и вышел в долину р. Муи. Из нее он поднялся на высокий гранитный хребет и оказался на большом плоскогорье, высотой до 1 км. По этому плато, пересекая небольшие хребты, он сделал еще около 600 км без всяких троп, пробиваясь сквозь тайгу, и, наконец, спустился к Чите.

В этом путешествии у него зародились идеи и новые представления об орографии Восточной Азии и о строении Азиатского материка. Здесь же у него окончательно оформилась мысль о ледниковом периоде.

По неисследованной тайге, по голым горным хребтам — гольцам Кропоткин пробивался с большим караваном в 50 лошадей с двумя молодыми товарищами — зоологом Поляковым и топографом Машинским и десятью казаками. С огромными трудностями в течение трех слишком месяцев они сделали больше 1200 км почти по прямому направлению от берегов Лены до Читы.

Эти путешествия обогатили Кропоткина множеством географических и геологических наблюдений и фактов.

Влечение к научным открытиям захватило его. Он познал счастье больших теоретических обобщений. В его уме сложились новые теории. Но в глухой Сибири нехватало книг, не было новых иностранных журналов, не было людей, интересующихся наукой, и, главное, у него самого не было солидной теоретической подготовки. Кропоткин понял, что он не может обосновать своих теорий, что, несмотря на все старания пополнить свое образование чтением, у него нехватает знаний для глубоких исследований и больших работ.

Он уже два раза круто изменял свою жизнь. Еще в корпусе он порвал с отцом, лишился средств и богатства; окончив пажеский корпус, отказался от блестящей придворной карьеры и перешел на ничтожное жалованье сотника казачьих войск. Теперь он решил отказаться

от офицерского звания, вышел в отставку и приехал в Петербург, чтобы поступить в университет, учиться и жить литературным трудом.

Когда в Петербурге он сделал в Географическом обществе доклады о своих путешествиях, Общество присудило ему золотую медаль и избрало его секретарем Отделения физической географии. Кропоткину было всего 25 лет, но он уже оказался признанным, известным молодым ученым.

Поступив в университет, он горячо отдался научным работам по географии и готовил к печати отчеты о своих экспедициях. В то же время он предложил Русскому географическому обществу снарядить полярную экспедицию. Исследуя вопрос о движении льдов в Северном Ледовитом океане, он пришел к заключению, что к северу от Новой Земли находится «еще не открытая земля», которая лежит севернее Шпицбергена и удерживает за собою льды. По поручению Географического общества он разработал проект экспедиции для открытия этой земли и был назначен ее начальником, но министерство финансов отказалось ассигновать на это дело 40 тыс. руб. Через два года после опубликования доклада Кропоткина, в 1873 г., по намеченному им пути отправилась австрийская полярная экспедиция под начальством Пайера и Вейпрехта и в указанной Кропоткиным области открыла архипелаг островов, известный теперь под именем Земли Франца Иосифа, которая, по справедливости, должна была бы называться Землею Кропоткина, так как он теоретически открыл ее еще в 1870 г. и, несомненно, посетил бы ее, если бы царское правительство не отказало ему в ассигновании ничтожной суммы на экспедицию.

Вместо полярных морей Кропоткин отправился в 1871 г. в Финляндию и Швецию, чтобы обосновать и проверить свою теорию о ледниковом периоде. Здесь он познакомился с известным исследователем Норденшильдом и развил перед ним свои взгляды на возможность открытия пути вдоль северных берегов Европы и Азии. Как известно, в течение трех столетий многие путешественники и исследователи пытались разрешить эту задачу. Весьма вероятно, что под влиянием бесед с П. А. Кропоткиным и его смелой гипотезы о движении льдов Норденшильд решил предпринять поход из Атлантического океана в Тихий и в 1878—1880 гг. впервые обогнул Европу и Азию и прошел за две навигации Северный морской путь, который теперь так блестяще изучен и освоен советскими моряками, летчиками и учеными полярниками.

Возвратившись из Швеции в Петербург, Кропоткин в 1871 г. сделал доклад на тему «Общий очерк ледникового периода в северных странах». Доклад этот произвел огромное впечатление и вызвал целую «бурю» среди геологов, так как тогда господствовала теория о том, что валуны из гранита и других горных пород Финляндии и Скандинавии, рассеянные на поверхности Европейской части России, на островах Англии и в Северной Германии, в древности были разнесены морскими льдинами.

Через пять лет, в седьмом томе «Записок по общей географии», Кропоткин опубликовал свой большой труд — «Исследование о ледниковом периоде». Этот труд уже не оставлял никакого сомнения в

том, что значительная часть Англии, Северной Германии и Европейской России в предшествовавшую нам геологическую эпоху была покрыта огромным движущимся ледником.

В самый расцвет научной деятельности Кропоткина, когда перед ним открылся путь к большой научной карьере, он осознал, что наука в капиталистическом обществе служит средством порабощения трудящихся. Он писал: «Знание — могучая сила, но эта сила должна быть достоянием всех трудящихся; при капиталистическом строе это невозможно. При капитализме наука всегда будет достоянием только немногих состоятельных людей...» Нужна социальная революция, чтобы в корне изменить порядок вещей. И Кропоткин решил отойти от научной работы. Он отдался революционной пропаганде среди петербургских рабочих и крестьян, чтобы поднять трудящихся на борьбу с буржуазией, помещиками и царизмом. Он, конечно, хорошо понимал, что ему грозит каторга, а может быть даже и казнь. Но он пожертвовал всем, и самым дорогим для него — научной работой.

Как агитатор и пропагандист он завоевал себе любовь и уважение петербургских рабочих. Весной 1874 г. по личному приказу Александра II П. А. Кропоткин был заключен в Петропавловскую крепость. Научную работу ему удалось возобновить только после побега из тюремного госпиталя в 1876 г., уже в эмиграции, где он вел широкую революционную работу и одновременно занимался географическими исследованиями.

Еще до ареста Кропоткин предложил Географическому обществу составить подробную географию России. Живя в эмиграции, он принял участие в известном многотомном издании «Всеобщей географии» Реклю и написал для него пятый и шестой томы, посвященные географии России и Сибири. Затем Кропоткин до самой смерти в течение 30 слишком лет писал географические статьи в английских журналах и в известной «Британской энциклопедии».

Возвратившись из эмиграции в Россию после революции 1917 г., Кропоткин последние годы жизни провел в г. Дмитрове Московской области, где он написал «Очерк по геологии Дмитровского уезда», не переставая следить за развитием геологии и географии.

Географию Кропоткин понимал очень широко. По его представлению она должна давать величественную картину развития человечества в связи с историей земной коры.

П. А. Кропоткин — один из самых выдающихся географов мира. Ему принадлежат три оригинальные теории: о строении Азиатского материка, о ледниковом периоде и о высыхании Европейско-Азиатского материка[1]. Две первые имеют и теперь большое научное значение.

Кропоткин как географ очень мало известен в России, так как с 1876 по 1917 г. он провел в эмиграции. Мало известны у нас его замечательные работы, и даже те его теории, которые до сих пор живы в географической науке, редко у кого связываются с именем Кропоткина, как, например, учение о ледниковом периоде. Его путешествия до сих пор не известны ни у нас, ни за границей.

[1] См. последнюю главу «Географические теории П. А. Кропоткина».

II. СТРАСТЬ К ЗНАНИЯМ

Еще в средних классах корпуса мальчик Петр Кропоткин начал систематически заниматься естественными науками. В предпоследнем классе пажеского корпуса, под влиянием талантливого Чарухина, о котором Кропоткин отзывался как о преподавателе умном, стремившемся к тому, чтобы ученики учились думать, а не просто запоминали факты, Кропоткин увлекся физикой. Оригинальные и ясные объяснения преподавателя врезывались в память; когда же Кропоткину показалось, что учебник физики Ленца, которым пользовались кадеты, устарел, он начал создавать краткий конспект лекций.

«Как хороший педагог, — пишет Кропоткин, — Чарухин предоставил это мне всецело и сам читал лишь корректуры». Таким образом, подросток Кропоткин написал учебник физики. «Отдел о теплоте, электричестве и магнетизме, — вспоминает он, — пришлось писать заново, вводя новейшие теории, и, таким образом, я составил почти полный учебник физики, который отлитографировал для употребления в классе».

Нетрудно представить себе, как такая работа должна была воспитать привычку к научной мысли и научному творчеству.

И это не отдельный случай из его юношеской жизни. Глубоко и страстно интересовался Кропоткин всеми другими естественными науками. В том же втором (предпоследнем) классе он стал изучать химию и ознакомился с ее основами не хуже, чем с законами физики.

«Годы 1859—1861, — пишет П. А. Кропоткин, — были временем расцвета точных наук... То было время всеобщего научного возрождения. Непреодолимый поток мчал всех к естественным наукам, и в России вышло тогда много очень хороших естественнонаучных книг в русских переводах. Я скоро понял, что основательное знакомство с естественными науками и их методами необходимо для всякого, для какой бы деятельности он ни предназначал себя. Нас соединилось пять или шесть человек, и мы завели род химической лаборатории... Руководствуясь учебником Штэкгардта, мы проделали все указанные там опыты».

Это происходило в доме старого отставного адмирала Замыцкого, в комнате его сыновей, товарищей Кропоткина. «Должен прибавить,— пишет Кропоткин, — что мы чуть не подожгли дом и не раз отравляли воздух во всех комнатах хлором и тому подобными зловонными веществами. Но старый адмирал относился к этому очень добродушно».

«Высшая математика заняла тоже не малую часть моего времени, — признается Кропоткин. — Мы намеревались после производства поступить в Артиллерийскую академию или Инженерную. Для этого мы должны были изучить аналитическую геометрию, дифференциальное и начала интегрального исчисления и брали частные уроки».

Сверх этого в последний год пребывания в корпусе Кропоткин очень увлекся астрономией. «Никогда не прекращающаяся жизнь вселенной, — пишет он, — которую я понимал как жизнь и развитие, стала для меня неистощимым источником поэтических наслаждений,

и мало-помалу философией моей жизни стало сознание единства человека с природой, как одушевленной, так и неодушевленной».

Из этих признаний очевидно, что уже к окончанию корпуса у Кропоткина были серьезные познания в области естественнонаучных дисциплин и даже выработалась своя философия естествознания. С огромным увлечением он следил за движением научной мысли, и все новое поражало его, как откровение в понимании вселенной. То было время расцвета точных наук, вспоминает Кропоткин.

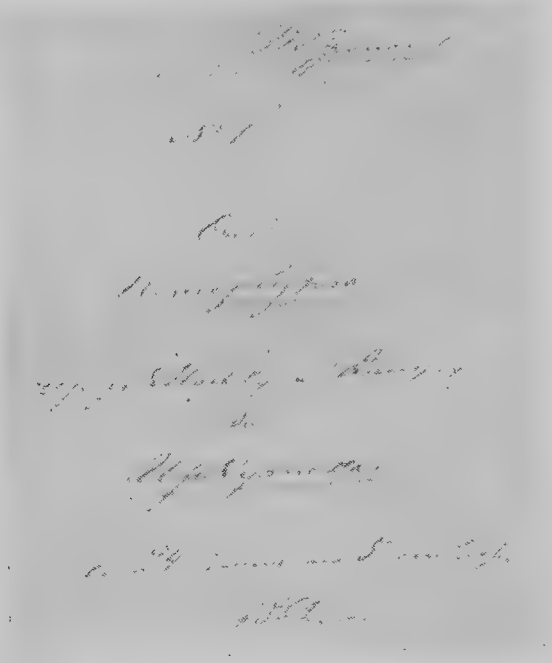


Рис. 4. Заглавный лист первой тетради-дневника

«Грове, Клаузиус, Джоуль и Сеген доказали, что теплота и электричество суть лишь различные формы движения. Около этого времени Гельмгольц начал свои исследования о звуке, которые составили эпоху в науке. Тиндаль в своих популярных лекциях, так сказать, прикоснулся к самым атомам и молекулам. Герард и Авогадро ввели в химию теорию замещений, а Менделеев, Лотар Мейер и Ньюландс открыли периодическую законность химических элементов. Дарвин своим «Происхождением видов» совершил полный переворот в биологических науках, а Карл Фохт и Молешотт, следуя за Клодом Бернаром, создали физиологическую психологию».

Этой замечательной справкой Кропоткин отмечает в «Записках революционера» 1859—1861 годы, т. е. последние годы учения в кор-

пусе. Она дает понять, с каким напряжением и интересом юный Кропоткин следил за развитием науки.

В добавление к этому он вместе с братьями Замыцкими, матерью и сестрой разучил оперу «Руслан и Людмила» и целые вечера отдавался занятиям музыкой — до поздней ночи пели они дуэты, трио и хоры.

Его любознательности не было предела. «Я работал в это время в Публичной библиотеке, — пишет Кропоткин, — ходил в Эрмитаж, изучал там картины, одну школу за другой, или же посещал казенные ткацкие фабрики, литейные, хрустальные и гранильные заводы, куда доступ всегда открыт. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодках по Неве и проводили белые ночи — когда вечерняя заря встречается с утренней и когда в полночь можно без свечи читать книгу — на реке или у рыбаков на взморье».

Он вспоминает, как в один из вечеров на взморье он декламировал товарищам стихотворение Огарева «Искандеру»[1]:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Еще одно замечательное признание относится к тому же времени, к последним годам в корпусе:

«Из посещения фабрик я вынес тогда же любовь к могучим и точным машинам. Я понял поэзию машин, когда видел, как гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода, вылавливает бревно из Невы и плавно подкладывает его под машину, которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается в рельс. В современных фабриках машина убивает личность работника. Он превращается в пожизненного раба известной машины и никогда уже не бывает ничем иным. Но это лишь результат неразумной организации, и виновна в этом случае не машина. Чрезмерная работа и бесконечная ее монотонность одинаково вредны с ручным орудием, как и с машиной. Если же уничтожить переутомление, то вполне понятно удовольствие, которое может доставить человеку сознание мощности его машины, целесообразный характер ее работы, изящность и точность каждого ее движения».

Из воспоминаний в «Записках революционера» совершенно очевидно, что еще юношей Кропоткин был энциклопедически образован. Очень интересно еще одно замечание Кропоткина: «Музыка тоже играла важную роль в моем развитии. Она являлась для меня еще большим источником наслаждения и энтузиазма, чем поэзия...В то время опера каким-то странным образом связана была с радикальным дви-

[1] Т. е. А. И. Герцену, который тогда печатался под псевдонимом «Искандер».

жением. Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» и «Пуританах» всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие Александра II. В шестом ярусе, в курительной и на подъезде собиралась лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общим благоговением к благородному искусству. Все это может показаться теперь ребячеством; но тогда не мало возвышенных идей и чистых стремлений было заронено в нас поклонением перед любимыми артистами».

Для этого исключительного ума и характера все явления жизни, в которых он деятельно участвовал, были широкой школой, формировавшей великого ученого, исследователя, географа и революционера. Очень интересно для нас его заключение по поводу военных маневров в окрестностях Петербурга в которых он участвовал вместе со всем классом выпускников кадетов-пажей.

«Я понял тогда, — пишет он, — как много в военное время зависит от духа армии и как мало можно сделать путем одной дисциплины, когда от солдат требуется больше, чем среднее усилие. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отряд к определенному часу на поле битвы. Лишь энтузиазм и доверие могут в подобные минуты заставить солдат сделать невозможное. А для успеха на войне постоянно приходится выполнять «невозможное». Как часто, впоследствии, вспоминал я этот наглядный урок в Сибири, где во время научных экспедиций нам тоже приходилось все время выполнять невозможное».

И, действительно, все путешествия Кропоткина по Сибири могут служить иллюстрацией этого утверждения.

III. ПУТЕШЕСТВИЕ СО СПЛАВОМ ПО РЕКЕ АМУРУ

Овладение Амуром

Попав в Иркутск летом 1862 г., Кропоткин с огромной энергией занялся проведением в Сибири так называемых «реформ» Александра II, но очень скоро разочаровался в этой деятельности. Не прошло и года его пребывания в Сибири, как все мечты Кропоткина «приносить какую-то пользу», сделать что-то для местного населения были совершенно разбиты.

«Я видел, — пишет он, — что в Чите мне делать больше нечего, так как с реформами тут покончено, и весною того же 1863 года охотно принял предложение поехать со сплавом на Амур».

Это было его первое путешествие, после которого он пять лет подряд находился в различных экспедициях.

Об этом времени он так вспоминает в «Записках революционера»: «Пять лет, проведенных мною в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера. Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и с самыми худшими, с теми, которые стоят наверху общественной

лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних ее ступенях: с бродягами и так называемыми неисправимыми преступниками. Я видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, как мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Наконец, мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более 70 тыс. верст на перекладных, на пароходах, в лодках, главным образом верхом, удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации».

«Сибирь — не мерзлая страна, вечно покрытая снегом и заселенная лишь ссыльными, как представляют ее себе иностранцы и как еще очень недавно представляли ее себе у нас. Растительность Южной Сибири по богатству напоминает флору Южной Канады. Сходны также их физические положения». На 5 млн. коренных народов Сибири — 4,5 млн. русских[1], а южная часть Западной Сибири имела такой же совершенно русский характер, как и губернии к северу от Москвы.

Необходимо вспомнить, что перед самым приездом Кропоткина в Сибирь пост генерал-губернатора Восточной Сибири в продолжение 14 лет занимал граф Н. Н. Муравьев-Амурский, присоединивший к России Амурский край. Еще в 1846 г. Николай Николаевич Муравьев поднял перед царем Николаем I вопрос об освобождении крестьян и подал ему по этому поводу, как тогда называли, «адрес». Чтобы избавиться от неподходящего человека, Николай I назначил его генерал-губернатором Восточной Сибири, где Муравьев почти против воли петербургских властей, и во всяком случае без какой-либо значительной помощи с их стороны, присоединил к России все необъятное левое побережье Амура и берег Тихого океана вплоть до залива Петра Великого, т. е. большую часть Дальнего Востока.

«Он был очень умен, — пишет Кропоткин про Муравьева, — очень деятелен, обаятелен как личность и желал работать на пользу края. Как все люди действия правительственной школы, он в глубине души был деспот; но Муравьев в то же время придерживался крайних мнений...В его кабинете молодые люди вместе с сосланным Бакуниным (он бежал из Восточной Сибири в августе 1861 г.) обсуждали возможность создания Сибирских соединенных штатов, вступающих в федеративный союз с Северо-американскими соединенными штатами».

«Когда Муравьев задумал смелый план овладеть великой рекой,— пишет Кропоткин, — южное положение и плодоносные берега которой в течение двух столетий манили сибиряков, когда он решил прежде чем Япония откроется для Европы, занять для России прочное положение на берегу Тихого океана и вступить таким образом в сношение с Соединенными штатами, против генерал-губернатора ополчились почти все в Петербурге. У военного министра не было лишних солдат, у министра финансов — свободных денег. В особенности про-

[1] Написано в 1897 г.

БИБЛИОТ... ГМШ ВМФ

Рис. 5. Станица на Амуре

тивилось министерство иностранных дел, всегда старающееся избегать «дипломатических осложнений». Муравьеву поэтому оставалось действовать на собственный страх и рассчитывать, при выполнении грандиозного предприятия, лишь на те скудные средства, которые могла доставить слабо населенная Восточная Сибирь».

«Кроме того, — пишет Кропоткин, — приходилось действовать как можно скорее, чтобы возможному протесту западноевропейских дипломатов противопоставить «свершившийся факт».

Муравьев хорошо понимал, что формальное присоединение к России огромного необъятного края не имело бы никакого значения, и решил построить цепь казачьих станиц по Амуру и Уссури на протяжении 3500 верст, таким образом фактически овладеть Дальним Востоком, колонизовавши его полуземледельческим, полувоенным казачьим населением, и вместе с тем установить правильное сообщение между Сибирью и берегами Дальнего Востока.

Вот в этом-то предприятии, после того как Муравьев уже был отставлен и совсем уволен со службы, молодой Кропоткин невольно принял участие, когда получил предложение весной 1863 г. поехать со сплавом на Амур.

Для колонизации берегов Амура нужны были люди. Восточная Сибирь не могла их дать, и Муравьев придумал оригинальную меру. Всех уголовных каторжан, отбывших кандальный срок и срок работы в каторжных тюрьмах, которые были приписаны к промыслам на землях «кабинета его императорского величества», Муравьев освободил. Он восстановил их в гражданских правах и организовал из них Забайкальское казачье войско. Затем он организовал из бывших каторжан еще два новых казачьих войска по Амуру и по Уссури. Но людей нехватало. Тогда Муравьев освободил еще 1000 каторжан, отбывавших кандальный срок. Их он решил устроить в низовьях Амура, как вольных переселенцев, тоже восстановив в гражданских правах. Их посадили на плоты, и они поплыли вниз по рекам Шилке и Амуру осваивать для русского государства новые земли.

Кропоткин передает любопытнейшую речь Муравьева, с которой тот обратился к переселенцам перед отправлением их с каторги на Каре на новые места. «С богом, детушки, — говорил Муравьев. — Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем, начните новую жизнь и т. д». Многие поселенцы имели свои семьи, так как обычно крестьянки добровольно следовали в Сибирь за сосланными мужьями. Но были и холостые. В ответ на речь Муравьева они заявили: «Мужик без бабы — ничего; жениться нам нужно». Муравьев задержал отправку, согласившись с этим разумным доводом. Он послал приказ на Кару освободить каторжанок и предложил им выбрать себе мужей. Но время было горячее, полая вода в Шилке быстро спадала. На устройство браков и на венчание времени нельзя было терять. Тогда Муравьев заявил, что в дороге разберутся, а пока велел всем выстроиться на берегу парами и вместо священника сам благословил их: «Венчаю вас, детушки. Будьте ласковы друг с другом; мужья, не обижайте жен и живите счастливо». Впоследствии

Центральный ВМБ

епископ камчатский и амурский признал эти браки и приказал отметить их в церковных книгах и записывать рожденных в этих семьях детей как «законных».

«Я видел этих новоселов, — пишет Кропоткин, — лет шесть спустя после описанной сцены. Деревни были бедны; поля пришлось

Рис. 6. П. А. Кропоткин в форме сотника

отвоевывать у тайги, но в общем мысль Муравьева осуществилась, а браки, заключенные им, были не менее счастливы, чем браки вообще».

У Муравьева был еще один разряд колонистов — это солдаты из штрафных батальонов. Он освободил из них 2000 человек и распределил в качестве «приемных сыновей» в казачьих семьях. Некоторых из них устроили холостыми хозяйствами в деревнях Восточной Сибири.

Но николаевская палочная дисциплина оказалась плохой школой для земледельческого труда. «Сынки» убегали от «отцов», присоединялись к бездомному, бродячему городскому населению, — пишет Кропоткин, — перебивались случайной работой, пропивали весь заработок, а затем беззаботные, как птицы, дожидались, покуда набежит новая работа».

Так или иначе, но Амур был колонизован и было организовано три казачьих войска — Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Обширнейший край, имеющий теперь такое огромное значение в жизни Советского Союза, вошел в состав тогдашней Российской империи.

Но колонистам на новых местах приходилось солоно. Посаженные кое-как на берегах Амура поселенцы, освобожденные каторжники и «сынки», жили не очень сытно. В особенности было трудно новым переселенцам в низовьях Амура и в Уссурийском крае. Пашню надо было расчищать из-под девственного субтропического леса. Летом дули муссоны, и проливные дожди затопляли поселки и пашни. Тучи перелетных птиц выклевывали хлеба. Многие переселенцы впадали в отчаяние и забрасывали хозяйство. Чтобы его поддержать, нужно было ежегодно отправлять в низовья Амура караваны барж с продовольствием. Для переселенцев, казаков и для регулярных войск посылали муку, соль, солонину и другие продукты.

Кропоткин в роли сплавщика

В Чите, где служил тогда Кропоткин, ежегодно перед половодьем строилось до полутораста барж. Нагруженные продовольствием, баржи сплавлялись с весенним паводком по рекам Ингоде, Шилке и Амуру. Шла огромная флотилия, которую делили на отряды под командой казачьих офицеров и чиновников. Молодые казачьи сотники, конечно, мало понимали в плавании по этим бурным и опасным рекам. Но они спасали караван от расхищения чиновниками, которые, случалось, распродавали провиант и показывали его потом затонувшим во время сплава.

В свое первое путешествие в 1863 г. П. А. Кропоткин отправился помощником начальника такого сплава.

«Мой первый опыт, — пишет Кропоткин, — в новой роли сплавщика был совсем неудачен. Мне надлежало поспешить, насколько возможно, из Сретенска с несколькими баржами к известному пункту на верхнем Амуре и там сдать их. С этой целью приходилось взять команду из «сынков», о которых я говорил выше. Никто из них ничего не понимал в речном плавании. Не многим больше понимал и я. В день отправки пришлось собирать мою команду по кабакам. В пять часов утра, когда следовало сняться, некоторые были так пьяны, что их приходилось выкупать предварительно в реке, чтобы хоть несколько вытрезвить. Когда мы тронулись, мне пришлось их учить всему. Тем не менее днем дело шло недурно. Баржи, сносимые быст-

рым течением, плыли по середине реки. Хотя моя команда и отличалась неопытностью, но ей не было никакого расчета посадить суда на берег: для этого потребовалось бы специальное усилие. Но когда стемнело и наступила пора причалить нашим неуклюжим, тяжело нагруженным баржам к берегу на ночь, то оказалось, что одна баржа ушла далеко вперед от той, на которой я был; остановилась же она лишь тогда, когда наткнулась на камень у подножья страшно высокого, крутого утеса. Здесь баржа засела основательно. Уровень реки, поднятой ливнями, быстро падал. Мои 10 «сынков», находившихся на этой барже, конечно, не могли снять ее. Я поплыл в лодке в ближайшую станицу, чтобы позвать на помощь казаков, и в то же время отправил гонца к приятелю, казачьему офицеру, жившему в Сретенске, старому опытному сплавщику.

Наступило утро. На помощь явилось около сотни казаков и казачек, но под утесом было так глубоко, что невозможно было установить сообщение с берегом с целью разгрузить баржу. Когда же попробовали сдвинуть ее с камня, в дне образовалась пробоина, через которую хлынула вода, размывая наш груз: муку и соль. К великому ужасу моему, я видел множество рыбок, попавших через пробоину, теперь плававших в барже. Я беспомощно стоял, не зная, что делать. Есть очень простое средство в подобных случаях: нужно заткнуть пробоину кулем муки, которая быстро всосется в отверстие; образовавшаяся из теста кора не даст воде проникнуть через муку. Но никто из нас этого не знал.

К счастью для меня, мы через несколько минут усмотрели вверх по реке баржу, плывшую к нам... Легкий голубой туман, висевший в этот ранний час над красавицей Шилкой, придавал еще большую поэзию нашему видению. То был мой приятель, казачий офицер, понявший из моей записки, что никакими человеческими силами не сдвинуть баржу, что она погибла. Он приплыл поэтому на пустой барже, чтобы спасти груз.

Пробоину заткнули; воду вычерпали, груз перенесли на новое судно, и на следующее утро я мог продолжать плаванье».

Этот эпизод очень характерен для молодого Кропоткина. Предусмотрительный и очень решительный, он быстро выходит из самых больших затруднений, извлекая из них опыт. Он пишет, что это первое происшествие было для него чрезвычайно полезно.

Дальше он двигался к месту назначения без приключений.

Каждый день по вечерам они разыскивали сравнительно невысокий берег, удобный для причала, и разбивали бивуак. На берегу быстрой и чистой реки пылали костры. Великолепный горный пейзаж служил фоном этой мирной картины.

Кропоткина, страстно любившего природу, постоянно стремившегося проникать в ее тайны, целиком увлекало это путешествие со сплавом.

Баржи несло по воле течения. Не было ни дыма, ни грохота, ни шума, обычного на пароходах. Движение совершалось в полной

тишине Плавание было необыкновенно спокойным и приятным. Вся забота заключалась только в том, чтобы держать баржу «на стремени» — по середине реки. Для этого лишь изредка приходилось поворачивать громадное кормовое весло, чтобы выправлять курс баржи. Для любителя природы нельзя было подыскать лучших условий путешествия.

Сначала спускались по р. Шилке, которая в нижнем течении широка и прозрачна. Она течет здесь в гористых берегах, поросших лесом. Горы поднимаются по берегам до 600 м. Примерно такая же картина и на верхнем Амуре. Прозрачная река течет между горами с лесистыми склонами.

В нижнем течении Шилки, на протяжении примерно 200 км, горы наступают на берега реки, скалы встают прямо над водой,и здесь сообщение по берегу крайне затруднено. Ездят только верхом по горной тропе. Эту тропу по Шилке на последних семи перегонах звали «семью смертными грехами».

Плавание в лодке

Кропоткин сдал свои баржи на одном из пунктов на верхнем Амуре и поплыл дальше вниз по Амуру в почтовой лодке за остальным караваном, сделав еще более 1500 км.

Лодка, как кибитка. Ее середина закрыта навесом. На носу укреплен большой ящик, набитый землей, где разводят огонь. У Кропоткина было трое гребцов. Чтобы догнать караван, он плыл днем и ночью. Днем все четверо гребли поочередно. Ночью Кропоткин садился на корме и старался держать лодку посередине реки, чтобы как-нибудь не сесть на мель или не сбиться с пути.

«Я сидел тогда на корме часа четыре, чтобы удерживать лодку в фарватере и не угодить в протоку. Эти ночные дежурства были полны невыразимой прелести. На небе сиял полный месяц, а черные горы отражались в заснувшей прозрачной реке».

Чрезвычайно характерно, что Кропоткин плыл один, без оружия с командой из трех «сынков», совершенно не опасаясь, что его могут ограбить.

«Гребцы мои были из «сынков», — пишет он, — прогнанных сквозь строй, а теперь бродяживших из города в город и не всегда признававших права собственности. А между тем я имел на себе тяжелую сумку с порядочным количеством серебра, бумажек и меди. В Западной Европе такое путешествие по пустынной реке считалось бы опасным, но не в Восточной Сибири. Я сделал его преблагополучно, не имея при себе даже старого пистолета. Вообще мои «сынки» оказались очень хорошими людьми; только подъезжая к Благовещенску, они затосковали.

— Ханшина (китайская водка) уж очень дешева тут,—скорбели они. — Водка крепкая; как выпьешь, сразу с ног сшибет с непривычки!

Я предложил им оставить следуемые им деньги у одного приятеля, с тем чтобы он выдал плату моим «сынкам», когда усадит их на обратный пароход.

— Не поможет, — мрачно повторяли они, — уж кто-нибудь да поднесет чашку. Дешева, подлая. А как выпьешь, так и сшибает с ног».

Когда через несколько месяцев Кропоткин возвращался обратно через Благовещенск, то узнал, что опасения «сынков» были не напрасны. Один из них, пропив все, украл что-то и попал в тюрьму, и только приятелю Кропоткина, у которого были оставлены деньги, удалось добиться его освобождения и усадить на пароход.

Мощный Амур восхищал Кропоткина. Он сравнивает Амур после слияния с Сунгари по величине с р. Миссисипи и р. Янцзыцзян. В непогоду по реке ходят громадные волны, и плавание становится трудным. Когда дует муссон и идут проливные дожди, вода в Сунгари, в Уссури и в Амуре сильно поднимается. Она заливает острова, поросшие тальником, многие из них смывает, другие образует на новом месте. Ширина Амура достигает 3 км, а местами он разливается километров до семи. По сторонам русла идут озера, которые тянутся цепью. Почти непрерывно дует свежий восточный ветер и на реке и в протоках подымает волны. Километрах в 400 ниже Хабаровска Кропоткин испытал в своей почтовой лодке тайфун, внезапно налетевший с моря.

Случилось это так. В Благовещенске Кропоткин нагнал начальника сплава Малиновского. Пошли с ним по нижнему Амуру в большой крытой лодке, оснащенной парусами. Они мирно плыли, как вдруг начался шторм. К счастью, им быстро удалось укрыться в протоке и спрятаться от ветра под высоким берегом. Буря ревела, ярость ее была так велика, что когда Кропоткин отважился выйти в тайгу за несколько сот шагов, то едва смог вернуться обратно, так как ветер валил вокруг него деревья.

Они простояли здесь двое суток, очень беспокоясь за судьбу своих барж, от которых отстали. Им было ясно, что если тайфун захватил баржи в дороге, когда они уже успели отчалить от места ночлега, то буря должна была пригнать их к берегу. Кропоткину и Малиновскому казалось, что весь сплав разбит. Ударов о крутой каменный берег баржи не могли бы выдержать Но делать было нечего, приходилось отсиживаться в затишье и ждать, что будет. Наконец, на третий день буря несколько ослабела. Они тотчас тронулись вниз по течению. При боковом ветре шли быстро и по расчетам должны были нагнать два отряда барж. Но прошел день, затем второй, а каравана не было видно. У одного из крутых берегов они увидели какие-то бревна, но ни людей, ни других остатков от барж не было.

— Все пропало, все пропало! — шептал Малиновский, сидя неподвижно на палубе с утра до вечера.

«Малиновский потерял сон и аппетит, — пишет Кропоткин, — и выглядел так, как будто только что перенес тяжелую болезнь».

Поселения здесь были редки, людей почти не встречалось, никаких вестей о караване не было.

В довершение беды началась новая буря. Когда они добрались, наконец, до какой-то деревушки, то узнали, что ни одна баржа мимо не проходила, но что после бури по реке плыло очень много обломков.

Стало несомненно, что весь караван погиб. Пропало не меньше 40 барж с грузом в 120 тысяч пудов. Последствия этого события были страшны. Оно означало неизбежный голод в низовьях Амура в следующую весну. Близилась уже осень, навигация скоро должна была прекратиться, телеграфа вдоль Амура тогда еще не существовало, и вытребовать во-время новые запасы не было возможности. Надо было принимать какие-то экстренные решения. Тогда, посовещавшись, они решили, что Кропоткин немедленно отправится назад, вверх по реке, определит потери и поторопится вернуться в Читу в лодке, верхом или на пароходе, если таковой подвернется, словом, всеми способами, лишь бы только поскорее предупредить власти в Чите о том, что надо вновь выслать вниз провиант. Может быть, еще удастся осенью сплавить запасы на верховья Амура, а оттуда отправить их в низовья по первой воде. С голодом можно будет справиться, если хлеб прибудет на несколько недель раньше. Малиновский же отправился вниз к устью Амура в Николаевск в расчете, что, может быть, до прекращения навигации удастся закупить хлеб в Японии.

Обратный путь

И вот Кропоткин поплыл на лодке в обратный путь вверх по Амуру, плыл без остановки днем и ночью, меняя гребцов в каждой деревне. Ему предстояло пройти больше 3000 км.

Пароход с низовьев мог притти не раньше чем через две недели. За это время Кропоткин должен был побывать на месте гибели барж, определить размеры аварии, установить, спасена ли какая-нибудь часть груза, вообще выяснить положение. Затем в Хабаровске он мог сесть на пароход.

Не медля ни одного дня, он отправился, несмотря на то, что опять начались бури. Лодки были жалкие, маленькие, часто ветхие, подвигаться приходилось очень медленно. Кропоткин с гребцами держался, конечно, у самого берега, и в таких местах плавание было более или менее безопасным. Но на пути пришлось перерезать поперек несколько довольно широких протоков Амура. Здесь плавание было очень рискованным. Маленькую лодку могли залить волны. Однажды, когда пришлось пересечь устье протока почти в километр шириной, лодка Кропоткина вместе с ним и с гребцами едва не погибла. Волны вставали огромными буграми. Лодка проваливалась между ними в водяную пропасть. Двое крестьян, сидевших на веслах, в ужасе шептали молитвы. Бледные, как полотно, с посиневшими губами они могли вот-вот бросить лодку. Но на корме сидел смелый 15-летний мальчик. Он не терялся ни на одну минуту и ловко скользил между волнами, когда они опускались. Когда же волна грозно поднималась перед носом лодки, он ловким движением весла направлял лодку носом прямо на гребень. На Кропоткине лежала самая ответственная работа. Он отливал воду старым ковшом, так как волны все время заплескивали через борта. Но к ужасу он видел, что вода набиралась быстрее, чем он успевал вычерпывать. Кропоткин работал изо всех сил с отчаянной быстротой. Но в лодку хлестнуло подряд два таких

больших вала, что вот-вот она должна была погрузиться. Один из гребцов дал Кропоткину знак, чтобы он отстегнул тяжелую сумку с серебряными и медными деньгами, висевшую у него через плечо. Казалось, что неминуемо придется достигать берега вплавь.

Таких переправ было несколько. Гребцы знали, зачем торопится Кропоткин, и сами решили плыть, несмотря на опасность.

«Семи смертей не бывать, а одной не миновать», — говорили гребцы и налегали на весла.

Наконец, через несколько дней удалось добраться до места крушения барж. Оказалось, что буря разбила 44 баржи. Спасена была очень небольшая часть провианта. В Амуре погибло около 100 тысяч пудов муки.

Вести были невеселые. Тем больше нужно было торопиться в дальнейший путь, и Кропоткин опять поплыл вверх по Амуру, меняя гребцов.

Наконец, лодку Кропоткина нагнал пароход. Он очень медленно полз вверх по течению, но все-таки шел несравненно скорее лодки. Когда Кропоткин подчалил к нему и влез на борт, то узнал, что капитан парохода «допился до чертиков и прыгнул через борт; его спасли, однако, и теперь он лежал в белой горячке в каюте».

Пассажиры просили Кропоткина принять на себя командование. Другого выхода не было, и он согласился.

«Но скоро, — пишет Кропоткин, — к великому моему изумлению, я убедился, что все идет так прекрасно само собой, что мне делать почти нечего, хотя я и прохаживался торжественно весь день по капитанскому мостику. Если не считать нескольких действительно ответственных минут, когда приходилось приставать к берегу за дровами, да порой сказать два-три одобрительных слова кочегарам, чтобы убедить их тронуться с рассветом, как только выяснятся очертания берегов, — дело шло само собою. Лоцман, разбиравший карты, отлично справился бы за капитана».

Таким образом, Кропоткину в этом плавании пришлось освоить еще одну профессию. Он благополучно довел пароход до Хабаровска и сдал его Амурской компании, а сам сел на другой, более быстрый.

Но цель путешествия была еще далека. Ему надо было с Амура добраться до Читы. Мысль о голоде, который весной неминуемо начнется в низовьях Амура, не давала ему покоя. А пароход шел вверх очень тихо. Добравшись до устья Аргуни, Кропоткин сошел с парохода и решил ехать верхом по горной тропе в сопровождении одного казака. Надо было сделать больше 300 км по Газимурскому хребту. Это одно из самых диких мест Восточной Сибири. Но приходилось торопиться. От энергии Кропоткина зависела жизнь многих людей. Он ехал верхом днем и ночью. И только в полночь останавливался где попало в лесу, чтобы несколько отдохнуть до рассвета. Правда, в результате всех этих усилий он мог выгадать всего 10—12 часов; но время было острое, навигация кончалась. На реке уже двигалась шуга.

«Наконец, — пишет Кропоткин, — я встретил на Каре забайкальского губернатора и моего приятеля, полковника Педашенко, ко-

Рис. 7. Рисунок с надписью Кропоткина

торый сейчас же позаботился о немедленной отправке нового транспорта». Таким образом, старания Кропоткина не пропали даром. Продовольствием низовья Амура были обеспечены, голода удалось избежать.

Курьером в Петербург

С Кары Кропоткину пришлось поторопиться с докладом в Иркутск, с тем чтобы представить там дело в истинном свете. Быстрота, с которой Кропоткин сделал трудный и длинный путь до Иркутска, всех удивляла.

«Но я совсем выбился из сил, — пишет Кропоткин, — и спал в течение недели так много, что теперь стыдно даже сказать».

Задача оказалась неоконченной.

— Вы хорошо отдохнули? — спросил меня генерал-губернатор дней через 8 или 10 после моего приезда. —Можете ли вы выехать завтра курьером в Петербург, чтобы лично доложить о гибели барж?

«Ехать курьером в Петербург, — пишет Кропоткин, — значило отмахать в 20 дней — не больше — в осеннее бездорожье 4800 верст до Нижнего-Новгорода, откуда я мог уже ехать до Петербурга по машине; это значило мчаться день и ночь на перекладных, в кибитке, потому что никакой рессорный экипаж не выдержал бы такой длинной дороги по мерзлым выбоинам».

И Кропоткин тронулся в путь в следующую же ночь.

«В Барабе и на Урале путешествие превратилось в настоящую пытку. Бывали дни, когда колеса кибиток ломались на каждой станции. Реки только что начинали замерзать. Через Обь и Иртыш я переправлялся, когда уже густо шел лед, который, казалось, вот-вот затрет нашу лодку. Но когда я добрался до Томи, которая стала всего накануне, крестьяне наотрез отказались переправить меня. После долгих переговоров они стали требовать с меня «расписку».

— Какую вам расписку? — спросил я.

— А вот напишите нам бумагу: «Я, мол, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что утонул по воле божьей, а не по вине крестьянской», и дайте нам эту расписку.

— Отлично — на другом берегу!

Все повеселели и решили, что шествие будет открывать молодой парень, пробуя прочность льда пешней. Вторым пойду я с сумкой с бумагами через плечо, и нас обоих будут держать на длинных вожжах в некотором отдалении крестьяне... Так и сделали».

«Молодость — великое дело, — пишет Кропоткин. — После этого ужасного путешествия, продолжавшегося беспрерывно 24 дня и ночи, я прибыл рано утром в Петербург, сдал в тот же день бумаги, и не преминул навестить одну из теток или, точнее, кузин. Она сияла.

— Сегодня у нас танцуют. Придешь ли ты? — спросила она.

— Конечно, — был мой ответ.

И не только пришел, но танцовал еще до раннего утра».

Только в Петербурге Кропоткин понял, почему именно его послали с докладом о крушении барж. Зная сибирские нравы, высшие сановники, заведывавшие в Петербурге сибирскими делами, не поверили

бы гибели барж, если бы об этом не свидетельствовал как очевидец сам П. А. Кропоткин.

Недолго прожив в Петербурге, Кропоткин должен был вернуться в ту же зиму в Иркутск. Опять ему пришлось от Нижнего-Новгорода ехать на лошадях. Это зимнее путешествие на протяжении 4800 верст показалось ему совсем легким и даже приятным по сравнению с тем, что он проделал летом и осенью 1863 г.

«Не знающие Сибири думают, что зимнее путешествие ужасно тяжело. Но, в сущности, оно легче, чем в какое бы то ни было другое время года. Сани несутся по накатанной дороге. Холод сильный, но он переносится сравнительно легко, когда лежишь в кошеве, как это принято в Сибири, закутанный в двойную меховую полость; особенно не страдаешь от мороза даже в 40 или 50° ниже нуля. Путешествуя как курьер, т. е. быстрыми перепряжками и остановками лишь раз в сутки, на один час для обеда, я через 19 дней после выезда из Петербурга был уже в Иркутске. В сутки я проезжал средним числом 300 верст, а тысячу верст от Красноярска до Иркутска сделал в 70 часов. Мороз стоял не особенно сильный, дорога была отличная, и ямщики хорошо получали «на водку». Тройке быстрых лошадок как будто доставляло удовольствие мчать легкую кошеву по горам и долам, по замерзшим рекам и среди тайги, сверкающей на солнце в серебряном уборе».

Кропоткин с удовольствием вспоминает эту девятнадцатидневную дорогу без единого ночлега, путешествие было его стихией.

Начав сплав барж от Читы с первым паводком на Шилке, он, без перерыва, к середине зимы проехал расстояние от Читы почти до Хабаровска на Амуре, оттуда до Петербурга и обратно в Иркутск, т. е. с берегов Тихого океана до Финского залива в оба конца на баржах, на лодках, верхом, в повозках и на санях и лишь небольшую часть пути на пароходе и по железной дороге.

Во время этих путешествий-командировок Кропоткин почти не имел возможности вести научные исследования и наблюдения, но все-таки успел составить карту Амура на пройденном им пространстве и первый дал географическое описание этой великой азиатской реки[1].

---

[1] Амур, которым Кропоткин так восхищался и называл его «Миссисипи Дальнего Востока», — одна из самых мощных рек Восточной Азии. Общая длина его течения от слияния Шилки и Аргуни до впадения в Тихий океан 2870 км. Амур имеет огромное значение для обороны Советского Союза, так как на большом протяжении представляет государственную границу между СССР и Манчжурией, входящей в состав Китая, — теперь захваченным японцами Манчжоу-Го, находящимся под контролем Японии. Нижнее течение Амура прорезает советский Дальний Восток и находится целиком в пределах СССР.

Амур судоходен на всем протяжении до впадения в Амурский лиман, который представляет собою часть Татарского пролива, отделяющего остров Сахалин от Азии. От устья вверх по течению на протяжении 470 км Амур доступен для морских судов. Многоводные притоки Амура — Уссури, Сунгари, Албазин, впадающие в него с правой стороны, и Бурея и Зея—с левой, судоходны. Основные грузы — рыба, хлеб, лес и строительные материалы. Главные рыбные промыслы на Амуре сосредоточены в нижнем течении, где в большом количестве ловятся кета и горбуша. Добыча их превосходит несколько десятков тысяч тонн в год.

IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАНЧЖУРИИ

Сборы

Когда зимой 1863/1864 г. Кропоткин возвратился в Иркутск, он уже не мог сидеть на месте. Ему было невыносимо тоскливо и скучно в должности чиновника особых поручений по казачьим делам, и он решил заняться географическим исследованием Манчжурии.

Это была тогда совсем не исследованная страна, которую еще не посещал никто из европейцев. Но забайкальские казаки вели с ней довольно оживленную торговлю скотом.

Между крайним юго-восточным углом Забайкалья и Благовещенском расстояние по прямой линии всего около 700 км. По Аргуни же и по Амуру до Благовещенска больше полутора тысяч километров. Аргунь на этом протяжении не судоходна, и сообщение по ней очень затруднительно. В ее низовьях не было никакой другой дороги, кроме трудной горной тропы. Забайкальские казаки, жившие в юго-восточном углу области, в станице Ново-Цурухайтуе, просили администрацию установить прямое сообщение с Благовещенском и со всей средней частью Амура через Манчжурию. Там был очень большой спрос на их скот. Продавая его дешево монголам, казаки знали от них, что через Большой Хинган монголы легко перегоняют скот на Средний Амур. Идя прямо на восток от Ново-Цурухайтуя, можно было выйти на старую китайскую дорогу, которая пересекала Хинган и приводила в г. Мерген в Манчжурии, на р. Нонни, притоке Сунгари. От Сунгари до Амура шел хороший, удобный колесный тракт.

«Я согласился с величайшим удовольствием, — пишет Кропоткин. — Ни один европеец никогда еще не посещал этих мест; русский топограф Ваганов, направившийся туда незадолго перед тем, был убит. Лишь два иезуита, при императоре Кан-си, проникли с юга до Мергена и определили его широту. Весь же громадный край к северу, шириной верст в 750 и длиной верст в 900, был совершенно не известен».

Несмотря на все усилия, Кропоткин ничего об этом крае не мог найти. Даже китайские географы ничего о нем не знали. Тем заманчивее было путешествие в эту неведомую страну. Кропоткин предчувствовал, что будет пионером великого дела.

Собираясь в это путешествие, он ясно сознавал его громадное политическое и экономическое значение, что он идет прокладывать трассу для будущей великой магистрали между Атлантическим и Тихим океанами. Но тогда, в 1864 г., о железной дороге еще никто не думал.

Помимо полной неизвестности, путешествие это было и явно опасным. По договору с китайскими богдыханами значилось, что мы можем торговать в Китайской империи и с Монголией, а Манчжурия не была упомянута. Китайские власти утверждали, что у русских нет права торговли в Манчжурии. Русские толковали договор на свой

лад. Забайкальских купцов китайские власти иногда пропускали. Для чиновников же въезд в Манчжурию был закрыт. Тем рискованнее было проникнуть туда офицеру казачьих войск, которым был тогда Кропоткин. И он решил пробраться в Манчжурию в качестве торговца. У Кропоткина всегда были большие артистические способности. В Чите и в Иркутске он так увлекался выступлениями в драматическом кружке, что одно время решил было, что его настоящее призвание быть актером, и хотел целиком отдаться театральному искусству. А тут перед ним стояла задача сыграть не на сцене, а в жизни, в условиях трудных и опасных, роль забайкальского купца, торговца скотом и всякими товарами и провести эту роль в течение не одного вечера, а целого месяца. Но чем труднее было дело, тем оно казалось интереснее молодому Кропоткину.

Уже в Иркутске он переоделся в костюм купца, приобрел соответствующие манеры и обучился говору, с тем чтобы не только китайские власти, но и забайкальские казаки-гуртовщики, с которыми он должен был ехать, не могли отличить его от купца. Роль надо было выдержать так, чтобы решительно никто не догадался о переодевании. Дело было серьезное: раскрытие офицерского звания могло грозить большими неприятностями и даже смертью. Но сам Кропоткин рассказывает об этом в «Записках революционера» очень легко, как будто это был действительно большой спектакль с переодеванием.

Разучив свою роль, Кропоткин накупил в Иркутске и взял на комиссию различные товары. Затем он получил паспорт, в котором значилось: «Иркутскому второй гильдии купцу Петру Алексееву с товарищами».

Вручая Кропоткину этот паспорт, генерал-губернатор шутя просил Кропоткина ни в коем случае не выдавать его и не называть себя, что бы с ним ни случилось: «Даже если китайские власти арестуют вас, — говорил генерал-губернатор, — и повезут в Пекин, а оттуда через Гоби до русской границы в клетке на спине верблюда». Так китайцы всегда возили арестованных через Монголию.

«Я принял, конечно, все условия», — пишет Кропоткин.

Он не мог устоять перед великим искушением посетить обширный неведомый край. Через 35 лет, в 1898 г., Кропоткин напечатал в американском журнале свои «Записки революционера». В них он описал путешествие по Манчжурии так, как будто оно проходило без всяких затруднений и опасностей, без напряженного труда.

Если же обратиться к документам того времени, к дневникам Кропоткина и его письмам, то станет ясным, что эта экспедиция досталась ему не легко. Надо вспомнить, что Кропоткин был воспитан в аристократической семье. Правда, у него были задатки твердого характера, но еще только задатки. Нужно было пройти суровую школу практической жизни, в путешествиях по Сибири и Дальнему Востоку, среди суровой природы, среди людей, живущих в первобытных условиях, чтобы этому юноше, еще неопытному и наивному, превратиться в ученого исследователя, бесстрашного путешественника.

Следя по дневнику и письмам к брату, можно видеть, какой огромный, единственный в своем роде опыт проделал Кропоткин.

Это путешествие было первой его исследовательской экспедицией, и он готовился к нему с большим душевным подъемом, почти с восторгом.

«Сэша, — пишет он брату 27 февраля 1864 г., — я могу написать тебе чрезвычайно приятную для меня и неприятную для тебя новость...» и дальше сообщает, что решено отправить экспедицию в Манчжурию.

«Русские ходили только с Цурухайтуя, — пишет Кропоткин брату, — до Хайлара, из Айгуна на Мерген и Цицикар. Теперь снаряжается экспедиция из Цурухайтуя на Айгун. Есть слухи, что тут есть дорога. Есть слухи, — наивно продолжает он, — что живут тут какие-то племена (не помню какие). Теперь хотят узнать, действительно ли хороша эта дорога, можно ли прогонять по ней скот. Говорят, там дешев скот и проч. и проч. Нужно узнать, что это за сторона. Ходили туда иезуиты, но очень давно, и сведений очень мало. Кукель[1] предложил мне эту экспедицию. Снарядив караван из 3—4 казаков, лошадей 12, закупим товаров и поедем торговать. Я поеду тоже торговцем, и сохрани бог подать вид, кто я, — могут не пустить, — знаешь, как китайцы подозрительны, особенно если узнают, что я военный. Потихоньку надо будет снять дорогу; для этого, может быть, дадут в помощь топографа. Командировка, как видишь, в высшей степени интересная, тем более, что всякие сведения драгоценны, но нельзя будет выдать себя, а потому надо быть очень осторожным, а потому запасусь коробкой товаров, бусоль за пазуху, барометр в карман — и марш. Одежда простого казака, буду приторговывать... Вчера Кукель предложил избрать меня в члены Сибирского отдела Географического общества, избрали и ждут великих милостей. Рылся я сегодня в библиотеке генерального штаба и ничего не нашел об этой сторонке.

Но, Саша, тут-то и поражает меня мое незнание, мучительно. Важно определить строение гор. А как я определю? Я шифера не отличу от гранита или почти так. Растительность, как я ее опишу? Срисуя? Как?

Да, жалко, а можно бы было многое описать. Везти же коллекцию невозможно, поймут, что я не казак, тогда и казенной цели не достигнешь. Спасибо, хоть съемку могу сделать, и то с трудом... Нужен навык, но это еще самое легкое, — а строение гор и растительность — вот беда...

Вчера помешали кончить. Сегодня я получил «Азию» Риттера и пять карт этого края, т. е. ни одного лешего туда не носило, ходили с Цурухайтуя на Пекин, но прямо на Айгун никто не ходил, и для исследований никто не забрел в этот угол. На картах китайских все нанесено чрезвычайно нелепо и разнообразно, так что я не могу составить себе даже приблизительного понятия о том, как пойду, по каким рекам.

Из Цурухайтуя мы выедем в первых числах мая, для этого мне придется перебраться в Забайкалье по последнему льду на Байкале. т. е, в половине апреля. А потом скоро — прощай, Иркутск.

---

[1] Начальник штаба иркутского генерал-губернатора генерала Корсакова.

Теперь же придется заниматься преимущественно этим делом, надо читать, что есть по крайней мере, о соседних странах».

Почти детский стиль письма и крайнее возбуждение говорят о том, что у Кропоткина, употребляя выражение Чехова, тогда вертелись мозги от фантазии. Новый член Сибирского отдела Географического общества собирался с великим энтузиазмом в свое первое путешествие, остро впитывая в себя все впечатления, которые давали ему люди и природа.

«Подготовка к будущей поездке составляет теперь главное мое занятие, — пишет он в письме из Иркутска 1 марта 1864 г. — Целые дни, кроме времени от 2-х до 7-ми часов, я просиживаю над «Азией» Риттера и картами. Сведения об этой стране сообщаются только косвенные, дающие возможность судить о ней по аналогии и то в таких крупных чертах, что можно с трудом их предугадать».

«Я теперь читаю разные разности о Китае, Манчжурии и Монголии, — пишет он 15 марта. — Жизнь идет очень однообразно: утро за книгами о Монголии, Манчжурии и т. п. вещах».

«А завтра тоже с утра черчение карт по спутанным маршрутам Ланэ и т. п. дрянь», — пишет уже с раздражением молодой Кропоткин.

Он работает изо всех сил с огромным подъемом, но у него под рукой нет материалов, и он начинает раздражаться, иногда это выливается в письмах — вроде вышеприведенного, относящегося к материалам, по которым ему приходится готовиться к первой и такой важной в жизни будущего великого русского географа и путешественника экспедиции.

«Пока ничего не знаю о своем отъезде, завтра или послезавтра узнаю, тогда напишу... Я рад буду выехать. Пора уже, или надо вести жизнь иначе».

Второго апреля он пишет: «Скоро я еду, дней через 5—6... Вообрази, какая здесь недостача в грамотных, — говорили, не поспею ли я раньше выйти, чтобы взять на себя историческую часть экспедиции, которая, кажется, пойдет на Сунгари (приток Амура). Конечно, не успеть, но если я выеду в Благовещенск, поеду до Николаевска».

Страсть к путешествиям, как видно из этих строк, уже целиком захватила тогда молодого Кропоткина. Еще не выехав в одну экспедицию, и при этом очень рискованную, представляющую в подлинном смысле «прыжок в неизвестность», он уже соглашается участвовать в другой — по Сунгари в новой роли «историографа», как была определена в приказе его должность в следующей совершенной им экспедиции по Сунгари, притоку Амура.

Кроме того, он надеялся в промежутке проплыть по Амуру до Николаевска.

Восьмого апреля он пишет: «Измученный, усталый сажусь я написать тебе хоть несколько строк. Вот два дня бегаю, как гончая собака, повсюду получать всякую штуку, закупать товары, менять деньги на серебро и пр. и пр... Потом укладка. Завтра еду вечером и очень рад выбраться».

От Читы до Цурухайтуя

Девятого апреля Кропоткин выехал из Иркутска. 18 апреля он пишет брату:

«Дня три тому назад я приехал в Читу. Ехал себе спокойно, не торопясь, заезжал по дороге в один бурятский дацан (т. е. в ламаитский монастырь)... Я хотел пробыть в Чите не больше двух дней, ехать дальше в Чиндант» (т. е в Чиндантскую станицу на р. Онон на границе с Манчжурией).

Но оказалось невозможным дальше ехать: реки еще не прошли, а лед на них был так слаб, что пробраться нельзя.

Только 27 апреля он двинулся дальше. В пути Кропоткин ведет дневник. Он делает записи штрихами или красочными пятнами, местами дает подлинно поэтические описания природы. Когда читаешь дневник, любознательность молодого путешественника поражает. Ей нет пределов. У него необыкновенно острый интерес решительно ко всему: и к людям, и к природе, и к явлениям жизни, и к поэзии, и к науке. Его интересует земля, в то же время он следит и за звездами, ведет съемку пути бусолью, наблюдает за настроением и поведением своих спутников. При этом любопытство у Кропоткина особого рода: это — напряженное исследование, при котором внимательно и остро подмеченные явления и систематизированные наблюдения приводят путешественника к глубоким и ценным научным выводам. Он во все входит сам, все желает видеть собственными глазами, все проверяет, ничего не принимая на веру. Все явления сравнивает и старается найти им объяснение. Изучает и видит многое такое, чего другие не видят и не замечают. Стремясь познать все окружающее, собирая факты, он в то же время стремится понять их внутренний смысл, объединить в цельном мировоззрении. В этом отношении его дневник особенно интересен.

Заметки дневника — это и геология, и география, и орография, и флора, и фауна, и этнография, и экономика пройденных им мест. Исключительно внимание к человеку, к человеческому труду. Почва, посевы, покосы, все виды сельского хозяйства, все виды промыслов, торговля, рыночные цены, жилище, домашний быт, предметы обихода— все находит свое место в записях дневника этого добросовестного наблюдателя, молодого исследователя. И тут же необычайно остро подмеченные детали объединяются в широких обобщениях. В то же время сквозит и очень деятельная доброта этого человека по отношению ко всем своим спутникам, его прямота, ум, живое чувство к людям и подлинная страсть к природе.

Когда Кропоткин выезжал из Читы в конце апреля, реки уже очистились от льда, местами показалась трава. На острове при слиянии Ингоды с Читой кипела жизнь. Баржи грузились и отправлялись, «чтобы, отойдя несколько верст, садиться на мель». Это повторялось здесь каждую весну.

Расставшись с Ингодой, Кропоткин в сопровождении одного казака повернул на юг и пошел по правому берегу, заросшему лесом. Чем дальше они подвигались верхом по горной тропе, тем гуще станови-

лась трава. Сосновый лес сменился березняком, сказывалось продвижение на юг. Горы стали ниже, их формы мягче, лес постепенно исчез, и у деревни Усть-Иля уже расстилалась степь, по которой изгибами протекает быстрая р. Онон. Отсюда тянутся к югу бесконечные степи — начало грандиозной степи-пустыни Гоби. За Усть-Илей Кропоткин пошел вдоль границы, параллельно которой километрах в 30 тянется дорога. Граница была обозначена здесь каменными маяками, соединенными дорожками, протоптанными пограничниками-объездчиками. Эти казаки, державшие здесь границу, были своего рода казачьей аристократией, в своем быту и в хозяйстве они много переняли от соседних монголов. Как у монголов, у казаков были громадные стада скота. «То же молодечество при обращении с лошадьми, — пишет Кропоткин, — дома — желание блеснуть своим аристократизмом, большими зеркалами, в которые никто не смотрится, пожалуй, лампой, которая никогда не зажигается, едой, сильно смахивающей обилием блюд и приправами на китайщину, то же истинно монгольское любопытство, наконец та же роскошь в одежде жен, дорогие наряды и всюду проникающий кринолин, красующийся на китайской границе, —вот что бросается тут в глаза. В довершение всего загорелые лица и часто попадающийся слегка монгольский тип лица. И то, что всякий казак непременно «мало-мало» говорит по-монгольски, довершает оригинальный характер здешнего казачества».

Главным занятием пограничных казаков было скотоводство и контрабандная торговля с Монголией и Китаем.

Скотоводство здесь достигало огромных размеров. По дороге попадались большие стада рогатого скота и большие табуны лошадей. Казаки побогаче владели стадами в несколько тысяч голов и табунами в 100 и более кобылиц. Такие хозяева не были редкостью. «Косяки» кобылиц паслись под руководством жеребца. Хороший жеребец ценился очень дорого, как подлинный «хозяин-вожак» косяка. Конские табуны и косяки содержатся круглый год на подножном корму, питаясь зимой «ветошью» — прошлогодней травой. Заготовка сена здесь не производится из-за недостатка рабочих рук. Хороший жеребец «грудит», собирает свой косяк и водит его по пастбищу, на ночь укрывается с ним в какой-нибудь пади от ветра, а утром снова разыскивает для него пастбище. Когда в 60-х годах прошлого века была объявлена свободная торговля с Монголией и Китаем, казаки со всей границы двинулись караванами со своим рогатым скотом и лошадьми. За кобылу монголы давали 10 кирпичей чая, который стоил тогда по рублю, и рублей на 10 китайки и других бумажных и шелковых материй.

В 60-х годах здесь появилось земледелие.

«Близ караулов, — пишет Кропоткин, — представлялось явление, давно здесь невиданное, приходилось иногда ехать между двумя рядами пашен».

«Действительно, здешние степи в высшей степени удобны для скотоводства и не менее того удобны и для хлебопашества».

Изучению быта Кропоткин посвящает все более или менее длительные вынужденные остановки. Время в пути у него никогда не пропадает

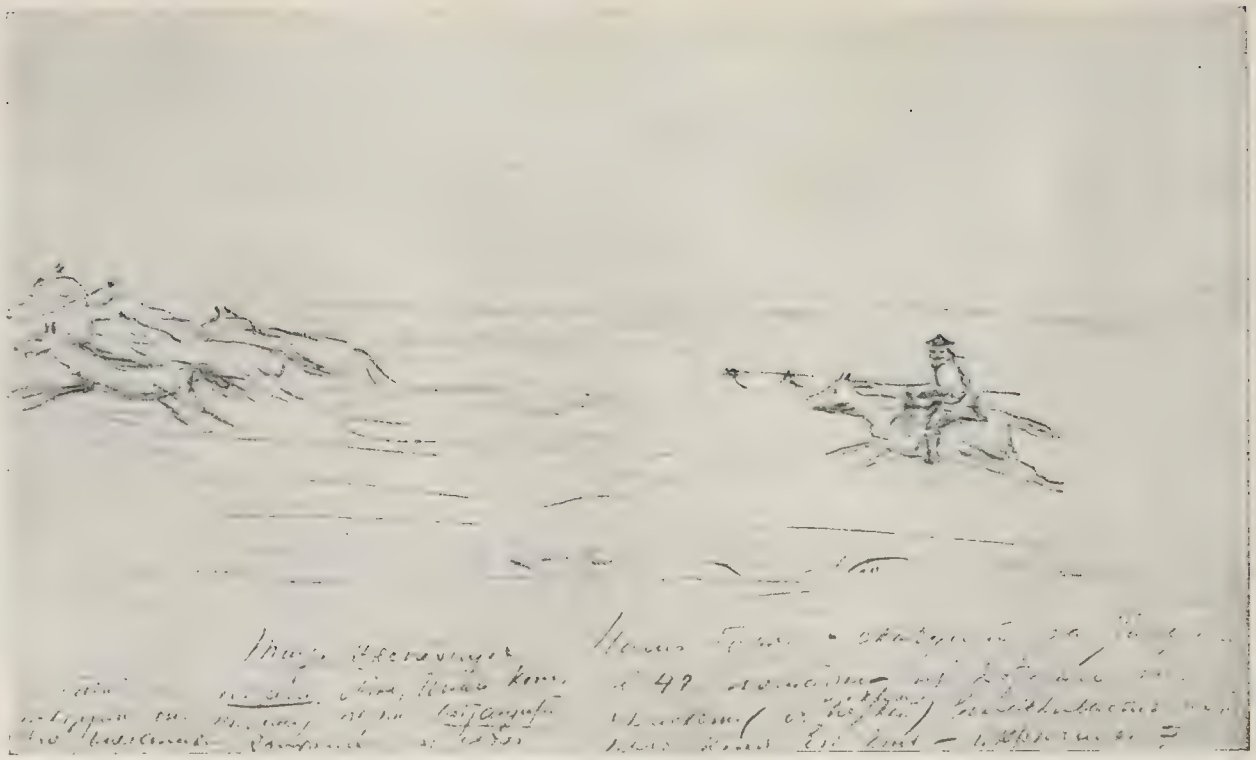


Рис. 8. Укрюченье лошади

даром. Из станицы Чиндантской, где пришлось провести несколько дней, он пишет брату:

«7 мая, станица Чиндантская. Ну, Саша, я вот уже несколько дней в Чинданте... Теперь я еду на восток, удаляюсь от тебя и не небольшими шагами, уж хватишь, так 400, 700 верст как не бывало. Живу здесь у бригадного командира Букгевдена, немца, молодого, славного человека, — он меня снарядит, и 13-го я выеду отсюда в Цурухайтуй, чтобы 15-го выехать в дорогу. Живу я на границе, т. е. верстах в 30 от собственно границы, означаемой маяками, в казачьей станице, в ужасной глуши. Впрочем, есть занятие. Букгевден занимается минералогией. Чтобы делать анализ, он выписал себе нужные химические реактивы, но дорогой от всех отклеились ярлычки, которые ныне затеряны; следовательно, имеется ряд баночек и скляночек, содержащих неизвестно что. Я и работаю целый день, чтобы узнать, что в них, и почти кончил, остался пяток скляночек, которые не поддаются моим трудам. Это одно; затем второе — это разговоры о Монголии, Китае, караванах и пр. и пр. Много нового, нисколько не похожего на жизнь, которую я прежде видел, — совсем иная и народ другой. Ну, да тебе это не интересно. А здесь только и речь, что о караванах, которые в нынешнем году намерены тронуться внутрь Китая. И вот живу я среди кислот, все руки перепачканы, в обществе Букгевдена и нескольких зауряд-офицеров, с ними только о торговле и можно говорить, да и то нужен гидравлический пресс, чтобы выжать хоть одно словечко. Да, забыл: здесь тепло, хорошо, так и манит в поле. Особенно я почувствовал это, когда накануне отъезда из Читы отправился утром на Ингоду, — на берегу нагрузка барж, шум, движение, работа, река такая славная, так и манит на реку. А ходил я определять течение, скорость течения, — проспал».

Как наездника и любителя лошадей Кропоткина привлекали к себе огромные казачьи табуны. Очень картинно он описывает «укрючение» и клеймение лошадей перед отправлением их в косяки.

«Выбрав свою жертву, укрючник во весь мах несется за ней, врезываясь в середину табуна; табунный конь, завидя укрюк (длинный шест с арканом на конце), несется, что есть мочи, но седок не отстает, следит за малейшим движением коня, ловко маневрирует своим, наконец улучит минуту и накидывает укрюк. Конь не сдается, мечется во все стороны, но укрючник крепко сидит в седле, иногда даже для большей крепости садится за седло и так носится с конем, пока не обгонит его и не станет лицом к лицу, затягивая аркан. Тогда подскакивают пешие, хватают коня за гриву, за хвост, удерживают его, пока снимается аркан и пока, схватившись за хвост, ловким движением сразу не повалят коня. Тогда все стоящие поблизости буряты наваливаются на свою жертву и накладывают клеймо, или же надевают узду, оседлывают, и когда седок забрался раз в седло, тогда конь может уже сбивать, сколько хочет, — седок засел крепко; учащенными ударами нагайки он укрощает коня и ездит до тех пор, пока не доведет его до совершенного изнеможения. Тогда конь после целого дня такой езды поступает уже в число выездных лошадей.

В этом празднике и женщины принимают живое участие... Между

женщинами не редкость найти лихих ездоков, даже наездниц, которые не хуже любого наездника на скаку поднимают с земли какую-нибудь вещицу и т. п. Они ездят на обыкновенном мужском бурятском седле».

Так жили богатые казаки-собственники. «Конечно, бедный (а эти две грани довольно резко отделены), — пишет Кропоткин, —должен работать, наниматься куда-нибудь, косить на других и т. п. И богатый всячески готов теснить его, — в отводе ли сенокосов, в отбывании ли повинности, ни в чем не упустит своего, взваливает на него всякую работу, а сам только поглядывает да отдыхает».

«Но так живя, — добавляет Кропоткин, — с тоски умрешь: необходимо развлечение. Первое развлечение составляет осенью травля лисиц и вообще всякая охота, весною бега. На бега является много охотников, и, кроме самих бегающих, живое участие в беге принимают и зрители, которые ставят на пари по несколько голов скота из табуна, и иногда таким образом проигрывается очень много. Третье развлечение составляют «вечорки» всяких калибров».

При таких огромных природных богатствах жизнь казачьей бедноты очень несладка. Некоторые из них нанимаются даже к соседям— пограничникам-монголам. «Пограничные караульные монголы, — пишет Кропоткин, — те уже вовсе ничего не делают, — даже и косить не ходят. Правда, начальство заставляло их косить для зимы. Они нанимали своих соседей казаков. Казаки, бывало, накосят узенькую в три размаха длинную полосу; монголы умоляют: довольно, довольно, когда мы все соберем? И ухаживают за казаками, кормят напропалую, поят «ханшиной» (водкой), как будто они уж ни есть какой подвиг сделали, что накосили столько сена. А для них, оно, пожалуй, и подвиг, так как с косами они теперь только знакомятся, большей частью косят большим ножом вроде серпа, а бывает, что и руками нарывают. Живут, впрочем, эти монголы очень бедно. Но они не требовательны: была бы буда (просо), а чаю напиться можно у русских. А главное, был бы табак в «каптурге» (кисете); «аргалу» же (бычьего или скотского помета) в степи везде довольно, следовательно, в юрте будет тепло и в дырявой шубе, которая служит ему и зиму и лето».

«От Чиндаита почти во всю дорогу до Старо-Цурухайтуя, — пишет Кропоткин, — тянулись перед нами необозримые, сперва совершенно ровные, потом более холмистые, но безлесные степи, покрытые на высоких местах наносной почвой, а в падинах — превосходнейшим черноземом. В падях по многим речкам стали появляться приисковые партии, которые с прошлого года закопошились в Забайкалье... Если разовьются золотые промыслы, то, конечно, хлеб, овес и т. п. станут еще нужнее».

Во время этого путешествия по Забайкалью у Кропоткина появились мысли о необходимости индустриализации. «При этом не могу не высказать следующее, — пишет он. — Забайкалье до такой степени богато сырыми продуктами и так бедно всякими мануфактурными изделиями, что, по моему мнению, фабричная деятельность с помощью машин (рабочие руки здесь дороги по редкости населения) должна со временем получить здесь большое развитие. Фабрики суконные, стеклянные, кожевенные, канатные, винокуренные и другие най-

дут здесь превосходные и недорогие сырые материалы и хороший сбыт как на месте, где мануфактурные изделия страшно дороги, так и на Амуре».

Кропоткин глубоко возмущался эксплоатацией бурят и тунгусов кулаками из казаков-пограничников.

«Но, не уносясь в будущее, возвращусь к пограничным караулам, — пишет он.—В стороне от дороги бродят такие же огромные стада, как и прежде, только скот становится заметно крупнее. Во все стороны виднеются юрты «братских» (бурят) и тунгусов, нанимающихся в пастухи; лучших трудно найти пастухов, так как умение обращаться вообще со скотом, а в особенности с лошадьми, доведено у них до совершенства. Тунгусы пасут стада, а аргунские казаки живут себе, питаясь от своих огромных стад, в своих хоромах с совершенно ненужной им роскошью — зеркалами, лампами и т. п., живут не бедно, лениво: целая жизнь проходит в сонном бездельи».

Живя в Цурухайтуе во время сборов в экспедицию по Манчжурии, Кропоткин никак не мог помириться с тем, что его хозяин-казак целые дни проводит дома, и «дома-то он пальцем о палец не ударит».

Пограничные казаки здесь обратились в кулаков, эксплоатировавших бурят и тунгусов.

Спешный переход границы

Готовясь к своей роли купца, Кропоткин репетировал ее с капитаном Буксгевденом.

«Присаживайтесь, Петр Алексеевич, говорил мне капитан Буксгевден, — пишет Кропоткин в «Записках революционера», —когда на столе почтовой станции в станице появлялся пыхтевший самовар.

— Покорно благодарим-с, и здесь посидим, — говорил я, садясь вдали на кончик стула и принимаясь пить чай совсем по-московски. Буксгевден надрывался от смеха, глядя, как я, выпятив глаза, дул на блюдечко и грыз кусочек сахара, с которым выпивал 3—4 стакана».

Кропоткин хорошо изучил все манеры и ухватки местных торговцев. И все-таки, выезжая из Чинданта в Цурухайтуй, Кропоткин догадывался, что при всем его искусстве перевоплощаться, казаки его разоблачили, но отступать не приходилось. «Я приехал сюда (в Цурухайтуй), чтобы и здесь слыть за купца, — пишет он брату, —напрасная мечта, узнали, что я князь; проклятая кличка везде пакостит, и я уверен, что отчасти поэтому казаки стали отказываться итти на Айгун, потому что думают, еще чорт знает, что за зверь, да пойдет с причудами, с барством, пожалуй еще с треножкой, которой так боятся китайцы (сиречь с инструментом), а у меня только бусоль не больше табакерки, которой я буду делать съемку, не слезая с лошади, чему уж делал опыт здесь, — скверно, но ничего, можно.

Счастье еще, что Корсаков порешил, что нельзя брать топографа, а то казакам бы все испортили, да и с китайцами могли бы быть неприятности».

В Цурухайтуе Кропоткин понял всю трудность своего положения. Именно здесь, на русской территории и среди русских, особенно трудно

было скрыть свое лицо — так как «казаки по части проницательности и пытливости, — как пишет Кропоткин, — заткнут за пояс монголов».

Хозяева изб, ямщики, встречали его, как купца с караваном товаров, с полным радушием, но на каждом станке его подвергали настоящему допросу. Вопросы ставились так, что Кропоткин не мог не догадаться, что его положение чем дальше, тем все больше запутывается.

Вот как он передает свои беседы с хозяином станка:

«— Однако, дорога трудная, — начинает он. — Далеконько от Читы» («однако» — должно быть).

— А особливо если ехать, может быть, не из Читы, а из самого Иркутска?

— Торгуете, много торговых людей проезжает здесь. Однако, и до Нерчинской доедете? В ваши годы тоже женаты бывают. Хозяйка, пожалуй, осталась дома? Деток тоже имеете? Тоже, поди, не все парнишки: и дочки есть?».

С каждой станцией положение становилось труднее. Кропоткин хорошо знал, что казаки очень скоро не только догадаются, кто он, но и точно узнают все. Задача заключалась в том, чтобы выиграть несколько дней, быстро проехать Забайкалье и переправиться через границу, пока казаки не отказались от путешествия.

«В одной из станиц, — пишет Кропоткин, — старуха-хозяйка окликнула меня.

— За тобой едет кто-нибудь еще? — спросила она.

— Не слыхал, бабушка.

— Как же, сказывали, какой-то князь Рапотский, что ли, должен проехать. Будет он, нет ли?

— Да, точно, бабушка, — отвечал я. — Их сиятельство, действительно, хотели приехать из Иркутска. Ну, да где же им в такую погоду. Так они и остались в городе.

— Что и говорить, — где уж ему ехать».

Эти разговоры дали понять Кропоткину, что о командировке чиновника в Манчжурию казакам известно.

При таком положении надо было скорее кончать «комедию», т. е. или итти открыто, или отказаться от предприятия, которое с каждым днем становилось все более рискованным. Но Кропоткин был не из тех, кто отступает перед препятствиями. Наоборот, он поспешил перейти границу, решив, что казаки, оказавшись в Манчжурии, будут не менее его заинтересованы в том, чтобы князь «Рапотский» не был разоблачен, и сами будут осторожны.

И расчет оказался правильным.

Маршрутное описание

Караван был большой. Кроме Кропоткина было еще одиннадцать казаков и один тунгус. Все ехали на верховых лошадях и еще гнали на продажу большой косяк в 40 лошадей. Сверх того, у них были еще две повозки, нагруженные товаром. Из них одна одноколка принадлежала Кропоткину, на другой его спутники-забайкальцы везли свой товар. Кропоткин вез сукно, плис, позументы и всякую галантерейную ме-

лочь. Чтобы монголы не могли догадаться о его роли, он со своим конем и одноколкой справлялся совершенно один, без всякой помощи.

Старшиной каравана был выбран один из забайкальских казаков, урядник Софронов, уже бывавший в Манчжурии. Как начальник он должен был вести все дипломатические переговоры с китайскими властями. Положение каравана облегчалось тем, что все забайкальские казаки говорили по-монгольски, а тунгус понимал и по-манчжурски.

Один из казаков видел Кропоткина в Иркутске в роли чиновника особых поручений по казачьим делам и только дипломатично его не признавал, а после перехода границы оказалось, что не только он, а и все спутники Кропоткина — казаки знают, кто он, но не выдают его, так как все понимают необходимость молчания. Иначе все вместе могли быть арестованы и, может быть, даже убиты.

Кропоткин был одет так же, как и все остальные торговцы-гуртовщики, ничем не выделялся среди участников каравана. На нем был синий бумажный халат и монгольская шапка, как и на казаках, с которыми китайцы привыкли иметь торговые дела.

Монголы и китайцы ничего не подозревали.

«Китайцы до такой степени не замечали меня, — пишет Кропоткин, — что я мог свободно делать съемку при помощи бусоли. Только в первый день, когда нас осаждали всякого рода китайские солдаты в надежде получить еще чашку водки, я должен был украдкой справляться с бусолью и записывал засечки и расстояния в кармане, не вынимая бумажника».

Когда весь запас водки, бывшей в караване, был исчерпан, китайские солдаты-пограничники оставили Кропоткина и его спутников в покое, окончательно убедившись, что получить больше водки нельзя.

От границы Кропоткин взял прямо по компасу направление на восток.

Для руководства в этой экспедиции у него были только китайские карты очень древнего происхождения, весьма далекие от действительности. Более обстоятельными и серьезными были сведения его спутников-казаков, которые черпали их из рассказов стариков. Главным содержанием этих рассказов были мечты о великой реке Амуре. Почти никаких фактических сведений о маршруте, по которому надо было итти, у казаков не было, но им страстно хотелось поскорее увидеть степи, которые, по рассказам стариков, тянутся на сотни верст по берегам Амура — этой сказочной для них реки и могут дать много хлеба и прокормить миллионы людей.

Когда Муравьев присоединил Амур к России, все интересы и мечты забайкальских казаков сосредоточились вокруг нового, невиданного ими края. От первых засельщиков, поселившихся в верховьях Амура, родственники получали вести, передававшиеся из уст в уста, о том, что они там благоденствуют. Другие слухи сообщали, наоборот, о больших затруднениях, переживаемых на Амуре первыми засельщиками. Все знали, что по берегам Амура растет в диком виде виноград. Жителям сурового Забайкалья уже это говорило о том, что на Амуре благодатная страна. Но путь туда был далек и очень труден — по горным неразработанным тропам, доступным только в летнюю пору и очень

опасным после дождей. И вот теперь они шли, чтобы разыскать туда прямой короткий путь всего в каких-нибудь 700 км, как можно было высчитать по картам.

Эта заинтересованность казаков создавала общий энтузиазм, обеспечивала успех путешествия.

Переправившись через границу, «мы тронулись, — пишет Кропоткин, — с тем чувством, которое естественно испытывает всякий, отправляющийся в не известную еще страну». Путь шёл сначала по степи, высоко расположенной над уровнем моря, совершенно схожей с нашими забайкальскими степями. Среди этой степи в широкой долине текла р. Ган, впадающая в Аргунь с восточной стороны. Караван шел без всякой дороги. Передвижение верхом по степной местности не представляло трудностей. Вся задача заключалась в том, чтобы выйти на старую китайскую дорогу, которая должна была привести через хребет Большой Хинган в город Мерген. Дорога была показана на китайской карте, о ней казаки знали со слов стариков. Поднимаясь по течению Гана, караван вошел в предгорья из лесистых холмов.

«В здешних лесах, — пишет Кропоткин, — много водится изюбров, лисиц, лосей и других зверей».

Сюда в те времена заходили наши охотники. Постоянного населения не было. Здесь жили бродячие орочоны, занимавшиеся охотой.

«Не завидна участь бродящих в этих хребтах орочон. С длинным ружьем за плечами — тяжелым, но очень недалеко бьющим, с ножом и большим куском трута за поясом, в одежде из звериных шкур, часто с тряпкой вместо шапки на голове, на бойкой лошаденке пускается он в хребты с их бесчисленными перепутанными падями (узкими долинами). Зверей много в этих хребтах; козы выскакивают на каждом шагу, но порох и свинец дороги орочону; число выстрелов его пороховницы на счету, и бросать заряд из-за такого пустого зверя, как коза, не всегда приходится: неравно выскочит «зверь» (изюбр), пожалуй нечем будет встретить желанного гостя. Если счастье послужит и он настреляет достаточно зверей, чтобы можно было пропитаться выручкой с их рогов, тогда будет и праздничная пища семье, и материал для одежды и для покрышки юрты, обыкновенно состоящей из древесных сучьев и ветвей, перед которой теплая войлочная юрта монгола — нечто вроде дворца».

Но оказывается, что участь этих орочон была еще не так плоха. Они бродили по западным склонам Большого Хингана, свободно занимались охотой. На восточном склоне Хингана живет монгольское племя — дауры, оседлое, занимающееся хлебопашеством. Дауры живут в домах, схожих с китайскими. Многие орочоны попадают в кабалу к даурам. Перевалив через Хинган, дауры составляют из кабальных орочон охотничьи артели, снабжают их порохом и свинцом, странствуют с ними все лето и осень в горах, забирая себе всех убитых зверей, в особенности дорогие панты-рога изюбра. Охотники-орочоны взамен получают от дауров просо для питания, порох и свинец для промысла.

На протяжении около 100 км от границы караван шел без дороги по компасу, но двигался без труда, так как прямо на восток от самой

границы тянулся вал, возведенный много веков тому назад по северной границе Монголии на несколько сот километров. Вдоль этого вала и направил свою экспедицию Кропоткин до тех пор, пока вал не свернул к югу, когда экспедиция оказалась в узкой пади р. Гана. Шли без проводников, забирались в такие места, что трудно было выбраться. Дно долины, ее пологие склоны были покрыты торфянистым черноземом, местами заболоченным, изрытым норами кротов, в которые то и дело проваливались ноги лошадей. Потом пошли по р. Экену — притоку Гана с юго-востока.

Здесь экспедиция вступила в горную страну, изрезанную глубокими долинами, разделяющими горные хребты Большого Хингана.

Кропоткин выяснил, что Большой Хинган — это высокое нагорье, окруженное хребтами. Он тянется в направлении с юга на север по окраине возвышенной степи-пустыни Гоби. Он установил также, что западные склоны Большого Хингана пологи, легко доступны, покрыты лесами, разрезаны горными долинами с луговыми склонами в верхней части.

Восточные склоны Большого Хингана, наоборот, круто спускаются в сторону Манчжурии.

На пятый день пути, к великой радости, караван у деревни Олочи выбрался на старую китайскую дорогу, идущую в Мерген. Однако «дорогой» ее можно было назвать только относительно. Двигаться по ней было трудно. По мере того как экспедиция все больше углублялась в горы, прорезанные падями, лошадям приходилось все труднее и труднее.

«Тут мы очутились, — пишет Кропоткин, — в лабиринте пологих падей, сбегающихся, чтобы составить р. Малый Хайлар, который с ручьем Большим Хайларом впоследствии образует Аргунь. Пади эти покрыты такой яркой зеленью, что издали можно заглядеться на них, но ступит лошадь, и под покровом травы везде сочится вода, тихо пробираешься по пологой покатости. Вся падь покрыта слоем чернозема, напитанного водой, как губка. Кругом все мертво: время от времени только раздается «рявкание» гурана (самца дикой козы); людей не видно; в одном только месте наткнулись мы на двух спрятавшихся за деревом орочон. С испугом просили они казаков не трогать их жен и детей, оставленных в таборе, к которому мы скоро должны были дойти».

Дальше караван медленно полз по склонам, покрытым хвойным лесом. Под дугами четырех одноколок побрякивали колокольчики. На каменистых склонах стучали некованные копыта лошадей. Тунгус-охотник, служивший вначале проводником, то и дело оглашал тайгу своими меткими выстрелами. Кроме орочон, никакого населения в этих местах не было.

«Но к счастью для орочона — хозяина этих мест, — пишет Кропоткин, — болота Большого Хингана не бездонные, как тундры Тобольской губернии; напротив, на небольшой глубине, никогда не более аршина, а большей частью и менее, провалившийся конь находит твердую почву из мелкого наносного камня или крупного красного песка, и наши телеги без труда пробираются по болотистым падям».

В верхней части пади караван вошел в глубь темного густого лиственного леса. Лесные пожары навалили на дорогу множество громадных деревьев. Вместе с буреломом они совершенно загораживали дорогу, по которой никто не ходил, кроме караула маньчжурских солдат, проходивших по ней на низовья Амура к нашей границе, периодически сменяя друг друга.

Дорога вилась бесчисленными изгибами в густом лесу посреди лиственниц, камней и цветущего багульника. Она шла в гору, и было ясно, что ведет на перевал через хребет Хинган, который по картам и по рассказам представлялся грозным и трудным. В действительности было совсем не так. Постепенно поднимаясь, путешественники оказались выше полосы лесной растительности, вокруг дороги росла только скудная трава, деревья были малорослы, искривлены, покрыты лишаями. Не трудно было догадаться, что караван поднялся уже на значительную высоту. Справа и слева всюду виднелись гольцы, т. е. обнаженные скалы, лишенные всякой растительности.

«Мы нагнали по дороге, — пишет Кропоткин, — крайне жалкого на вид старого китайского чиновника, ехавшего в одноколке. Он медленно плелся впереди нашего каравана... Мы уже думали о тех трудностях, которые встретим при перевале через хребет, когда увидали, что старый китайский чиновник остановился и вылез из своей таратайки у «обо».

Это была груда камней на горной дороге, где по обычаям, установившимся в Азии, всякий путешественник, проезжающий мимо, кладет свой камень и привязывает к палке или к кустику часть конской гривы или несколько тряпок «в благодарность горному духу» за благополучно совершенный путь.

Китайский чиновник выдернул несколько волос из гривы своего коня и навязал их на ветку.

— Что это такое? — спросили мы.

— Обо. Отсюда воды текут уже в Амур.

— И это весь Хинган?

— Да, весь. До самого Амура нет более гор. Дорога идет в долинах между горами.

Сильное волнение охватило весь караван.

— Отсюда реки текут уже в Амур! — восклицали казаки».

Радостное волнение охватило всех участников экспедиции.

Но радость, которую чувствовал молодой Кропоткин, только начинавший свои географические исследования, была просто несоизмеримой с тем, что переживали его товарищи. Кропоткин испытывал подлинный восторг от сознания большого и неожиданного географического открытия. Он видел перед собой крутой спуск вниз, по которому шла зигзагами дорога. Она спускалась к небольшой речке, пробивающейся по широкой долине среди гор. Речка эта была притоком р. Нонни, впадающей в Амур. Было очевидно, что до Амура уже нет никаких препятствий. Стоя на перевале и осматривая широкий развернувшийся перед ним вид, он уже знал, что дорога, открывать которую он шел, им уже открыта, открыт прямой путь к берегам Амура.

Все казаки последовали примеру китайского чиновника и привя-

Рис. 9. Кропоткин со своей повозкой

зали к ветвям «обо» по пучку волос, выдергивая их из гривы своих коней.

«Сибиряки вообще побаиваются языческих богов, — пишет Кропоткин. — Они не очень высоко ставят их, но так как считают их способными на всякую пакость, то предпочитают лучше не ссориться с ними. Отчего не подкупить их небольшим знаком внимания».

«Обо», которому принесли свои скромные жертвы китайский чиновник и казаки, был метра в четыре вышиной. Вторая такая же груда камней с отверстием внутри, покрытая сверху хворостом, была сложена над могилой шамана или орочонского родоначальника.

Стоя на перевале и видя легкий разработанный спуск, участники экспедиции уже знали, что перевал очень нетруден и что прямой путь на Амур доступен всем.

Кропоткин, кроме того, успел подметить, что Большой Хинган в сущности вовсе не хребет, как он был показан на тогдашних картах, а обширное нагорье, на котором поднимается сравнительно невысокий окраинный хребет.

Теперь через Большой Хинган идет железная дорога к Тихому океану. Она проложена очень недалеко к югу от того места, где караван Кропоткина пересек высокое нагорье и спустился к долине реки Нонни.

С перевала путешественники спустились вниз зигзагами по карнизам очень крутого склона. Внизу расстилался яркий луг, на нем горели огни орочонского табора. Тут же стоял караван манчжурских солдат, ехавших держать караул на Аргунь. Орочонский табор резал глаза нищетой и грязью. Наоборот, солдаты-дауры и сопровождавшие их чиновники демонстрировали довольство. «Все, — пишет Кропоткин, — лицо, склад фигуры, одежда, пища, даже подогревающаяся просовая водка, — составляло резкий контраст с орочонским табором. Солдаты-дауры продали орочонкам водку за лосиные и козьи шкуры, и те пировали без мужей. Водку пили все — и дети...».

«Дети, с открытыми ртами, грязные, ободранные, сидят у костров, давая огню свободно играть на их белых прелестных зубах. Глазенки так и искрятся в ожидании пищи. Картина дополняется громадными растрепанными лиственницами и несколькими десятками лошадей, привязанными к деревьям.

Началось угощение, болтовня, — казаки говорят по-орочонски не хуже самих орочон, — и крошечная чашечка с просовой водкой то и дело наливается и обходит всех. Долго продолжалось веселье; наш тунгус, бывший в караване, всю ночь прогулял, так что на следующий день едва мог ехать; отъедет вперед на рысях, да и завалится где-нибудь спать, а потом догоняет караван на бойком забайкальском коне».

Этот табор стоял в долине р. Номин.

На восточном склоне Хингана природа резко изменилась. Пейзаж стал мягче. На богатых лугах лошади отдохнули и стали отъедаться. Караван шел по узкой долине, закрытой горными склонами. Но это уже был совсем не дикий пейзаж западных склонов Хингана, покрытых тайгой из лиственниц и заболоченными лугами. Здесь лиственницы

сохранялись только на северном склоне. Южные склоны долины были покрыты изящной зеленью дубов, черной березы и орешника.

«Сперва деревья эти, — пишет Кропоткин, — слабо заявляли свои права, появляясь кустарниками на «солнопеке», а потом уже заняли все скаты гор, оставляя только берега речек тальниковым, ивовым и тополевым кустарникам. Травянистая растительность западных и восточных склонов Хингана также резко различна. На пологом западном склоне растет однообразный темнозеленый острец степей, и в сырых местах — болотистая растительность. Здесь на восточном склоне появилась густая разнообразная трава».

«Идя по прямой гладкой пади Номина, — пишет Кропоткин, — мы удивлялись, отчего эти чудные луга не возделываются, отчего кроме берестяных ставок орочон не видно никакого жилья. Ответ не замедлил явиться, когда 1, 2 и даже 3 июня хватил нас мороз в 4° Р (Реомюра) перед восходом солнца».

При спуске Кропоткина увлекли наблюдения над растительностью. Его спутники-сибиряки, не видавшие никаких деревьев, кроме лиственницы и березы, видели перед собой новые, казавшиеся им странными деревья. Многие годы они мечтали про теплый край на Амуре и теперь были в полном восторге.

«— Глядите, что за странное дерево, дуб, должно быть, — восклицали казаки», — пишет Кропоткин.

Они никогда не видали дуба, но много слыхали об этом замечательном дереве. А тут в долине, разрезывающей восточные склоны Хингана, при спуске с плоскогорья они увидали целые дубовые рощи.

«— Глядите, орешник, — говорили казаки радостно. — А это что за дерево? — спрашивали они при виде липы или других деревьев, не растущих в Сибири, но составляющих часть манчжурской флоры».

Особенно поражал роскошный покров травянистой растительности.

«Они жадно вглядывались в нее, — пишет Кропоткин, — и, казалось, вот-вот примутся целовать ее».

Земледельцы, из поколения в поколение, страстно стремились поскорее добраться до Амура, чтобы там увидать собственными глазами плодородные земли. «Свой глазок — смотрок, чужой — стеклышко»: всем хотелось ощутить эту землю самим, под своими ногами.

Но до Амура было еще далеко. На пути были неожиданные препятствия.

Полуслепой китайский чиновник, вместе с которым экспедиция перевалила через Хинган, вдруг облачился в синий халат и в форменную шапку со стеклянным шариком наверху. На другой день утром он объявил, что дальше не позволит экспедиции итти. Кропоткин и казаки устроили совещание и решили, что старшина каравана Софронов примет его официально в своей палатке и потребует от него объяснений. Старый китайский чиновник пришел вместе со своим писарем «божко». Писарь что-то нашептывал старику, а тот выставлял всякие причины, по которым дальнейшее путешествие экспедиции невозможно. Чиновник требовал, чтобы караван стал лагерем и ждал, пока он получит разрешение из Пекина. Он хотел отправить наш паспорт на рассмотрение пекинских властей.

«Мы наотрез отказались, — пишет Кропоткин. — Тогда старик стал придираться к нашему паспорту.

— Что это за паспорт, — говорил он, глядя с презрением на несколько строк, по-русски и по-монгольски написанных на обыкновенном листе писчей бумаги и скрепленных сургучной печатью. — Вы сами могли написать его и припечатать пятаком. Вот взгляните на мой паспорт. Это стоит посмотреть. Он развернул перед нами лист, в два фута длиной, весь исписанный китайскими знаками.

Я спокойно сидел в стороне во время совещания и укладывал что-то в сундуке, когда мне попался нумер «Московских Ведомостей», на которых, как известно, помещается государственный герб.

— Покажи ему, — сказал я старшине.

Он развернул громадный лист и показал на орла.

— Неужто тут все про вас написано? — с ужасом спросил старик.

— Да, все про нас, — ответил, не моргнув даже глазом, наш старшина.

Старик, как настоящая приказная крыса, был совершенно ошеломлен такой массой письма. Покачивая головой, он поглядывал одобрительно на каждого из нас. Но «божко» опять что-то зашептал, и чиновник, в конце концов, заявил, что не позволит нам итти дальше».

Положение было рискованное, надо было на что-то решаться, и Кропоткин нашел выход.

«Довольно разговаривать, — сказал он старшине, — вели седлать коней».

Казаки его поддержали, и, не обращая внимания на китайского чиновника и его писаря, караван тронулся в путь. Чтобы смягчить конфликт и дать возможность старому китайскому приказному выйти из положения, они обещали донести немедленно по начальству, что старик употребил все меры, чтобы воспрепятствовать им пройти в Манчжурию. И он не виноват, если экспедиция его не послушала и пошла дальше самовольно.

Три дня подряд караван шел, не встречая ни одной живой души. Оказалось, что при его приближении орочоны откочевали в горы. В лесных зарослях на горных склонах было слышно рявканье гуранов. Тунгус-охотник на остановках угощал свежим козьим мясом, которое жарили на огне, нарезав кусочками и насадив на палочку, как шашлык.

Спускаясь с Хингана, р. Номин пробилась через три порфировые и гранитные цепи.

«После трех ворот, говорили нам, людей встретите, — пишет Кропоткин, — а их все еще не было. Наконец мы увидали телегу в кустах». Это были дровосеки, пришедшие сплавлять лес для Цицикара. Они боязливо спрашивали казаков, имеют ли право рубить здесь лес, их ли это земля или русская. Это были дауры. Они жили во временных юртах или помещались под телегами. В течение нескольких дней экспедиция не встретила в роскошной долине Номина постоянного населения. Только перейдя несколько невысоких перевалов через отроги Хингана, оказавшись в долине р. Гань, караван пришел в первую даурскую деревню. В ней было около 20 дворов, хорошая пашня и

крепкий рабочий скот. Дальше в той же долине караван миновал несколько деревень оседлых орочон-хлебопашцев. Однако орочоны и здесь были гораздо беднее и грязнее китайцев и далеко отставали от них по трудолюбию.

Гань впадает в Нонни около г. Мергена. В ее плодородной долине было сравнительно густое китайское население. Караван уже здесь мог бы распродать и своих лошадей и все привезенные товары, но китайский чиновник, ехавший впереди каравана, во всех деревнях предупреждал, что торговать нельзя, что не следует сообщать названия деревень, рек, гор и т. п.

Долина Гани населена китайцами, а после впадения ее в Нонни ближе к Мергену караван оказался среди манчжурского населения. Но никакого общения с населением караван не имел. Ехавший впереди чиновник заботился только о том, чтобы русские поскорее удалились. В одной деревушке на берегу Гани, где надо было переправляться через реку, была уже приготовлена переправа на ботах, сколоченных из 5 досок, которыми китайцы мастерски управляют. «Оказалось, — пишет Кропоткин, — что ехавший с нами чиновник был выслан по приказу Цицикарского дзяньдзюня (генерал-губернатора), чтобы устроить нам перевоз через Гань».

Все население деревни окружило караван, чиновник был любезен и даже не отказался выпить вместе с путешественниками, но ни торговли, ни общения с китайскими крестьянами не допустил. Они теснились возле палатки, подолгу глазели, наблюдали, как был разведен костер, как варилась пища, но не вступали в разговоры.

Наконец экспедиция пришла в Мерген, и тут должен был разрешиться вопрос, чего ей ждать от китайских властей. Городишко был маленький. Торговых домов было в нем не больше десятка. Сразу выяснилось, что надежда на выгодную торговлю очень слаба.

«Наконец, блеснула река Нонни из-за тальников, — пишет Кропоткин, — через несколько минут показался пологий плоский берег; река сажень 70 ширины с чистой прозрачной водой, и за нею массы, густые сплошные массы народа. Все, что было в Мергене свободного и способного ходить, высыпало на берег посмотреть на не виданное доселе чудо, на варваров с белыми лицами. Вся жизнь города сосредоточилась на берегу: тут были и отупелый от опиума старик-чиновник и рядом с ним молодой франт-чиновник в синей «курме» с искусно вышитым шелком кисетом, с щегольскою трубочкой и часами в нескольких коробках за поясом; был и полицейский солдат, который из любви к искусству немилосердно хлестал по головам напирающую вперед массу с разинутыми ртами, черными глазами, улыбающуюся, переговаривающуюся и смеющуюся — над нами, конечно; тут и повар в муке, который ради такого необычного события бросил кухню; тут и курильщик опия... Тут и разносчики бабанов (печенье из муки); тут и купцы, преважно стоявшие впереди...А там, на заднем фоне, старухи. Масса заколыхалась, когда отделилась лодка, на которой ехал чиновник с неизменным синим шариком встретить нас...».

Кропоткин с Софроновым и товарищами отправился тотчас же с визитом к амбаню — начальнику города Мергена. В подарок ему они

привезли самовар и приборы. Как истый китаец, амбань принял их до-нельзя вежливо, но подарков не взял и торговать не разрешил. Они вернулись в лагерь ни с чем. Дело дрянь, решили казаки.

«Едучи домой, — пишет Кропоткин, — мы не могли купить ни одной трубки взамен поломавшихся в дороге и зателявшихся каждый раз перед куреньем грязью, ни куска мяса, — ничего. Напрасно на другой день выезжали мы и, разложив все наши металлические безделки, материи и т. п. в одной лавке, думали заманить покупателей. Ответ был один: торговать нельзя. «Амбань запретил». Тогда они послали амбаню три серебряных рубля, чтобы он купил им мяса, и заявили, что они донесут о нарушении трактата своему генерал-губернатору, а тот напишет в Пекин. В ответ тотчас явились подарки от амбаня в виде различных съестных припасов. Приехавший чиновник уверял, что произошло «печальное недоразумение». Потом амбань отдал им визит.

«Мерген, — пишет Кропоткин, — ничтожный город, напоминающий по своему характеру русский уездный город, основанный ради правительственных соображений. Он основан для защиты северных областей во время появления русских на Амуре. Населен чиновниками, имеет десяток купеческих лавок. В Мергене лубочная крепость. Торговать здесь не с кем. Только бродят по улицам толпы чиновников, и время от времени жители окрестных деревень приезжают продавать свои продукты для прокормления амбаня, его громадной свиты и тех десяти купцов, которые поселились ради нужд чиновничества. Но манчжуры любят плодить чиновничество, любят эффекты, и Мерген возведен на степень города, и войско заведено (никуда не годное), и город, верно, зовется «крепостью», благо выстроен на потеху людям вал с двумя деревянными частоколами, которые, конечно, развалятся от собственных выстрелов.

Но все-таки китайцы оказались практичнее нас при постройке своего Мергена. Он лежит среди довольно густого работящего земледельческого населения; муку, мясо, все припасы можно иметь в изобилии, и жизнь должна быть очень недорога. Мерген — род большой почтовой станции на дороге из Цицикара в Айгун, который, как и Цицикар, благодаря соседству русских обогащается русским серебром....»

На другой день вечером караван выбрался по торной дороге на Айгун, направившись прямо к востоку, чтобы перевалить через хребет Ильхури-Алин, проходящий в меридиональном направлении с севера на юг. Шли по почтовому тракту или по большой дороге, по которой из Цицикара в Айгун идут обозы с водкой, чаем, бумагой и перегоняются гурты скота. Скот покупают в Забайкалье, выменивая его на кирпичный чай. Этот тракт идет по земледельческому району, на пути попадаются деревни и хутора, разбросанные среди парков. Хлебопашество здесь—главное занятие жителей.

«Пашут, — пишет Кропоткин, — обыкновенно длинными во все поле прямыми бороздами, не шире 4 или 6 вершков. Борозды эти тянутся замечательно прямо, как бы вытянутые по шнуру, на полверсты и более, и при этом безукоризненно соблюдается их взаимная

параллельность. Пашется обыкновенно узкой сохой, не глубже 3 вершков, причем земля ложится в одну сторону. Раза два вспахав поле и разбив комки каменным катком, китаец приступает к посеву. Тут он еще раз пропахивает борозду и вместе с тем сеет, высыпая хлеб из ящика, приделанного к сохе, через тростниковую дудку. Семена сыпятся таким образом на гребень борозды и сейчас же засыпаются землей. Но этим не кончается уход за посеянным хлебом: несмотря на палящий жар, китает проходит по бороздам своего поля, шаг за шагом вырывая сорные травы и присыпая новой землей. Говорят, что эта работа повторяется несколько раз в лето. И зато земля дает чудные урожаи. Напомним о конопле выше сажени... и о просе аршина в четыре. Вот почему при китайском трудолюбии и обилии рук мы видели во всех деревнях громадные запасы пшеницы, проса и овса... Употребление катка и посев через дудку, причем зерно тотчас же засыпается землей,— примеры, заслуживающие внимания». Техника земледелия в Манчжурии была много выше, чем в России того времени, и Кропоткин подметил это. Ни на Амуре, ни в Забайкалье наши казаки такой техники не имели.

На второй день пути экспедиция вошла в отроги хребта Ильхури-Алина. Когда караван поднялся на плоскую возвышенность, Кропоткин, к его великому удовольствию, на западном склоне вправо от дороги увидел «отрезной конус, которого наружная форма — пустота внутри и прорыв на северной стороне — несомненно доказывали его вулканическое происхождение. По полям разбросаны громадные куски лавы, составляющие дорожку, которая идет от конуса к востоку по ложбине, направляющейся к речке. Кроме того, и в нескольких других долинах мы также находили куски лавы, вероятно занесенные из главного хребта».

Таким образом, Кропоткин открыл новую вулканическую область, находящуюся в округе Холдонзи, о которой ничего не было известно географам. Определив по форме и по лавам, что это вулканы, Кропоткин пришел в большое волнение исследователя, перед которым встают большие научные проблемы. Перед его глазами были вулканы, отстоявшие очень далеко от берегов океана, а тогда в геологии господствовала теория, по которой вулканические извержения считались связанными с морскими водами. Здесь, на расстоянии больше 2000 км от морских берегов, оказались вулканические вершины, и Кропоткин не мог не притти к заключению, что господствовавшая тогда теория вулканизма не может объяснить происхождения этих вулканов.

На третий день после выхода из Мергена экспедиция перевалила через главный хребет Ильхури-Алина. Подъем на него шел по долине реки. Гребень хребта сплошь зарос «превосходным крупным березняком». Как и в Большом Хингане, хребет Ильхури-Алин имел крутой восточный склон. На гребне хребта стояла большая красивая кумирня.

«Китайские кумирни, — пишет Кропоткин, — виденные мною как в этот период, так и на Сунгари, все они на один лад и различаются только величиной и богатством отделки. Все они состоят из трех

главных отделений: в первом, у ворот, стоят за решетками истуканы двух коней; во втором, главном, восседает Гысыр-Хан с приличным количеством богатырей; в третьем — жены и опять богатыри, сподвижники или враги Гысыр-Хана. Иногда к этим трем главным зданиям прибавляются еще два маленьких, в которых помещаются разные старухи и старики с книгами. Часть этих разноцветных (белых, черных и бронзового цвета) богатырей отличается замечательным безобразием, и им приданы самые разнообразные позы. Некоторые из них держат мечи, другие зеркальце, третьи стоят с веревкой на шее и имеют приличную обстоятельству мину, четвертые, наконец, просто благословляют двуперстным благословением. Все эти отдельные здания обнесены одною общею оградою, в которой еще находится помещение для бонз (духовенства), а на дворе перед главной кумирней возвышаются две высокие ели, искусственно выращенные с замечательно правильно и горизонтально расходящимися ветвями».

После перевала через Ильхури-Алин путь для Кропоткина, как географа, уже сделавшего в своем путешествии такое важное открытие, как новая вулканическая область, казался мало интересным. Дорога повернула круто на северо-восток и по долинам нескольких речек пересекла еще один небольшой горный кряж, на гребне которого также стояла кумирня. Кряж этот шел в меридиональном направлении. В речных долинах на обоих склонах росли березовые леса, а на террасах расстилались превосходные луга. Население было густое, деревни попадались часто, и все они такие же хлеборобные, как и те, которые попадались около Мергена.

Затем горы исчезли, перешли в холмы из глинистых сланцев и песчаников. Наконец, пересекли еще один горный хребет, сложенный из песчаников, с которого во все стороны расстилался земледельческий пейзаж с деревнями и хуторами.

Через две недели после спуска с перевала экспедиция совершала свой последний ночлег в 30 км от берегов Амура. К этому моменту нетерпение казаков поскорее увидеть великую реку так возросло, что они не могли спать, не могли дождаться рассвета. Вскоре после полуночи Кропоткин услышал, что они уже начали седлать лошадей. Он попробовал убедить их подождать солнца, но все уже были на ногах, и пришлось тронуться в путь ночью, задолго до восхода солнца. Наконец, с гребня одного из холмов они увидели синие воды Амура.

«В глазах бесстрастных сибиряков, — пишет Кропоткин, — которым вообще чуждо поэтическое чувство, загорелся восторг. Тогда мне стало ясно, что рано или поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба берега Амура, покуда пустынных, но удобных для колонистов, заселятся русскими. Таким же образом канадские путешественники-исследователи заселили берега Миссисипи.

Надо было видеть восторг тех казаков, которые прежде ничего не видали кроме своей Аргуни, чтобы понять те восторженные отзывы, которые еще в XVII веке долетали с Амура».

Только в советское время сбывается полностью это предвидение Кропоткина. В «Известиях» и в «Правде» то и дело печатаются сообщения, с каким энтузиазмом колхозники Амура встречают поезда

с колхозниками — переселенцами из Курской области, из Украины и других районов Европейской части Союза. Они едут целыми семьями, заполняя огромные поезда, заселяя в колхозах готовые для них дома.

В номере «Правды», например, от 21 мая 1939 г. была описана волнующая встреча 500 семей колхозников, которые приехали в трех поездах, чтобы работать в этом замечательном крае на пользу всего Союза.

На родном берегу

«Комедия удалась вполне, — пишет Кропоткин в письме к брату от 14 июня 1864 г. уже из Благовещенска. — Казаки, конечно, меня узнали, но монголы и манчжуры, хотя знали, что пойдет какой-то князь, и спрашивали, не Муравьев ли, но потом убедились, что я купец. Как же было не убедиться, когда они видели, как я стоял перед урядником, нашим караванским старшиною, работал в то время, когда он сидел и говорил с манчжурами, садился на заднее место, — это и в голову не могло им притти, чтобы «нойон» [1] стал так притворяться. Со мной они дружили. Урядник Сафронов, старшина, — серьезный, важный, а я болтаю, братаюсь, курю их вонючие ганзы, угощаю своим табаком самого последнего орочона, и «дрягунда» (купец) «Петра» сделался «анда» (друг), «топра нари» (добрый парень).

Одним словом, все как нельзя лучше.

Жалеют, что я не знаю по-ихнему, «а то бы с тобой много поговорили» и т. д. Но я все-таки говорил знаками; манчжуры и китайцы, которые не понимали нас, меня понимали, если я просил купить какую-нибудь вещь».

Таким образом, Кропоткин целый месяц, с 13 мая, когда он вышел из Цурухайтуя, до 14 июня, когда он оказался в Благовещенске, очень тонко, с огромным талантом играл свою роль и, как видно из этого описания, входил в нее целиком, увлекался и перевоплощался в «дрягунда Петра».

В «Записках революционера» Кропоткин избегает говорить о пережитых им трудных моментах, в особенности когда им было проявлено большое мужество, отвага, ловкость, находчивость. Он так скромен, что затушевывает свою роль в событиях, где был главным участником. Между тем, чем дальше они углублялись в Манчжурию, тем положение становилось рискованнее. Когда они подходили к Айгуну, китайскому городу на Амуре в 30 км от Благовещенска, где Кропоткин раньше бывал, где многие из китайцев его знали и видели в форме казачьего офицера, пришлось невольно призадуматься, как бы в самом конце не провалить всего дела и самому не быть отправленным в Пекин «в клетке на спине верблюда», как говорил Корсаков. Надо было как-то совсем законспирироваться. И Кропоткин придумал очень ловкий маневр, о котором он рассказывает брату в том же письме из Благовещенска от 14 июня 1864 г.

---

[1] Нойон — правитель родового общества у монгольских племен господин вообще.

«В Айгуне и один станок перед ним я сказывался больным, ехал, лежа в телеге, весь обвязанный повязками, и не показывался, а то айгунские знакомые непременно меня бы узнали. В Айгуне я перешел в палатку, наши попросили лодку, чтобы скорее перевезти больного на русскую сторону. Китайцы охотно исполнили, им не хотелось, чтобы со мной «случилось что-нибудь» на их земле, и поэтому они поскорее постарались отправить нас на нашу сторону.

Тут мы узнали, что Корсаков в Благовещенске и едет завтра утром. Я переехал на нашу сторону, сейчас же на коня и на рысях отвалял 40 верст, чтобы застать Корсакова в Благовещенске. Ехал всю ночь и в 4 верстах от Благовещенска приютился у одного крестьянина. Корсакова я не застал. На рассвете, во втором часу ночи, он выехал вниз. Я послал в город ко всем властям узнавать, какое мне оставлено предписание, куда ехать. Никакого. Корсаков с высоты своего величия и не вспомнил о нас, грешных. Говорил, что я скоро должен быть, но куда мне ехать — ни слова. Насилу разыскал свои вещи, которые вез мне его адъютант, и то половины самого нужного — книги, бумаги — нет. Должно быть, забыли оставить. На словах Корсаков звал меня в Николаевск, на бумаге сказано: если не будет никакого приказания, вернуться в Иркутск».

Это письмо лишний раз подчеркивает и трудность положения Кропоткина, и небрежность, с которой относилась к нему высшая местная власть — генерал-губернатор, давая молодому ученому рискованное поручение.

По договоренности с Корсаковым Кропоткин должен был немедленно отправиться из Благовещенска вниз по Амуру в Николаевск. Ему страшно хотелось сделать путешествие в низовья этой великой реки, описанием которой он был занят. А тут, оказывается, не известно, что делать: не то ехать, не то возвращаться в Иркутск, согласно письменным предписаниям. Это и огорчило и возмутило молодого путешественника, который только что вышел с честью и с успехом из трудной экспедиции, выполнил практическое задание найти прямую дорогу через Манчжурию и совершил ценные географические открытия.

Но об этом никто не думал. Кроме самого Кропоткина, никто не заботился о том, как поступить, чтобы не быть сразу же разоблаченным уже в Благовещенске и чтобы не пошла широкая молва по Манчжурии, что его экспедиция снаряжена штабом генерал-губернатора Восточной Сибири и возглавлялась офицером.

В этих целях Кропоткин решает не показываться в Благовещенске сразу после переезда на русский берег. Два дня он живет в качестве купца, приехавшего из Манчжурии, продолжая «комедию».

В том же письме к брату он пишет: «Сунгарийская экспедиция состоится или нет, — не известно; мне бы желательно плыть в Николаевск, затем на остров Сахалин, может быть на Сунгари. Мои вещи там. Да если я ему (Корсакову) не нужен, он бы, верно, сказал: пусть вернется. В неизвестности я два дня прожил у одного скопца на реке Зее, наконец вечером, чтобы не видали манчжуры, приехал сюда (в Благовещенск). Здесь приняли очень хорошо, но я ровно

ничего не знаю, куда ехать. Наконец, решился ехать верст за 150 от Благовещенска и там ждать возвращения амурского губернатора, который поехал с Корсаковым; он, вероятно, знает, что мы вышли сюда, и, верно, скажет мне, куда деваться. Завтра уезжаю отсюда. Вот какие творятся дела».

Небрежность начальства была возмутительной. О человеке просто забыли. Кропоткин мечется на русском берегу Амура, не зная, куда деться, едет за 150 км куда-то в глушь, чтобы, скрываясь там, подождать появления высшего начальства и выяснить свое положение.

Между тем он полон стремления к новым путешествиям, его голова занята планами, ему хочется видеть низовья Амура, посетить Сахалин и опять проехать внутрь Манчжурии, поднявшись на 1200 км вверх по р. Сунгари.

Ко всему этому добавляются еще и денежные затруднения. Экспедиция обошлась правительству, после продажи товара, лошадей и повозок, как сообщает Кропоткин в «Записках революционера», всего в 22 рубля. Но, оказавшись на русском берегу, он остался без копейки.

«Прошли мы очень хорошо, — сообщает Кропоткин в письме к брату, — препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали, отгоняя с пути орочон и прочих, чтобы они с нами не торговали. Торговля вообще вышла очень плохая: в Мергене [1] я продал одну штуку плиса, да несколько мишуры, казаки — тоже пустячки; в Айгуне совсем было запрещено торговать. Товар весь остался у меня на шее, не знаю, что и делать с ним, вообще вся поездка влезла в копейку как казакам, так и мне».

Через несколько дней после этого письма казаки, а с их помощью и Кропоткин, уже на русской стороне Амура распродали все товары и лошадей, и молодой путешественник вышел из тяжелого положения.

«Но что меня больше всего бесит, — пишет он, — это Корсаков, который мне ничего не оставил».

Когда выяснилось, что Кропоткин поедет по Амуру в Николаевск, а потом по Сунгари, он испытывал огромное удовлетворение по поводу совершенной им первой в его жизни географической экспедиции в неизвестную до него страну и радовался сделанным им открытиям.

«В дороге я ехал хорошо, — пишет он брату. — Ехали мы не скоро, верст по 30, по 40 в день, поднимались со светом, ехали шагом. Я все время делал глазомерную съемку, т. е. бусолью определял направление пути, а часами число пройденных верст, и на каждой точке зачерчивал на скорую руку, на-глаз нанося окрестную местность. Провожатых постоянных не было, иногда присоединялся какой-нибудь хаван, ехал с нами, тогда я или отставал, или вперед уезжал. Из всего составится самая приблизительная карта пути, которая кое в чем поправит карты, ныне имеющиеся.

Кроме того, я собирал камни в тех местах, где были обнажения горных пород. Конечно, я бы мог собрать гораздо больше того, что

---

[1] Мерген — на левом берегу р. Нонни, небольшой город Северной Манчжурии, в котором в 1864 г. было около 3000 жителей.

я собрал, если бы не делал съемки и мог бы больше отлучаться от дороги. А то доводилось брать то, что на дороге попадалось. Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности.

Кроме того, подтвердилось существование потухших вулканов вопреки теории приморского происхождения; предполагалось, что их нет внутри материка. Теперь я наверное утверждаю, что они есть в Илхури-Алине (хребет, параллельный Амуру). Меня поразила первая сопка, вгляделся — вулкан, отрезной конус с кратером, ныне рассыпающийся, на одной стороне от прорыва набросаны камни; я подъехал — вулканический туф. Везу образцы».

Сделано очень много и за необыкновенно короткий срок, в течение какого-нибудь месяца. Проявлено большое мужество, находчивость, исключительное трудолюбие и выносливость. Успех экспедиции полный. Но первое письмо о ней к брату содержит и грустную ноту (которая часто у него прорывается в письмах из Сибири), что у него нехватает знаний.

«К сожалению, — пишет он, — о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было».

Научные и практические результаты экспедиции были весьма значительны. Был открыт, снят бусолью и описан прямой путь на Амур. Открыто и описано большое нагорье и характер окраинного хребта в Большом Хингане. Установлена перевальная дорога через него, что и было использовано впоследствии для железной дороги к Тихому океану. Открыты третичные вулканы округа Циюн-Холдонзи, которые тогда для географов составляли большую загадку. Наконец, самое главное, в практическом отношении, — был привлечен огромный интерес русских переселенцев к землям по обоим берегам Амура.

Очень характерно для Кропоткина, что он и в это рискованное путешествие не взял с собой никакого оружия; по его настоянию, и все его спутники — забайкальские казаки, люди очень привычные к оружию, тоже ехали безоружными. Из всего каравана только один тунгус имел старое фитильное (даже не кремневое) ружье. Для того времени даже в Манчжурии это оружие казалось допотопным. Но у тунгуса была своя особая задача: он собирался жениться и по дороге охотился и убивал косуль, шкуры которых собирал, чтобы ими уплатить калым за невесту. Это был очень удобный спутник, потому что мясо косуль все съедали с удовольствием.

В тогдашних журналах и в отчетах Сибирскому отделу Географического общества Кропоткин дал описание Манчжурии по пути, пройденному им от Цурухайтуя до Айгуня в 1864 г. и вдоль берегов р. Сунгари, по которой он плавал осенью того же года. Из этих описаний получилась общая картина страны в двух разрезах — с запада на восток и с севера на юг, какой она была 80 лет назад, когда европейцы почти не имели о ней понятия.

Это была страна, местами мало освоенная, как, например, в горах и долинах Большого Хингана. Наоборот, в местах с мягким кли-

матом, с почвой, пригодной для земледельческих культур, она была густо населена трудолюбивым населением с древней земледельческой культурой, где пашни тщательно обрабатывались и давали высокий урожай. В описании Кропоткина Манчжурия, которая теперь оккупирована японцами, представляла страну, где земледельческое население в освоенных издавна районах, как, например, в Гиринской провинции, имело высоко поставленное хозяйство; древняя китайская культура здесь оставалась тогда еще не тронутой европеизацией; сохранялся средневековый строй феодальных отношений, и было необычайно многочисленно манчжурское чиновничество и полиция, бесцеремонно властвовавшие и эксплоатировавшие крестьянское население.

С тех пор через Манчжурию прошла Китайско-Восточная железная дорога, которая принесла с собой колониальную эксплоатацию.

В 1904—1905 гг. почти вся территория Манчжурии в наиболее населенных местах была театром военных действий во время русско-японской войны. Еще тогда она была наводнена японскими агентами и страшно разорена наступлениями больших армий.

В описаниях Кропоткина Манчжурия выглядит идиллически мирной, с высокими формами древнего земледелия, но с жестокой эксплоатацией крепостного крестьянства.

До него очень мало знали о Манчжурии, и все сведения, бывшие раньше в печати, относились ко времени путешествия иезуитов в конце XVIII в.

V. ПЛАВАНИЕ ПО СУНГАРИ

Сборы

Все лето и весну 1864 г. Кропоткин провел в путешествиях по Амуру и дал первое описание великой реки. Но не только Амур, а все сибирские и дальневосточные реки неудержимо притягивали к себе Кропоткина. Он видел Шилку, Аргунь и Амур и уже составил себе общее представление о реках Восточной Азии.

«Многие реки в Азии, — пишет он, — образуются из слияния двух одинаково мощных потоков, так что географу трудно определить, какую реку считать главной и какую притоком. Слияние Ингоды с Ононом образует Шилку, Шилка и Аргунь составляют Амур, а Амур, слившись с Сунгари, становится той громадной рекой, которая поворачивает на северо-восток и впадает в Тихий океан под суровыми широтами Татарского пролива».

Теперь его внимание привлекла р. Сунгари.

«Нам казалось почти обидой то, — пишет он, — что у порога, так сказать, Амура лежит громадный край, так же мало известный, как какая-нибудь африканская пустыня».

Кропоткину была ясна необходимость новых исследований Манчжурии. Приобретенный опыт рассеивал страх перед путешествиями по Китаю, страх, который раньше останавливал исследователей. Кропоткин и группировавшаяся вокруг него молодежь настойчиво

требовали посылки экспедиции на Сунгари, и генерал Корсаков, наконец, согласился послать их на пароходе для исследования этой реки и ее берегов под предлогом отвезти дружеское дипломатическое письмо генерал-губернатору Гиринской провинции.

Когда выяснилось, что экспедиция на Сунгари состоится и Кропоткин будет в ней участвовать, он написал брату из Николаевска-на-Амуре в письме от 2 июля 1864 г.: «Далее вторая новость — у Корсакова. Прием прекрасный. Потом Корсаков вдруг говорит мне: «Вы знаете, ведь вы у нас историограф?» — «Не знаю». — «Разве вам уже не сказали?» — «Нет». — «Вы — историограф Сунгарийской экспедиции».

Я от души поблагодарил Корсакова за это назначение, — мне так хотелось на Сунгари. Я еду. Корсаков не едет — и отлично, торопить не будет. Едут астроном, топограф, переводчик и нойон [1] — один полковник».

Кропоткин сразу оценил всю важность этого путешествия. Сунгари — главная река Манчжурии, длиной около 1300 км, главная артерия края, прорезывающая его на всем протяжении. Впадает она в Амур с правой стороны несколько выше Хабаровска. Впоследствии, когда строилась Восточно-Китайская железная дорога, на Сунгари вырос центральный город Северной Манчжурии — Харбин.

Кропоткин собирался в экспедицию с огромным интересом.

«Я выучусь, — пишет он брату, — делать определение широты и долготы. Буду собирать, что смогу, вероятно — не много, так как пойдем на пароходе».

Он торопится, работает, полный энергии, собирает и перечитывает материал и в то же время возмущается, что дело отправки подвигается очень медленно, а между тем лето идет к концу, экспедиция может даже застрять, зазимовать на Сунгари.

Историческая справка

Как «историограф» экспедиции, Кропоткин работает в архивах Иркутска и дает любопытную историческую справку.

Первые сведения о р. Сунгари в официальных актах появились еще в XVII в., когда забайкальские казаки уже крепкой ногой стали на берегах Амура, строили там свои остроги и распахивали землю, плавали по Амуру, спускались и поднимались по всей этой великой реке, чтобы грабить там тунгусские и даурские селения, собирать ясак с подвластных Китаю народов и отправлять его с Амура в Москву многими десятками «сороков» соболей.

Много раз пытались казачьи атаманы проникать и вверх по Сунгари, но манчжурская династия, царствовавшая тогда в Китае, равнодушная к казачьим захватам на Амуре, настойчиво боролась за свои родные земли в Манчжурии.

В 1643 г. мимо устья Сунгари проплыл атаман Поярков со своими

---

[1] Начальник.

казаками и сообщил первые сведения о ней, что «по Шунгалу сидят шунгалы, а выше мугалы, кочевые скотские».

В 1651 г. мимо устья Сунгари прошел на своих ладьях Хабаров и сообщил в нескольких словах о гогурах и дучерах, обитателях ее устья, занимавшихся рыбной ловлей. Хабаров зимовал вблизи устья Сунгари в построенном им острожке.

В марте 1652 г. здесь на Хабарова напала армия «из 2020 людей, приехавших на лошадях с шестью железными пушками, 30 фузеями и прочее из Ньюлгуты (Нингуты)». В апреле того же года Хабаров в устье Сунгари опять встретил манчжурские силы. В этот раз Хабаров, бросив свой «Оханский город», шел на досчаниках вверх по Амуру. Приближаясь к устью Сунгари, он узнал, что там его ждет армия из 6 тысяч манчжур и дучеров. Казачий отряд Хабарова они могли истребить поголовно. Но оказалось, что это была застава, высланная только затем, чтобы воспрепятствовать казакам в плавании по Сунгари и помешать высадке на берегах этой манчжурской реки; Хабаров благополучно прошел мимо шеститысячной армии.

В следующем, 1653 г. атаман Степанов решил подняться вверх по Сунгари. Высадившись близ устья между дучерами, он безбедно прозимовал здесь, найдя богатый запас продовольствия, и построил небольшой городок.

Но весной 1654 г. манчжуры начали собирать против Степанова войско, с которым Степанову пришлось выдержать бой в своем городке. Нападение было отражено, и весной 1654 г. казаки двинулись вверх по Сунгари. Они вошли в устье Сунгари 20 мая, а 6 июня встретили манчжурскую флотилию с армией в 3000 человек. Начался бой. У Степанова нехватило пороха и свинца, и он вынужден был вернуться вниз.

Новый поход Степанова 1656 г. также оказался неудачным. Селения по берегам реки после его первой экспедиции опустели, и казаки не нашли в низовьях Сунгари ни жителей, ни богатых запасов продовольствия. Кроме того, манчжуры в устье Сунгари посадили большой отряд в 3 тысячи человек, чтобы не допускать русских на свою реку.

Через два года, когда Степанов спускался вниз по Амуру с 500 человек, невдалеке от устья Сунгари на него напала флотилия из 45 манчжурских лодок с пушками. В самом начале битвы часть казаков разбежалась, 270 человек убито или взято в плен, только 47 человек спаслись. Сам Степанов погиб. 50 сороков соболей досталось манчжурам.

С тех пор стало хорошо известно, что Сунгари — большая судоходная река с богатой природой в верховьях, с густым земледельческим населением.

Так дело обстояло до официальной колонизации Амура, предпринятой Муравьевым-Амурским, «когда снова слухи о богатствах Сунгари, — пишет Кропоткин, — начали раздражать умы русских, уже поселившихся на Амуре».

Наши сведения о Сунгари были очень смутны. Между тем в западной литературе она уже была неплохо описана католическими миссионерами, которые проникли на берега этой реки в начале

XVIII в. и за полтораста лет успели дать несколько географических описаний Северной Манчжурии, Амура, Уссури, Сунгари и ее бассейна.

На основании трудов миссионеров и русских официальных актов известный географ П. П. Семенов-Тян-Шанский, тогда председатель Географического общества, редактировавший русский перевод «Азии» Рихтера, дополнил его описанием Северной Манчжурии и берегов Уссури и Сунгари.

Недостатки снаряжения

Перед самым отправлением экспедиции выяснилась полная ее неподготовленность, и 20 июля 1864 г. из станицы Михайлово-Семеновской Кропоткин пишет брату: «Завтра отправляемся на Сунгари. Лубочней экспедиции трудно себе вообразить. Идем на одном пароходе с баржей, помещения нет, т. е. далеко не достаточно для 28 человек: 6 чиновников, 2 офицеров и 20 солдат. Не только заниматься будет негде, но и спать-то где, не знаю, разве сидя. Куда, зачем идем? Никто не знает. Должны дойти до Гирина (1100 верст). Как? Не известно. Сунгари мелка, в 200 верстах от устья один ходивший туда пароход встретил мели, следовательно надо будет верхом по берегу ехать. На чем? Китайцы не дадут и не продадут коней. Наконец, я не знаю, должен ли я итти до Гирина, будет ли пароход ждать возвращения тех, кто поедет до Гирина, и т. п. Дров на Сунгари нет или цены непомерные — 19 долларов за сажень просили. Каменного угля берут мало, 5000. Впрочем, все это едва ли тебе интересно. Знай, что экспедиция глупа до-нельзя и даст плохие результаты. Географически ничтожные — ученых почти 0, служебных никаких, а в отношениях между народами напакостит».

«Я ничего не пишу больше, потому что, право, не могу, бесит меня все это. Вернусь не скоро».

Приписка: «Ревет сильный ветер — Ильин день».

Начальником экспедиции по Сунгари был полковник Черняев. Кроме того, в состав экспедиции вошли: «историограф» Кропоткин, доктор Конради, астроном Усольцев и два топографа. Ехал еще русский консул из города Урги Шишмарев, который должен был отвезти дипломатическое послание. Для экспедиции был предоставлен маленький слабосильный старый пароход «Уссури», движение которого затруднялось тем, что он должен был тащить за собой на буксире баржу с углем. Для охраны и на всякий случай на эту баржу был посажен еще отряд из 25 солдат, ружья которых были спрятаны под углем.

Кропоткин, убежденный сторонник путешествий с исследовательскими целями без всякого оружия, настойчиво возражал против этой меры, но ничего не мог сделать. Как оказалось впоследствии, эти 25 винтовок, скрытые под углем, испортили и затруднили положение экспедиции. Китайцы узнали о них от своих агентов еще раньше, чем экспедиция тронулась в путь, и все путешествие совершалось в атмосфере крайней подозрительности всех китайских властей.

Снаряжение тоже было исключительно плохое: на пароходе вследствие спешки ничего не устроили для научной работы. Кропоткин и его товарищи были размещены как попало в тесных каютах, где на всех даже коек нехватало.

«Когда мы тронулись, — пишет Кропоткин, — то оказалось, что нет даже вилок и ножей для всех, не говоря уже о других принадлежностях. Один из нас поэтому за обедом пользовался своим перочинным ножом; а мой китайский нож с двумя палочками вместо вилки явился желанным пополнением нашего хозяйства».

Эта мелочь ярко говорит об общем убожестве снаряжения.

Маршрутное описание

21 июля 1864 г. в пятом часу вечера сорокасильный пароход «Уссури» вошел в устье Сунгари. Баржа, которую он вел за собой, сидела на $3^1/_2$ фута, пароход — на 3 фута.

Едва вошли в Сунгари восточной ее протокой, как с первого караульного манчжурского поста выехала лодка с чиновником. Чиновник получил ответ, что едут русские чиновники, и отправился назад.

На правом берегу были видны березовые и дубовые рощицы, густая трава. Было разбросано несколько гольдских юрт и частые манчжурские караулы.

Начальник одного из этих караулов настойчиво пытался отговорить от плавания по Сунгари, так как вода очень мала. «Но мы, — пишет Кропоткин, — пошли дальше».

Протока имела около 450 сажен ширины, пароход «Уссури» встретил глубину в 8 футов при очень низкой воде.

За караулом открылась широкая река, километра в полтора шириной, с множеством протоков. При большой воде они сливаются вместе, и устье Сунгари разливается на несколько километров, так что берегов не видно.

Хотя вышли при самых скверных условиях, но молодой исследователь погрузился целиком в свою работу, и его настроение сразу переменилось. Он чувствовал себя в своей стихии, как рыба в воде. С раннего утра он на палубе и заносит в дневник все, что видит, все, о чем может расспросить. Непрерывно зарисовывает берега, делает определения долготы и широты, через каждые два часа записывает температуру, ведет другие метеорологические наблюдения и т. д.

Бар [1] Сунгари представляет собою вал, насыпанный из песка поперек всей реки, где наибольшая глубина в борозде шириной в несколько десятков метров не превышает 4 футов.

Здесь пароход несколько раз садился на мель, команда слезала в воду и мокла, так как шел дождь, и обсушиться не было возможности.

Выше бара в обе стороны расстилались громадные массы воды с множеством островов. Берега Сунгари состояли из илистых и пес-

[1] Бар — песчаный нанос в устьях рек.

чаных наносов, за которыми вдали виднелись невысокие холмы — отроги гор, поросшие лиственным лесом. На всем этом огромном пространстве встретилось только несколько гольдских юрт, сложенных из хвороста.

Выше плавание было очень затруднено: на реке шли один за другим перекаты. Пароходу с баржой было трудно маневрировать. Был риск повредить баржой колеса или даже разбить пароход на быстром течении, делая крутые повороты из-за постоянных мелей.

Против деревни Халхами делали постоянные промеры, то и дело бросая якорь и высылая вперед шлюпку, маневрируя между мелями и островами; за сутки поднялись всего на 5 верст.

Пользуясь остановками, Кропоткин, доктор Конради и Усольцев съезжали на берег, чтобы собрать геологические коллекции и гербарий.

«Весь луг, — пишет Кропоткин, — зарос высокой жесткой травою, носящею следы ила. Далее верстах в двух от реки мы нашли рощицу из дубков, — берез почти не видно. Растительность напоминает растительность амурских островов; дуб же довольно дряблый».

К 25 июля, пройдя мелкие места, пароход «Уссури» выбрался на более удобный фарватер. «Вдали на правом берегу, — пишет Кропоткин, — виднеются низкие отроги гор, напоминающие характером растительности горы Доусе-Алина (Малого Хингана на Амуре)».

Но и дальше путь был не очень легок. Снова попадались мели и перекаты. При крутых поворотах на таком фарватере баржа «рыскала» в сторону и грозила проломить бок «Уссури» или переломать колеса. Чтобы этого не случилось, капитан взял баржу сбоку.

Берега опять стали однообразны, как в низовьях. Всюду луга заливаемые водою, поросшие гигантской травой. Ширина русла менялась от одного километра до полутора, за главным протоком влево и вправо виднелись рукава, почти такие же широкие, как и главное русло.

У небольшой гольдской деревни, дворов в 15, близ устья р. Халхан-Бира пароход сделал остановку. «Подъехали лодки с соболями, — пишет Кропоткин, — которых отдавали за 3 серебряных рубля; но их не купили. Соболя эти совершенно схожи с уссурийскими и, вероятно, добываются из-за хребта, отделяющего систему Сунгари от системы Уссури».

Жители сообщили, что дальше плавание пойдет хорошо, осталось только одно худое место, и что пройдено уже около 160 км.

Вскоре к пароходу подплыла лодка с чиновником, который убеждал не плыть дальше, пока он не испросит позволения у своего «государя».

Выше фарватер не имел мелей. За день прошли больше 55 км и остановились вблизи небольшой деревушки. Здесь пришлось задержаться, так как от мутной сунгарийской воды загрязнились цилиндры в машине парохода. Оказалось также, что на барже поврежден руль. Пришлось чистить машину и производить починку.

Выше река стала оживленной. 27 июля навстречу пароходу попалось больше десяти больших лодок под парусами. Они шли из города Сянь-Синя, расположенного в 350 км от устья. В лодках

сидели гольды, которые везли мешки с хлебом, сундуки и лес. Они возвращались с ярмарки, которая бывает в Сянь-Сине в 20-х числах июля, когда гольды привозят туда свой ясак и запасаются в Сянь-Сине просом, мукой и другим продовольствием.

Весь пейзаж берегов сильно изменился. Горы, видневшиеся вдали на правом берегу, теперь подошли к реке и поднялись остроконечными зубцами, напоминающими Доусе-Алинь. Дальше Сунгари врезалась в горный хребет. По обоим берегам широкой реки (не менее километра) расстилались живописные горы с лесными и луговыми зелеными долинами.

Тут опять подошла к пароходу лодка с манчжурскими чиновниками, которые снова повторили, что русские не имеют права ходить по Сунгари. Их приняли на пароходе, угощали и предлагали довезти до Сянь-Синя. Узнали, что до него можно доехать в телегах за 10 дней, а верхом за 8, что имеется почтовый тракт, на котором содержатся станки, по 40 и по 50 лошадей на каждом.

«Лодка, на которой приехали чиновники, была обыкновенной гольдской, но очень ходкой, с красивыми резными веслами, покрытая русскими коврами и шкурами медведей и барсуков».

Берега Сунгари оживились, на них появились хутора и деревни.

«Горы правого берега, — пишет Кропоткин, — названные манчжурами Хонго, тянутся зубчатыми хребтами с большими каменными острыми зубцами и каменными россыпями; горы эти большей частью безлесны, только в долинах по руслам ручьев, образующихся во время дождей, видны кустарники».

Население берегов состоит из гольдов и китайцев. Они были поселены в низовьях Сунгари очень недавно, при «появлении русских на Амуре», — из боязни, чтобы мы не сказали, что эти места не заселены, и не взяли их.

Как жили здесь китайцы, можно судить по следующему описанию фермы, где экспедиция закупила для себя провизию—овощи, кур, уток и т. п.

«Ферма состоит, — пишет Кропоткин, — из двух больших домов, конюшен, амбаров. В домах мы застали за большими длинными столами работников, вернувшихся с поля, за ужином из разваренного мелкого проса. Они пригнали с поля около 20 огромных великолепных быков... Кроме быков имеются ослы, прекрасные мулы и лошади. Лошади, говорят, дороги, за весьма посредственную лошадь платят до 35 рублей. Все надворное строение сделано очень хорошо,— даже и мельница, в которой жернова непосредственно ворочаются привязанной к ним оглоблей с помощью мулов. Огороды, под которые отведено большое пространство, великолепны — капуста, баклажаны, огурцы, лук и т. п. достигли уже огромных размеров, за огородами позади больших скирдов хвороста для топлива стоит часовенка, но, видно, хозяева не отличаются особой набожностью, потому что ход к ней совершенно зарос лебедою. Приняли нас здесь очень дружелюбно».

Дальше Сунгари стала еще оживленнее. Пароход шел мимо множества деревень. Горные склоны спускались к самой реке, ширина

которой в самых узких местах была не меньше километра. Высокий левый берег был усеян деревнями посреди тополевых рощиц. При ярком солнце и безоблачном небе ландшафт был очень живописен.

Наконец, вслед за впадением в Сунгари речки Ван-чен-хы, слева показался город Сянь-Синь. Он окружен валом с деревянными воротами. «Прочее все, — пишет Кропоткин, — как обыкновенно бывает в китайских городах — грязные закоулки, ряды лачуг из битой глины, и только. Одна только есть достопримечательность: это на площади почти за городом высокий гранитный памятник, в основании которого лежит гранитная черепаха. На нем две надписи — китайская и манчжурская. Кроме того, в городе есть несколько кумирен из серого кирпича, довольно красивых, с каменными колоннами и разными украшениями. Все они посвящены Гысыру».

Население Сянь-Синя достигало 10 тыс. человек. Сянь-Синь — торговый пункт, где организуются ярмарки для гольдов. Они привозят сюда соболей, и «тут их жестоко обирают чиновники, — пишет Кропоткин, — платя за хорошего соболя, стоящего 5—6 руб. на наши деньги, 2—3 рубля. Наконец, они здесь находят кучу водки и все остальные удовольствия».

На рейде Сянь-Синя было множество джонок. На берегу строилось больше сотни новых лодок, которые продаются гольдам, обитателям низовьев Сунгари и Амура.

В Сянь-Сине находился мандарин второго класса (с красным непрозрачным шариком) и множество чиновников и солдат.

Выше Сянь-Синя Сунгари прорывается сквозь горный хребет Доусе-Алина. Ее русло здесь стеснено скалами, а со дна встают подводные камни, и при низкой воде плавание там не безопасно; нередко разбиваются лодки даже и при знающих русло лоцманах, так как течение очень быстрое.

Берега исключительно красивы, скалисты, местами безлесны, местами покрыты дубами и черной березой. По правому берегу много деревьев, в горных долинах виднеются пашни.

Эти горные берега тянутся на 20 км от Сянь-Синя. Затем правый берег переходит в холмы с округленными формами, покрытые дубовыми лесами.

«По временам, — пишет Кропоткин, — выдаются заливные луга, и кое-где разбросаны домики, почти купающиеся в воде».

«Дальше Сунгари вьется опять среди низменности, которая по временам только разнообразится холмами, подступающими к правому берегу. Эти красивые холмы входят, повидимому, в состав второй от Сянь-Синя невысокой цепи, которая тянется с запада и с северо-запада на восток и юго-восток».

Таким образом, начиная, примерно, с 50 км от Сянь-Синя, километров на 200 вверх по Сунгари, холмы по обеим сторонам реки заросли дубовым лесом.

Затем Сунгари снова течет на протяжении нескольких десятков километров широкой лентой по затопляемой в большую воду низменности, среди которой изредка выступают холмы. Кое-где по берегам и островам, заросшим тальником, разбросаны хижины.

Дальше опять реку пересекают отроги горной цепи из красивых округлых холмов с дубовым лесом, а еще несколько выше высокая горная цепь, изрезанная глубокими поперечными долинами, пересекает реку по направлению с юго-запада на северо-восток.

2 августа пароход «Уссури» нагнал лодку с французским флагом с китайской надписью на белом фоне.

«Мы подошли к ней поближе, — рассказывает Кропоткин, — и разглядели китайца с черной бородкой и биноклем в руках. Мы узнали в этом китайце одного миссионера, с которым встречались в Хабаровке [1]. «Уссури» взял джонку миссионера на буксир. Оказалось, что этот француз, католический миссионер, приехал сюда два года тому назад из Франции через Шанхай, выучился говорить по-китайски и зимой 1864 г. отправился на Сунгари зимовать между гольдами в селениях, основанных в 50-х годах. Миссионеры основали среди них приют, в котором несколько сот детей воспитывались в христианской вере и со временем должны служить для распространения христианства между гольдами. Способы, которыми приобретаются дети в приют, очень разнообразны. Берут и незаконнорожденных, и сирот, и, наконец, просто покупают их. Так, наш миссионер пренаивно рассказывал, как одной старушке нужно было уплатить долг; ей предложили уплатить долг, если она уступит девочку в приют; мать согласилась, и девочка досталась за две штуки полотна. Конечно, такая цена очень низка, обыкновенно же женщина в Китае стоит 60—100 лигатур». Для объяснения этой цены Кропоткин дает справку: «следовательно, от 30 до 50 рублей, лошадь около 35 рублей, бык не дороже 15 руб.».

«Вообще обращение в христианство идет теперь в Манчжурии довольно медленно, — утверждает Кропоткин. — Католическая пропаганда в Манчжурии подвигается медленными, но твердыми шагами».

Все миссионеры хорошо знают местный язык, имеют при себе врачей, лечат детей, очень тонко приспособляются к местным обычаям, обычно даже носят косы, как китайцы, и китайскую одежду.

«Они (китайцы) уважают его за то, — пишет Кропоткин про названного миссионера, — что он носит косу, следовательно не похож на «дьяволов», как народ часто называет бескосых иностранцев, — за то, что он носит их платье, за солидность обращения или даже за уступчивость».

«Везде, где ни показывался наш приятель, особенно если тут не было чиновников, всюду принимали его как нельзя лучше. Благодаря своей ловкости и неутомимости миссионеры проникли уже в Корею, где их теперь находится человек до десяти. Все они, конечно, скрываются и получают деньги и вещи через одну заставу, при помощи купцов-контрабандистов, в числе которых есть один христианин».

За возвышенностями опять однообразная голая низменность, и снова Сунгари делится на многочисленные протоки.

---

[1] Город Хабаровск в 60-х годах прошлого века был еще станцией Хабаровкой.

3 августа, идя километров по 60—80 в день, экспедиция достигла устья р. Хулань-хэ, притока Сунгари с левой стороны. Пароход вошел в ее устье и километрах в трех от него бросил якорь у маленького городка Хулань-чэн, не больше Сянь-Синя, где также был свой мандарин с красным шариком. Около небольшой деревушки близ этого города, где суда обычно отстаиваются в непогоду, закупили свежей провизии на смену надоевшей всем солонины. При помощи миссионера побывали в доме богатого купца.

«Тут за оградой из битой глины нашли мы несколько строений и, как водится, лавку. Оказалось, что тут можно купить быков и баранов. Пока пригоняли оба стада, нас попросили в комнату возле лавки и угощали чаем; но мы обошли надворные строения, забрались в крошечный цветник, на огород, пока дождались быков. Китайская медленность невыносима, и мы теряли терпение. Утомительно было бы рассказывать, как долго тянулись переговоры при выборе двух быков и шести баранов. Наши рубли были приняты по очень низкому курсу, и при этом быки обошлись по 17 руб. на серебро.

Повидимому, запрещение торговать с нами не дошло до этой деревушки, в которой мы, между прочим, не встретили полицейских; мы, запасшись быками, баранами, овощами и т. п., отправились дальше».

Пароход не проплывал и километра, чтобы не встретить разбросанных там и сям домиков иногда на островах, иногда на самом берегу вперемежку с деревушками и с водочными заводами, где гонят водку из гаоляна, засеваемого здесь в большом количестве.

В каждой деревушке, хотя бы из десятка домов, было по нескольку полицейских, а часто и чиновник с медным или белым шариком. Миссионер уверял, что в каждом селении есть мандарин и трибунал. «Но они (полицейские) без всякого трибунала, — пишет Кропоткин, — творят суд и расправу между жителями».

Пейзаж стал очень однообразным. «Насколько можно обнять глазом, видна голая степь, испещренная озерами и лужами, образовавшимися во время прибыли воды, везде ил, поросший жесткой травой и камышами. На местах несколько повыше лепятся хижины, виден народ, который могло заманить сюда разве только обилие рыбы. Если где-нибудь проступают низкие холмы, представляющие обнажение глины, там видна деревушка и около нее несколько джонок. Леса нигде не видно, и для топлива заготовлены возле хижин большие скирды тростника».

Затем постепенно появляются большие площади, покрытые песчаными переносными дюнами.

На этой плоской равнине в Сунгари впадает р. Нонни-Ула. От их слияния образуются громадные массы воды.

Выше Нонни пейзаж остается таким же. По берегам песчаные бугры, дюны, волнообразно рассыпанные на большом расстоянии. При каждом наводнении, после каждой бури они меняют свои формы и переносятся с места на место.

Фарватер Сунгари на этом плесе стал капризным. Пароход, отыскивая его, часто бросался из стороны в сторону. Был случай, что наткнулись на перекат в $3^1/_2$ фута.

6 августа подошли к главному городу Бедунэ-Хотонь. Он состоит из большого предместья и города Синь-Чень (по-китайски: Новый город). По сравнению с Сянь-Синем город своеобразен. В нем красивые каменные башни китайской архитектуры с загнутыми углами, с каменными постройками, обнесенными низкой каменной стеною, с башенками, где были круглые отверстия для пушек.

«Там и сям серели на зеленом фоне деревьев пагоды, обнесенные кирпичными стенами. Наконец, картина оживлялась джонками, нагруженными человек по 80 каждая, подплывавшими посмотреть нашу «огненную лодку» .Народ толпился на джонках, напоминая картину грешников на страшном суде, как его изображают лубочные картинки. На берегу толпилось, как водится, все население города густой сплошной массой».

Амбань провинции Бодунэ принял экспедицию ласково. Но надо было спешить и зайти в город не пришлось. Не сходя на берег, было решено итти дальше и зайти в Бодунэ на обратном пути.

Выше города пароход опять застрял на перекате. На правом берегу Сунгари в этом районе тянутся высокие песчаные холмы, образующие целое «плато из диловиальных образований». В нем пробивает себе русло Сунгари и множество мелких ручьев. Они вьются на дне глубоких оврагов, представляющих настоящие каньоны, на берегах которых хорошо видны горизонтальные напластования. «Эти места, — пишет Кропоткин, — чрезвычайно напоминают рисунки диловиального бассейна к северо-западу от Сиерра-Невады. Только долина Сунгари не так глубока. Там, где пески обсыпались к реке, по откосам растет жалкая трава, и по ним бродят скот и лошади».

Пароход «Уссури» наткнулся здесь на целый ряд нескончаемых мелей и едва пробился сквозь них. Река разлилась на 2—3 км в песчаных берегах, образуя множество островков, заросших тальником, на которых виднелись домики рыбаков.

Этот песчаный плес тянется километров на 70.

На следующий день, 7 августа, пароход забрался в лабиринт протоков. Пейзаж очень оживился.

«При очень тихом течении, — рассказывает Кропоткин, — эти протоки имеют вид красивых садовых прудов, между которыми разбросаны хижины с миниатюрными огородами».

Низкий наносный берег порос небольшими вязами. На крутых берегах на склонах холмов были видны обнажения глинистых сланцев и песчаников. Красиво чередовались красные и серые породы пластами до полуметра толщиной.

На склонах, «как гнезда, лепятся хижины между садами, а далее видны посевы проса и кукурузы, а между ними стоят стога сжатого сена».

Население стало гуще, чаще попадались хижины, разбросанные в тени вязов. Скота здесь больше, и скот лучше и крупнее, чем в низовьях. На реке чаще попадались джонки с лесом, кадками, кирпичами.

«По холмам виднеются водочные заводы», — отмечает Кропоткин.

Вода в Сунгари стала прозрачной.

Каждый клочок земли здесь распахан. Поля засеяны просом и кукурузой. Между деревьями виднелись избушки.

С утра 8 августа пароход шел некоторое время среди низких заливных лугов, где Сунгари снова разбивается на протоки. Но уже издали были видны синеющие впереди отроги зубчатых хребтов. Затем подошли к горам, которые обрывались у правого берега реки. По склонам были видны пашни и дома, группирующиеся в деревушки, раскиданные под буками и вязами.

«Вот что писалось тогда на палубе, облитой лучами невыносимо палящего солнца, — говорит Кропоткин. — Местность с каждым шагом становится все лучше, деревья чаще, но это не амурские дубняки, а раскидистые и растрепанные деревья, являющиеся на первом плане итальянских и вообще южных ландшафтов. По временам, где-нибудь в углублении, между отрогами гор, под утесом гнездится чисто выбеленный домик, мелькающий из-за густой зелени. Река суживается до 200—250 саженей между подступающими отрогами гор. И далее один вид лучше другого. Сейчас прошли мимо одного чудного утеса. Внизу обнажения, над самой водою ветлы. Далее крутой подъем, весь, как ковром, покрытый орешником (лещиной) и дубняком, на южной стороне отвесный утес, а за ним густая роща из огромных вязов».

Пароход «Уссури» остановился на ночь у склона горы, где поместились хижины, в которых жили два старика с очень небольшими семьями. «Удивительно, как много могут они обрабатывать земли, — пишет Кропоткин, — тем более, что на склоне в 25°, конечно, приходилось работать или кайлом или лопатой. Кроме посева проса и кукурузы у них разработаны еще большие огороды. Растительность великолепная: весь скат холма зарос густейшей травой, которой мы собрали довольно много образчиков. Все это, перепутанное виноградом с огромными, очень глубоко разрезанными пятилопастными листьями и многими вьющимися растениями, так и пышет теплом даже в 9-м часу вечера. Среди густой травянистой растительности, папоротников поднимаются дикие сливы, яблони, вишневые, жасминные и персиковые деревья. Овощи достигают громадных размеров».

Выше Сунгари снова разбилась на множество протоков.

«Словно кто нарочно вел воду десятками рукавов среди красивых садов. Прибрежные плакучие ивы достигали огромных размеров».

«Фарватер в этих местах был из рук вон плох, — это нескончаемый ряд островов, отмелей, усыпанных галькой, карчей, среди которых река на ширине полутора верст рвется с такой силой, что при глубине 5—7 футов кипит кругами и образует воронки. Пароход с баржою не выгребает на малом ходе; баржа, не сильно приткнувшаяся к мели, снимается силой встречного течения. Мы долго бились верстах в 4—5 от ночлега. Пароход не слушается руля. Дальше итти с баржой оказалось невозможным. Экспедиция бросила якорь.

От берега отчалила джонка и привезла визитные карточки на красной бумаге от местного амбаня города Бухтай-Хотоня. Переводчик уверял, что дзянь-дзюня нет дома, что до Гирина осталось еще 200 ли, что течение будет такое же сильное, как в этом месте,

что лучше экспедиции бросить свой пароход и отправиться на лошадях до Бухтай-Хотоня, чтобы получить разрешение ехать дальше».

На самом деле все это была наивная дипломатия.

«Действительно оказалось, что дзянь-дзюнь дома, что до Гирина всего 65 ли, а что в Бухтай-Хотоне маленький амбань, что худого фарватера осталось только несколько ли, а там пойдет хорошо».

Экспедиция двинулась дальше

«Уссури» оставил свою баржу у ближайшей деревушки, взял топливо на пароход и пошел до Гирина один.

Шли по извилистому фарватеру. Однажды встретили перекат всего в 4 фута с небольшим. Дальше пошли вверх «с изумительною для китайцев быстротою».

Река сузилась до 400—500 метров и была везде глубока. Берега очень оживлены.

«Дома, попадавшиеся прежде в одиночку, теперь становятся чаще и чаще, собираются в деревни и обращаются, наконец, почти в сплошную вереницу хуторков, за которыми разбросаны пашни с начинающей желтеть пшеницею, кукурузою и просом. По лугам бродят лошади, мулы, очень крупные ослы и прекрасный рогатый скот. По реке взад и вперед двигаются джонки».

Километрах в 30 от Гирина навстречу экспедиции опять выехала джонка и привезла карточку амбаня Бухтай-Ула-Хотоня. Этот город находится километрах в 5 от Сунгари внутри страны на речке Бухтай-Ула. Здесь опять начались наивные убеждения не ходить дальше, в Гирин.

Последние 25 км до Гирина представляли исключительно красивый и интересный горный пейзаж альпийской страны, полностью освоенной людьми.

«Мы вступаем в область гор, сперва несколько песчаных, — пишет Кропоткин, — потом каменистых, представляющих наверху остроугольчатое очертание местами выветривающихся и обсыпающихся горных пород; эти беспорядочно нагроможденные горы то имеют вид отдельных небольших поднятий на высокой плоской возвышенности, то образуют ряды коротких цепей, одним словом представляют нагроможденные горы высокой альпийской горной страны. В рядах, ближайших к реке, только северные склоны гор заросли лесом, зато дальнейшие ряды зеленеют темною густою зеленью чернолесья. Южные же склоны прибрежных гор все пестреют под пашнями. Трудолюбивый китаец в своем малоземельном отечестве забрался даже на крутые скаты, не довольствуясь той полосою в 5—7, иногда в 20 верст, которая осталась ему между горами и рекою. Тут один за другим лепятся хуторки, как будто оспаривая друг у друга право стоять поближе к водам прекрасной реки. Больших деревень мало, но они начинают являться чаще (по левому берегу) с приближением к Гирину. Но эти хуторки, зеленеющие там и сям по берегам реки, забирающиеся иногда на склоны гор, где над всем царит иногда высоко забравшаяся кумирня, все только украшают и без того краси-

вый ландшафт. Что ни шаг, то новый оживленный горный ландшафт, просящийся на бумагу, но пароход слишком скоро продвигается, и нет возможности набросать хотя бы легкий эскиз» [1].

Уже подходя к Гирину, экспедиция встретила флотилию из 14 джонок, у которых на мачтах висели огромные куски желтой и красной дабы (материи) от верхушки мачты до палубы. Джонки шумно и радостно приветствовали экспедицию. Оказалось, это были китайцы — сплавщики джонок, знакомые по Айгуну. Их приветливость была полной противоположностью официальной встрече, ожидавшей экспедицию в Гирине.

9 августа в шестом часу вечера показался Гирин. Он расположен на правом крутом берегу среди отрогов Чанбо-шаня, синеющего вдали высокими зубчатыми вершинами.

«Остроконечные верхушки его (Гирина) каменных построек вызвали всеобщий восторг. Город расположен амфитеатром вдоль берега реки на протяжении от 2 до 3 верст. Общая физиономия его довольно красива среди несметного количества подступающих к самому берегу реки лачужек, построенных на столбах; даже на покатости этого гладкого, но высокого берега торчат башенки оригинальной архитектуры, какие-то столбы с украшением наверху, храмы оригинальной постройки с башнями, украшенными множеством завитушек».

Пароход был встречен всем населением Гирина, которое сплошной массой запрудило все переулки, идущие к реке.

«В кофейной, терраса которой устроена на столбах над самой водой и украшена цветами, расположилась купеческая аристократия; чиновники толкаются в толпе, пробираясь в этом колышущемся море; божко и полицейские хлещут палочками и кнутами направо и налево, толпа шумит, и до парохода достигает гул, напоминающий пчельник».

Толпа не расходилась до поздней ночи. Затем полицейские разогнали ее по домам, а на берегу против парохода поставили четыре палатки с караульными солдатами.

В Гирине экспедиция провела на пароходе двое суток. Кропоткину и его товарищам удалось увидеть только 2—3 переулка возле берега. Дальше их не пустили; то, что они видели, представляло грязные узенькие проходы между двумя рядами лавчонок. Осмотреть город им не удалось.

«Если бы нашей целью было завязать дружеские сношения с Манчжурией, — замечает Кропоткин, — а не попросту исследовать Сунгари, то эту поездку следовало бы считать совершенно не удавшейся».

У всех еще было в памяти, как всего за восемь лет до этой экспедиции «посещение» Муравьева окончилось присоединением Амура и Уссури. К тому же властям, осведомленным о спрятанных под углем винтовках, было непонятно, зачем это сделано, и естественно, они были не особенно рады нежданным и незванным путешественникам.

В самом Гирине экспедиция встретилась с совершенно необычайным препятствием. Когда пароход бросил якорь у этого много-

[1] Кропоткин хорошо рисовал и сам делал зарисовки к своим путешествиям.

людного города, то все купцы Гирина со всеми их служащими оказались вооруженными заржавленными китайскими мечами из старого арсенала, как будто собрались давать бой какой-нибудь шайке, приехавшей на пароходе для грабежа их лавок. Пока участники экспедиции оставались на пароходе, базары и китайские лавки торговали, но едва Кропоткин и его товарищи высаживались на берег, все лавки сразу запирались. Никто не препятствовал русским ходить по прилегающим к берегу двум-трем улицам, но власти запретили купцам продавать им что-либо. Положение стало бы совсем затруднительным, если бы власти не присылали на пароход кое-какую провизию в виде подарка, отказавшись брать за нее деньги. Ежедневно на пароход являлись два переводчика, и участникам экспедиции приходилось разговаривать только с ними. Больше ни с кем в Гирине они не могли вступить в общение.

После таких впечатлений Кропоткин сообщает: «Мы можем сказать только, что население в Гирине живет очень тесно и что в нем очень оживлена торговая деятельность. Расспросы о количестве населения ни к чему не привели, так как китайцы старались скрыть истину. Поэтому пока мы готовы принять цифру Кимай-Кима — 150 тыс. жителей — как довольно возможную».

В Гирине и в его окрестностях на притоках Сунгари строилось тогда громадное количество коммерческих джонок, которые экспедиция встречала на своем пути.

«Гирин произвел на нас впечатление притона, гнезда маньчжурского чиновничества, своими несметными количествами божко и других властей».

Приближалась поздняя осень, начинались заморозки, нужно было торопиться, так как был риск зазимовать на Сунгари. К счастью, китайские власти боялись этого больше, чем капитан парохода «Уссури», и постарались скорее снабдить всем необходимым для обратного пути.

После двух неудачных дней пребывания в Гирине, ничего не добившись от местных властей, пароход «Уссури» снялся в обратное плавание. Река Сунгари мелела с каждым днем. Выше города обнажались мели. Ждать новой прибыли воды было рискованно, так как нехватало запасов провизии, а купить здесь они ничего не могли, и 11 августа «Уссури» поднял якорь и оставил Гирин.

Но даже при всех неудачах, снимаясь с якоря у Гирина, участники экспедиции чувствовали себя удовлетворенными, так как основная цель путешествия была достигнута: выяснилось, что от впадения в Амур до самого Гирина р. Сунгари вполне судоходна. Капитан парохода «Уссури» Васильев и его помощник Андреев сняли подробную навигационную карту, которая на обратном пути давала возможность итти полным ходом.

Обратный путь

Вниз по течению плавание пошло быстрее, промелькнули горы, и к вечеру «Уссури» подошел к оставленной барже.

На всех остановках Усольцев делал астрономические определения, а Кропоткин и Конради собирали геологические коллекции и гербарий.

Плавание вниз шло тоже не без затруднений. 12 августа при быстро сбывающей воде пароход крепко сел на мель. Ему пришлось заночевать на ней. Между тем вода быстро сбывала, и уже возникал вопрос о том, не придется ли «Уссури» зимовать или ждать новой прибыли воды. Но на счастье из Гирина пришло предписание во что бы то ни стало снять его с мели. Явились чиновники и предложили прислать 100 человек на помощь. «Когда сотня китайцев стояла в воде,— пишет Кропоткин, — безуспешно работая стягами, чтобы сдвинуть пароход, я соскочил в воду, схватил стяг и запел «Дубинушку», чтобы под ее звуки разом толкать пароход. Китайцам это очень понравилось, и при неописуемых криках их тонких голосов пароход, наконец, тронулся и сошел с мели. Это маленькое приключение установило между нами и китайцами самые лучшие отношения. Я говорю, конечно, о народе, который, повидимому, очень не любит дерзких манчжурских властей».

14 августа «Уссури» двинулся дальше. Чтобы не рисковать новой посадкой на мель, выслали вперед шлюпку на промеры и шли следом за нею. Как только шлюпка давала сигнал, пароход отдавал якорь и останавливался, чтобы найти путь в другой протоке. Кропоткину это было на-руку. Он спускался на берег и пополнял свои наблюдения и коллекции.

К вечеру 15 августа, пройдя около 45 км, остановились на ночлег у водочного завода Нинюкэн. Он представлял собою длинный ряд строений, вокруг которого во все стороны были видны дымки отдельных хуторов и деревушек.

«К счастью нашему, в заводе не оказалось ни одного чиновника, ни одного полицейского, а потому приняли нас как нельзя лучше. Мы поднялись в гору мимо груд превосходной глиняной посуды (глиняных кадок) и вошли во двор, обнесенный плотным забором. Тут разбросаны были корыта, чаны и прочее, употребляющееся при выделке водки... Благодаря отсутствию чиновников нам удалось хорошо купить водки, табаку и убедиться, до какой степени ласков и любезен становится китаец, когда над ним не висит плеть манчжурского чиновника. Скажу только, что вид этой накрытой галлереи в Нинюкэн с ясным небом, при свете бумажных фонарей и огонька, над которым грелся чайник, среди любезных, хоть и немного слишком любопытных, зато добродушных, услужливых, подчас навязчивых китайцев-работников, вероятно, у всех нас останется в виде приятного воспоминания. Поздно разошлись мы по домам, провожаемые китайцами с фонарями, и расстались друзьями, — что никогда не удавалось в присутствии чиновничества».

От водочного завода Нинюкэн шли медленно, все также высылая вперед шлюпку на промер, а вода спадала все быстрее и быстрее, и риск застрять все больше усиливался.

Экспедиция хотела взять лоцманов, но власти не дали, чтобы те не разболтали названий местности. Между тем манчжурским властям не хотелось, чтобы экспедиция зазимовала на Сунгари. И вот по реке на мелях и перекатах оказались поставлены палки с пучками камыша или соломы. Пользуясь ими, «Уссури», почти не натыкаясь на мели,

легко шел вниз. Эти знаки были сделаны, чтобы обозначить худые места и поскорее избавиться от непрошенных гостей.

На обратном пути при мелкой воде вся река оказалась заполненной парусами рыбачьих джонок. Когда не было ветра, они шли вверх на бечеве или вниз на веслах. Всюду были видны рыбаки, тянувшие свои сети и невода. На отмелях на палках сушились сети. Рыба шла стадами и, когда «Уссури» заходил в такое стадо, бросалась во все стороны, прыгала и гибла под колесами парохода.

Первые два дня стояли превосходные теплые ночи, затем полил мелкий дождь.

А вода все спадала. Опасность зазимовать становилась все более возможной. Провизии на пароходе было только до 1 сентября, а добывать ее на берегах почти нельзя было. Приходилось торопиться и плыть мимо самых соблазнительных мест, где Кропоткина манили обнажения горных пород, где ему так хотелось, сойдя на берег, вести свои географические исследования.

«Наконец, добрались мы до Бодунэ, где в передний путь нас так хорошо принимали, — тут, думали мы, закупим провизии и тогда можем итти не спеша, если внизу вода будет хороша».

Но здесь их опять встретили чиновники; путешественники должны были вернуться на пароход и поплыли дальше, пользуясь той глазомерной картой, которую сняли по пути вверх. Она им очень помогла, и 23 августа «Уссури» уже был на Амуре и бросил якорь у станицы Михайлово-Семеновской. Трудные места, на которых они долго бились в низовьях, теперь промелькнули, как в панораме.

«Прошли, ни разу не севши на мель и не заходя никуда, даже, к великой радости манчжурского начальства, не побывали в Тянь-Сине».

Эта экспедиция установила, что на небольших пароходах с мелкой осадкой в $3^1/_2$ фута Сунгари пригодна для плавания от устья до Гирина.

Затем на Сунгари были определены 4 астрономических пункта. В гербарии оказалось около 200 экземпляров растений. Геологическая коллекция была столь бедной, что Кропоткин не берет ее в расчет. Кроме того, были произведены метеорологические наблюдения.

«Вот все результаты, добытые нашей первой, быстрой, пронесшейся по Сунгари экспедицией, — пишет он. — Нам остается только пожелать, чтобы при всей их незначительности они могли быть хоть сколько-нибудь полезными для будущих исследований».

Общая картина Сунгари в результате исследований Кропоткина представляется в следующем виде: от устья около 200 км тянется безлесное низменное пространство, и лишь вдали от берегов виднеются рощи. Следующие 200 км вверх по реке занимает горная страна, совершенно безлесная, где к пойме реки спускаются невысокие холмы. Наконец, около 200 км идет лесистая горная страна. Дальше до Гирина вершины гор обнажены от леса на пространстве около 500 км по течению Сунгари, а все склоны их хозяйственно освоены человеком.

В нижнем отрезке у устья население весьма редкое. Оно состоит из гольдов — рыбаков и звероловов. Чем дальше вверх, тем население гуще — из манчжур. В Гиринской провинции население сплошь земледельческое с довольно высокой техникой хозяйства. Промышленность представлена многочисленными винокуренными заводами.

Плавание по реке затрудняется множеством перекатов в тех местах, где Сунгари разрезывает горные породы, сложенные из песчаника, и река разливается в широкой пойме множеством рукавов. Вторым затруднением является периодическая убыль воды в реке, которая, быстро спадая, обнажает множество отмелей и понижает фарватер во многих местах до $3^1/_2$ футов.

Составленная карта облегчила последующие плавания по Сунгари.

Оценивая экспедицию по Сунгари через 80 лет, надо сказать, что молодые научные работники, несмотря ни на что, сделали очень много, и научную задачу экспедиции — составление глазомерной карты реки Сунгари и описание берегов и населения — выполнили с честью.

Но путешествие это досталось Кропоткину и его товарищам не легко. На обратном пути 18 августа он заболел; и это не мудрено, если вспомнить, в каких условиях он жил в маленькой каюте, где сверху постоянно лил дождь сквозь развороченную палубу. 19 августа Кропоткин записал в дневнике: «Все мы страдали насморком, у меня это кончилось лихорадкой, отчего я и не мог выходить наверх».

Но никакие неудобства не могли остановить этого молодого неутомимого путешественника-исследователя.

Возвратившись на Амур, он почти без отдыха тотчас же отправился в новое плавание по этой реке.

Судьба отчетов экспедиций по Манчжурии

Кропоткин и астроном Усольцев напечатали отчеты о своей экспедиции в «Записках Сибирского отдела Географического общества». Но через несколько лет в Иркутске был большой пожар, во время которого сгорело помещение Отдела Географического общества и все экземпляры «Записок». Вместе с ними сгорела, как сообщает Кропоткин в своих «Записках революционера», и составленная ими карта Сунгари.

Поэтому про экспедицию забыли. Но, к счастью, 8-я книга «Записок Сибирского отдела» (Иркутск, 1865 г.) сохранилась в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда. В ней Кропоткин дал описание обеих своих экспедиций в статье «Две поездки в Манчжурию в 1864 г.»

В 1890-х годах, когда начались работы по изысканию трассы манчжурской железной дороги, географы разыскали эти отчеты и карту, составленную экспедицией Кропоткина. Совершенно неожиданно оказалось, что Манчжурия была исследована русскими учеными еще за 30 лет до начавшихся тогда изысканий для железной дороги к Тихому океану, что облегчило задачу.

Кроме делового отчета, Кропоткин напечатал статью в журнале «Русский Вестник» (Москва, т. 57, 1865 г.), небольшую заметку

в «Известиях Русского географического общества» (№ 4, 1865 г.) «Экспедиция по Сунгари (из дневника Кропоткина)» и, наконец, статью в газете «Голос» (в номере от 3 декабря 1864 г.).

VI. ЭКСПЕДИЦИЯ В САЯНЫ

Круговой маршрут

К началу 1865 г. Кропоткина стал все больше и больше интересовать вопрос о распространении ледниковых отложений в Иркутской губернии. Он бывал на Ангаре, и его очень привлекал ее приток, р. Ока. В газете «Северная Почта» Кропоткин прочитал сообщение о том, что на притоке Оки имеется будто бы водопад, много больший по своему размеру, чем водопад Ниагара в Америке. Он усомнился в правильности этого сообщения, ему захотелось проверить собственными глазами и описать это интересное явление природы. В мае 1865 г. он отправился в новую экспедицию, отчет о которой потом поместил в «Записках Сибирского отдела Русского географического общества» (книга 9 и 10, 1867 г.) под названием «Поездка в Окинский караул».

В этой экспедиции он сделал больше 1300 км верхом. Экспедиция продолжалась полтора месяца. Кропоткин совершил ее по круговому маршруту. Из Иркутска он отправился на запад по долине Иркута. Доехав до Ниловой пустыни, он направился вдоль китайской границы. Затем пошел на восток до Окинского караула в Саянском хребте. От караула он продолжал движение на восток до Великого сибирского тракта и по нему вернулся в Иркутск.

В этой поездке Кропоткина сопровождал всего один казак. Снаряжения у него не было почти никакого. Кропоткин ехал налегке и с малым запасом собственных денег, что, конечно, его очень стесняло.

В середине мая он добрался до селения Тунка на Иркуте и только здесь разобрался в обстановке, в которой ему придется проделать это новое путешествие.

Остановившись у казака Пермякова, старого человека, который жил долго в Окинске, он получил от него более точные сведения о водопадах, чем из газеты. «Водопады есть, — пишет он брату 16 мая 1865 г. в письме, посланном со случайным станичником. — Река Джунбулак, образующая водопад, приблизительно равна Оке, а Ока без брода около Окинского караула».

Таким образом, водопад на Ниагару был совсем не похож, и Кропоткин потерял к нему интерес. Он решил итти к Саянскому хребту и оттуда выбраться к селению Зиминскому бывшей Иркутской губернии на большом московском тракте. Он пришел к выводу, что это вполне возможно, так как «есть тропы зверопромышленников». По сведениям, полученным от Пермякова, выяснилось, что можно плыть на лодке, сколоченной из двух ботов, но это не совсем безопасно. Кропоткин решил запасти на месяц сухарей и отправиться вдвоем с провожатым казаком на конях, пробираясь по тропам, пока возможно.

Экскурсии из села Тунка

До выезда в круговой маршрут, пока сушились сухари, он сделал экскурсию в окрестности.

«Вчера ездил на Талую, — пишет он брату, — там провал — дыра, считавшаяся кратером. Оказалось, вздор, — дыра в лаве узкая. Далее известь. Образование, вероятно, водное. Физик разберет, а то здесь кислоты нет, не известно, известняк ли.

Я спускался сквозь дыру. Дыра так узка, что боком не мог пролезть, только плечи пролезли. Ледник скользкий, а потому спускали меня на веревке и назад тянули, как куль. Мы долго там в пещере провозились, покуда можно было дышать, а то от бересты так надымило, что дышать было трудно».

Эта «дыра» привлекла внимание Кропоткина, так как П. П. Семенов-Тян-Шанский в своем географическом словаре считал ее кратером. Но Кропоткин не привык ничему верить на слово. Он лезет в эту обледенелую «дыру», чтобы убедиться, что это явление водного размыва, а вовсе не кратер.

Из селения Тунка Кропоткин сделал еще одну экскурсию. По Жемчугу он поднялся километров на 20, затем возвратился назад. Ездил он, чтобы видеть издали рельеф Саянских гор, посмотреть с Тункинского на Саянский хребет, осмотреть их «покати», как пишет он в письме к брату, т. е. ознакомиться с общим видом их склонов.

В то же время он наблюдает и хозяйство, и быт, и весь строй жизни населения, и деятельно корреспондирует в столичные газеты, опрашивая обо всем местных людей.

Но официальное положение чиновника особых поручений при генерал-губернаторе страшно портит ему дело. Сопровождающий его казак заставляет сразу всех настораживаться перед Кропоткиным, как перед официальным лицом.

«Расспросы подвигаются очень туго, — пишет он брату. — Особенно подгадил казак, сейчас чорт знает что воображают... Впрочем, расспросов хватает для корреспонденции Сибирскому отделу...»

В этой экспедиции Кропоткин работает один, но ведет ее комплексно. Он и географ, и геолог, и этнограф, и «историограф», и статистик, и ботаник, и зоолог, и экономист, и горный инженер. Его интересы универсальны. Он ничего не хочет пропустить.

«Водопады-то все-таки осмотрел; может быть, ограничусь тем, что поднимусь по Джунбулаку. Там в вершине кратер, кристаллы...»

Но, кроме природы, его всегда и неизменно интересуют люди. О них и о социальных отношениях он никогда не забывает. В том же письме брату он замечает: «Народ здешний очень мудрено изучить, особенно бурят, не зная языка. Впрочем, посмотрим», — добавляет он. Впоследствии в его корреспонденциях и статьях обстоятельно описывается положение бурят.

Но географ и геолог все же преобладают в нем.

«Представлю горные породы от Тунки до Окинской, — пишет он брату. — Пока я собрал по дороге образцы горных пород, самое

интересное — гранит с отчетливым слоистым образованием. Скоро пришлю их в Иркутск. Они хорошо дополнят имеющиеся в Отделе».

Его интересует и хозяйственное использование горных богатств. В верховьях Оки в 1847 г. финляндским промышленником Алибером было открыто месторождение графита, на которое Алибер сделал заявку, а затем начал и добывать графит для карандашей. Этот графит скоро получил широкую известность, так как Алибер отправлял его в Австрию на всемирно известную карандашную фабрику Фабера.

Кропоткин сообщает брату: «На прииск Алибера, может быть, заеду, может быть — нет, посмотрим». Он, конечно, не стал бы колебаться и просто поехал бы посмотреть этот интересный прииск, но у него было очень мало денег, так как путешествовал он за собственный счет, на гроши, скопленные из жалования.

«Куда я стану пробираться из Окинска, — пишет он, — трудно решить; посмотрю, как будет стоить проезд, от этого все будет зависеть».

«Куча материалов»

Из селения Тунки он направился верхом со своим казаком в Хангинский караул — небольшое казачье селение на китайской границе в верховьях Иркута. Отсюда, также вместе с казаком, Кропоткин поехал в Норин-Хоройский караул — небольшое селение в верховьях Оки между Саянским и Тункинским хребтами. Этот переезд занял двое суток, был труден, но очень интересен. Две ночи пришлось провести под открытым небом, двигались медленно, так как Кропоткин поднимался на «гольцы», чтобы определять высоты барометром. Он попал в высокий горный хребет, так называемые Тункинские белки. Хребет этот входит в состав горной системы Саян. Его вершины достигают высоты 2000 м и покрыты снегом, отчего и происходит название «белки».

«Поездкой я доволен, — пишет он наскоро брату. — Вот так гольцы удалось посмотреть! Лазили мы на очень неважные, впрочем на несколько сотен футов выше верхнего предела растительности (куполовидные), зато на них для меня ясны следы ледников. Большие плоскости, совершенно гладкие, и борозды — некоторые указания на бывшие здесь когда-то ледники. Материалов для обоснования ледниковой гипотезы накопляется много, — преимущественно геологических.

Горных пород накопляется несметное количество».

Таким образом, уже первые дни путешествия дали молодому исследователю новый большой материал для его смелой гипотезы о ледниковом периоде, которая тогда увлекала Кропоткина. Он весь горел страстью этого проникновения в прошлое земли. Каждый новый факт, подтверждавший зародившуюся в его мозгу гипотезу, он встречал с восторгом. Он испытал великое счастье большого и важного географического открытия, и теперь уже никакие препятствия не могли остановить его. Он уже сознает, что его теория о ледниковом периоде неопровержима, и неудержимо стремится вперед,

Рис. 10. Кратер вулкана в вершине

хочет видеть и собрать новые факты, подтверждающие его гипотезу, а двигаться приходится с трудом и с большими задержками.

«Теперь передо мной уже Ока, — пишет он брату из Норин-Хоройского караула, находясь между Саянским и Тункинским хребтами, — Ока, по которой завтра двинусь дальше и пойду на Алиберов прииск. Сегодня с двух часов стою здесь — буряты не наладили коней до сих пор, хотя их предупреждали за несколько дней. Поездкой я доволен... Еду хорошо, только устаю сильно. Сегодня еле выспался. 25 мая 1865 года, 4 часа вечера».

Новые пути

Кропоткин побывал на Алиберо́вом прииске, расположенном на высоте 8000 футов над уровнем моря, и, осмотрев его, застрял на целые сутки, так как, несмотря на конец мая, выпал снег. С прииска он мог вернуться обратно, но ему хотелось найти новую дорогу. Он пошел по другому направлению и снял буссольные также и новый путь на протяжении 60 км. Затем из-за грязи он выбрался на обычную дорогу к Окинскому караулу и добрался до него 30 мая.

Отсюда Кропоткин хотел спуститься вниз по Оке на небольшом боте.

«Пишу тебе накануне выезда из Окинского караула вниз по Оке, — пишет он брату 8 июня 1865 г. — Предосадная вышла штука третьего дня. Собрались буряты, я все настаивал плыть по Оке, откуда только можно будет. Оказалось, что надо верст 100—120 отъезжать на конях; тут плавание признано всеми абсолютно невозможным, далее на 180 верст — возможным, но с большим трудом. Местами надо было наш «корабль» спу́скать на веревках, а самим итти берегом. Я все-таки решил ехать и вызвал охотников».

Несмотря на опасность, решимость у Кропоткина была непоколебимая и он, конечно, спустился бы по Оке на «корабле», но недостаток денег, буквально грошей, оказался непреодолимым препятствием. Пришлось отказаться от поездки по Оке на боте и продолжать экспедицию на конях.

«К кому ни обратишься, только одно и слышишь: «бырхи» — страшно. Я поручил старшинам вызвать охотников по улусам. Насилу, наконец, старшины приехали. Все та же песня, то же уговаривание. Наконец, вытащил двух охотников. Пошла речь о цене — 50 руб., с тем чтобы срубить три бота, связать их и плыть в 120 верстах отсюда. Туда на конях. Да еще 6 руб., чтобы доехать 120 верст и рубить боты. Наконец, съехались на 34 руб. и 6 руб. Я пересчитал свои деньги. Нужно на все минимум 75 руб., и то на еду и на непредвиденные расходы всего 10 руб. клади, — нехватает. У меня всего 65 р. Что тут делать? Все проклятая трусливость, никто никогда не плавал, так как же плыть? Пришлось рядиться на конях ехать. Порядились за 20 руб., да 2 руб. ямщикам. Так и порешили, и завтра выезжаем».

Когда читаешь эти строки через 70 слишком лет, то чувствуешь досаду, что талантливейший исследователь-путешественник был поставлен в такие материальные условия.

В течение девяти дней он спустился по Оке, задержавшись в пути у станицы Земинской на два дня для определения высот барометром. В конце июня он был уже в Иркутске.

Убогое снаряжение — большие достижения

Во время поездки по р. Джунбулаку с Кропоткиным случилось «горе», свидетельствующее о том, как находчив и предприимчив он был при затруднениях.

«Еще со мной случилось горе, — пишет он брату в письме от 8 июня 1865 г. из Окинского караула. — Я проехал вверх по Джунбулаку за 50 верст, так как говорили, что там есть кратер вулкана; существование вулкана подтверждалось потоками лавы в долине Джунбулака до самой Оки. Так как карты этих мест нет, я сделал съемку. Только стрелка буссоли не действует; должно быть лава. Я снял крышку — посмотреть, не затупился ли штифтик, на котором сидит стрелка. В это время порывом ветра срывает бумагу, я хватаюсь, ножка штатива соскакивает, буссоль летит, и штифтик сломался. Съемка невозможна, исправить нельзя, нечем вывинтить сломанного штифтика. Приехал домой, горюю. Пробую вывинтить руками, — нельзя, клещей нет; вспомнил в эту минуту об отвертке для пистонов, приложил, как раз пришлась, и штифтик вывинтил. Тогда я в деревяшку всадил иголку, поломал их достаточное количество, наконец, сделал, и погрешность буссоли меньше 1°.

Кратер действительно нашел, даже два, и повернее Мергенского (т. е. того, который Кропоткин открыл в Манчжурии в районе города Мергена). Везу шлаки и прочее. Определил высоту, срисовал и вернулся».

Рядом с «горем» в том же письме Кропоткин сообщает и о своей удаче. Его экспедиционное оборудование пополнилось самым необходимым предметом — палаткой, которой у него, как оказывается из этого письма, не было, т. е. нехватало наиболее необходимого снаряжения для путешественника.

«Купил палатку, — пишет он брату, — у одного бурята, большую, но за непомерную цену — 11 рублей; 2—3 человека могут спать».

Какое безобразие! — невольно думаешь, читая эти строки. Великий энтузиаст, талантливый географ, отважный и неутомимый путешественник совершает свои экспедиции, не имея не только никаких удобств, никакого «комфорта», но даже палатки.

Но сам Кропоткин, путешествуя, всего этого даже не замечает. А вспоминая о своих экспедициях по Сибири в «Записках революционера», точно умышленно пропускает все трудности и опасности, которым он подвергался.

Результатами своей Окинской экспедиции Кропоткин был удовлетворен. Она дала ему много фактов и наблюдений для географической теории, которую он считал потом главной заслугой своей в науке. Исследуя Западные Саяны в пределах этого маршрута, измеряя высоты барометром, он получил много новых данных для

построения схемы орографии Сибири. Уже тогда, в 23-летнем возрасте, он сознавал, что его работа будет большим вкладом в науку, в понимание строения земной коры.

Вторым достижением этой поездки в Окинский караул было открытие новой вулканической области на границе Китая в Саянских горах, в верховьях Оки. И это открытие подтверждало уже складывавшиеся у него тогда новые взгляды на явления вулканизма.

VII. ПЛАВАНИЕ ПО РЕКЕ УССУРИ

Успехи первых путешествий окрылили молодого ученого, и он целиком отдался научному исследованию, стараясь держаться возможно дальше от всяких чиновнических дел при генерал-губернаторе. И свои служебные поездки он старался заполнять исследовательскими работами. Между прочим, по возвращении из Окинского караула он произвел обследование хозяйственного положения уссурийских казаков. Кропоткин ехал осматривать и описывать положение казаков, которые за 5 лет до его путешествия были переселены на Уссури при Муравьеве-Амурском.

Уссури впадает в Амур с юга. Она судоходна на протяжении около 400 км для пароходов с осадкой не более 3 футов. Течет эта река почти по меридиану. Ее долина с востока и запада закрыта горами и открыта с юга.

«Она поражала всех сибирских пришельцев, — пишет Кропоткин, — своей южной растительностью, своим теплым несибирским климатом, красотой своих лесов, плодородием почвы; оттого беспрестанно слышатся отзывы о долине этой реки, как о сибирском эльдорадо». Несмотря на климат и плодородие долины Уссури, выселенное по казенному приказу казачье население на Уссури жило плохо. Всех их казна принуждена была кормить.

«По Уссури расположен Уссурийский пеший казачий батальон, составившийся частью из забайкальских казаков, частью из «вновь переселенных», «сынков», бузуев, гультепаков тож. Казаки были взяты большей частью из мест, где они уже привыкли пахать и сеять, а какие хлебопашцы «сынки», это вы знаете из моих предыдущих писем. Заселение Уссури началось с 1858 г. и продолжалось до 1862 г. В настоящее время по Уссури размещены на 20—25-верстном расстоянии 23 станицы, общее население которых составляет около 5 тыс. человек мужчин и женщин. Много трудностей пришлось на первых порах преодолеть казакам; скот, не привычный к жестким травам, зараставшим по островам до высоты человеческого роста, днем преследуемый паутами (оводами), ночью несметным количеством мошки и комаров, не успевавший наедаться, держался с трудом и падал почти повсеместно. Положение казаков, имевших под руками девственную, полную сил почву и не имевших другой рабочей силы, кроме силы собственных рук, было далеко не завидное: не имевшим скота на первых порах пришлось обрабатывать землю кайлами».

Китайцев и гольдов на всей Уссури в 1859 г. было учтено не более

800 человек. Они занимались рыбной ловлей и сеяли на своих огородах небольшое количество ячменя и буды (проса).

Выбор мест для казачьих пашен был сделан неудачно. В конце лета 1861 г. наводнение затопило большую их часть. И все-таки в станицах к 1864 г. дела стали поправляться. Благодатный климат и хорошая почва щедро вознаграждали за каждое брошенное в землю зерно, хотя семена обычно присылались казной слишком поздно. Несмотря на наводнение, казаки не хотели расставаться с разработанной на лугах землей, дававшей огромный урожай, и только немногие принялись за расчистку перелесков. Большинство решило, что лучше раз в шесть-семь лет подвергаться наводнениям, чем распахивать новые места. В 1862 г. осенью была засуха. А в 1863 г., когда ожидался богатейший урожай, полились непрерывные дожди, и все пашни на лугах обратились в невылазную грязь. Весь хлеб погнил. Потребовалось летом доставлять казакам семена от казны.

«Первая станица, в которой мы остановились, — пишет Кропоткин, — была станица Казакевича (в 40 верстах от устья), лежащая там, где в Уссури впадает рукав Амура. Она выросла на крутых отрогах холмов, там, где несколько лет тому назад рос огромный лес из ореховых деревьев, дубов, осин, берез, кедров, пробкового дерева, ясеня, клена, красного дерева и т. п., перепутанных виноградником и родом плюща. Теперь этот лес вырубается на постройки, но все-таки огромных запасов его по горам при Уссури надолго хватит нам, даже и при нерасчетливой нашей порубке. Все эти деревья достигают огромных размеров... Оттого некоторые дома отличаются особенной щеголеватостью в выборе леса для построек. Огороды, лепящиеся за домами, покрыты превосходной густейшей растительностью... Пашни расположены где-то за деревней между перелесками... Разработанные пашни дают, как говорят, неимоверный урожай».

«За Казакевичевой мы проезжаем заросший лесами хребет Хехцыр и вступаем в низменные берега, изредка поросшие дубовыми перелесками и состоящие почти исключительно из наносов».

Все поселенные на этих местах станицы терпят непрерывные бедствия от наводнений. Их пашни и луга затопляет. «Большая часть станиц, расположенных в этих местах, принуждена будет переменить место».

«Затем дело идет немного лучше, и начиная с 16—17-й станицы до 23-й места становятся все лучше и лучше. Последние станицы имеют задатки хороших хлебородных поселений».

«Вообще Уссурийский край несомненно богатый край, особенно по своим лесам; но обработка его для хлебных посевов не легко достается: нужны средства, много скота».

«Поднявшись по Уссури до 23-го станка, мы остановились здесь на несколько дней, бродя по лесам, сквозь которые иногда приходится чуть не топором прорубаться, до того завалены они гниющими деревьями и покрыты мелкой густой зарослью. Тут в глуши приволье для тигров, которые до сих пор еще нападают на домашний скот, но зато часто сами попадают на штыки наших казаков-охотников. Так как на тигровые шкуры легко найти покупателя, пла-

тится за шкуру от 20 до 40 рублей, то их бьют охотно и гольды и казаки».

В «Записках революционера» он так вспоминает свое плавание по Уссури: «Как чиновник особых поручений при генерал-губернаторе по казачьим делам, я сделал тщательное исследование хозяйственного положения уссурийских казаков, терпевших недород каждый год, так что правительство должно было кормить их всю зиму, чтобы избавить от голодной смерти. Когда я возвратился с Уссури с моим докладом, то получил поздравления со всех сторон; я был произведен, мне дали специальную награду. Все меры, указанные мною, были приняты. По моему совету некоторым станицам помогли деньгами, другим — скотом, а третьи выселили на лучшие места, на побережье Тихого океана. Но практическое выполнение намеченных мер поручили старому пьянице, который розгами приучал казаков к земледелию. И так дело шло всюду, начиная от Зимнего дворца до Уссурийского края и Камчатки».

Понятно, что при своем мировоззрении молодой ученый всеми силами старался уйти от служебных дел, бросаясь из одной экспедиции в другую.

VIII. ОЛЕКМИНСКО-ВИТИМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Снаряжение и сборы

В мае 1866 г. Кропоткин предпринял далекое путешествие в совершенно не исследованный край к востоку от озера Байкал, между Читой и золотыми приисками на Лене, где ныне «Золоторазведкой» создаются все новые и новые прииски.

Он хотел и здесь, в этих неведомых местах, проверить уже возникшие у него взгляды на орографию Восточной Сибири и рассчитывал найти подтверждение своей гипотезы о ледниковом периоде. Но в то же время, как и в других путешествиях, его соблазняли и прямые практические цели: между Ленскими золотыми приисками и городом Читой тогда не было никаких путей сообщения, — не только дорог, но даже охотничьих троп, прокладываемых звероловами. Золотые прииски снабжались исключительно водным путем по Лене, и все продукты доставлялись туда во время навигации: хлеб, мясо, сахар, бакалею, крупу, мануфактуру — все нужно было доставлять туда сплавом. При этом Лена в верховьях не судоходна, и доставка продуктов на прииски всегда была очень трудна.

Кропоткин решил исследовать прямой путь между Ленскими золотыми приисками и Читой. Он предложил это золотопромышленникам, и те предоставили ему средства для снаряжения экспедиции, хотя мало верили в успех предприятия. Сибирский отдел Географического общества уже в течение пяти лет посылал своих членов для открытия этого пути, но ни одна из этих попыток не имела успеха. Все начинали свой путь от Читы и шли к северу в направлении на Витимские и Олекминские золотые прииски. Они встречали горные

хребты, преграждавшие им дорогу; перевалив через один хребет, встречали другой, а за ним видели новые параллельные дикие горные хребты и возвращались обратно в Читу, усталые, изнеможденные, выбившиеся из сил, не достигнув цели. Один из путешественников был убит якутами. Эти неудачи создали представление о непроходимости гор и тайги, расположенных между Забайкальем и Ленскими приисками. Именно представление о непроходимости этой горной страны и соблазняло Кропоткина. Он понял, что для достижения цели надо разрешить задачу иначе, чем пытались его неудачливые предшественники, и решил итти не от Читы к Ленским приискам, не с юга на север, а обратно — с севера на юг. Он полагал, что наи-

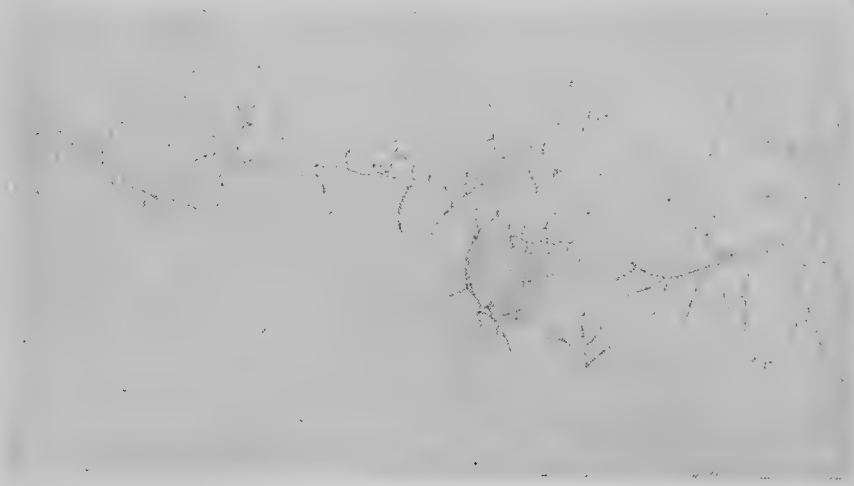


Рис. 11. Подпись П. А. Кропоткина: „Карта, вырезанная первоначально на бересте"

более трудную, наиболее утомительную часть экспедиции надо сделать со свежими силами.

«Ясно было, — пишет он, — что попытку надо сделать с севера на юг — из страшной, неизвестной пустыни в более теплый и населенный край, и я так и решил сделать, то есть плыть вниз по Лене до приисков и оттуда снарядить экспедицию на юг».

Кропоткин сделал доклад в Сибирском отделе Географического общества, и его предложение было принято. Ранней весной 1866 г. он уже стал готовиться, но географических материалов не было никаких. Никто не знал, что находится на огромном протяжении в 1200 км от приисков на Лене до Читы; на картах это место было сплошным белым пятном. Кропоткину помогла одна очень интересная находка, сделанная им позднее во время пребывания на Ленских приисках. Среди материала, собранного им, оказался кусок бересты, на котором тунгусом-охотником была вырезана ножом небольшая карта. Кропоткин чрезвычайно обрадовался ей.

«Эта берестяная карта, — пишет он, — так поразила меня своей очевидной правдоподобностью, что я вполне доверился ей и выбрал путь, обозначенный на ней, от Витима к устью большой реки Муи».

В этот раз Кропоткин отправлялся в экспедицию не один. С ним шли топограф П. И. Мошинский и молодой, талантливый научный работник И. С. Поляков. Последний происходил из бедной семьи забайкальских казаков и был народным учителем в Восточной Сибири. Кропоткин познакомился с ним в 1863 г., высоко оценил его большой ум и помог потом Полякову подготовиться в университет. Во время экспедиции 1866 г. Полякову было всего 19 лет [1].

Кроме главного задания исследовать обширный Олекминско-Витимский край, Кропоткин поставил себе и вторую задачу — исследование Лены, этой великой сибирской реки, по которой он должен был плыть до селения Крестовского. Никаких описаний ее в географической литературе тогда еще не было, и Лена привлекала к себе Кропоткина не менее сильно, чем Амур. В результате экспедиции Кропоткин составил ее географическое описание[2].

---

[1] Впоследствии, по окончании университета, И. С. Поляков работал в Географическом обществе, имел ученую степень и стал хранителем Зоологического музея Академии Наук. И. С. Поляков умер в 1887 г. 40 лет от роду.

[2] Лена — одна из величайших рек земного шара и самая большая река Сибири и всего СССР. Она начинается на западном склоне Байкальских гор, приблизительно в 30 км от озера Байкал. Ее истоки находятся на высоте около 1500 м. Общее ее направление в начале северо-восточное, затем северо-западное и в нижнем течении северное. Лена впадает в Северный Ледовитый океан. Из ее обильных наносов при впадении образуется огромная дельта в виде полуострова, который рассекается более чем сорока рукавами большой мощности.

Лена с ее обильными и многочисленными притоками имеет огромный бассейн площадью в 2380 тыс. кв. км. Подсчитанных и нанесенных на карту притоков у Лены больше 300. Самый большой ее приток Вилюй, впадающий с левой стороны, имеет до 3000 км длины. Справа впадает Алдан — больше 2000 км, Олекма — больше 1700 км, Витим, Киренга.

Течение Лены обычно делят на четыре части: верхнее течение от истоков до устья Куты, протяжением, примерно, в 700 км. В верхней части этого плеса у Лены большое падение русла и очень быстрое течение, она не судоходна на протяжении около 200 км от истоков. Дальше Лена представляет уже сплавную реку, хотя глубина ее фарватера в межень не превышает здесь $^3/_4$ м.

В расстоянии 400 с небольшим километров от истока Лена достигает полукилометра ширины и превращается в судоходную реку. Слившись с Витимом, она становится большой многоводной рекой шириною до километра. У Якутска Лена уже такая мощная река, что опрокидывает все обычные представления о реках. Здесь ее ширина достигает уже 7 км. Дальше ее мощность еще увеличивается, в особенности широка и многоводна она после впадения Алдана. У Жиганска ширина Лены доходит до 13 км при огромной глубине от 16 до 20 м.

Почти на всем протяжении Лена поражает красотой своих гористых берегов, сложенных из песчаников и известняков, геологическое строение которых впервые исследовал Кропоткин. Горные берега Лены покрыты лесом из лиственницы.

Исключительно живописны гористые берега Лены ниже Киренска, где отвесные утесы, так называемые «щеки», поднимаются до 150 м над уровнем воды

Бассейн Лены широко известен месторождениями золота — в Алданском, Бодайбинском, Витимском горных золотопромышленных районах, которые дают большую часть золота, добываемого в Советском Союзе.

Плавание по реке Лене

9 мая 1866 г. экспедиция выехала из Иркутска. 10 мая Кропоткин с товарищами был уже в селении Качуг[1] на Лене, где собрался весь состав его экспедиции. Тут были Н. С. Поляков — ботаник и зоолог, топограф П. П. Мошинский — тоже молодой человек, прикомандированный для съемки карты, — читинский купец П. С. Чистохин, который взял с собой двух бурят из Забайкалья, чтобы на будущее время ходить с ними и гонять гурты скота, если окажется, что из Читы на Олекму будет проложен путь.

Сборы в Качуге заняли два дня. Здесь для экспедиции была заготовлена небольшая баржа, или, по местному названию, паузок, с плоским дном, и нагружена всевозможными товарами и продовольствием для приисков.

14 мая 1866 г. Кропоткин со спутниками погрузился в Качуге на этот паузок, чтобы медленно плыть по реке, исследовать и описывать ее.

Когда пришли в Жигалово, вода прибыла. Паузок шел безостановочно. Это лишало Кропоткина и Полякова возможности вести исследования. В деревне Жигаловой Кропоткин слез с паузка и поплыл в почтовой лодке до Усть-Кута. Там он задержался и, чтобы догнать паузок у Киренска, от Усть-Кута днем и ночью ехал где верхом, где в лодке. Время было дорого. Надо было до заморозков закончить всю экспедицию и добраться до Читы, что требовало не меньше трех месяцев.

27 мая Кропоткин пишет брату из Киренска: «От Качуга до Жигаловой плыли мы хорошо. Вода мелка, и останавливались часто; на паузке ничего, удобно. От Жигаловой я должен был поплыть вперед, чтобы успеть пробыть два дня в Усть-Куте (селение на Лене). Поехал на лодке, тоже недурно было, да приехал в Усть-Кут и расхворался поносом, потом, как сумасшедший, кончивши дело в Усть-Куте, должен был догонять наш паузок, еле догнал под Киренском сегодня поздно вечером...»

И неожиданно без всякой связи добавляет:

«...Геология, этнография решительно все время отнимают». У него времени хватает на все: в том же письме брату он сообщает, что кроме исследовательской работы он занимается еще литературным переводом, чтобы послать его в журнал для заработка.

«Еле догнал (паузок) к ночи; теперь все сидел, писал богдыхану (т. е. генерал-губернатору Восточной Сибири, М. С. Корсакову), а часа через два буду в Киренске, надо хоть часок поспать.

---

[1] Судоходной Лена становится только от селения Качуг.

Река эта богата рыбой. Промысловыми породами являются осетр, нельма, сельдь, таймень, максун и др.

Судоходство на Лене затрудняется краткостью периода навигации: в дельте она вскрывается в конце июня и замерзает в конце сентября; у Якутска навигация начинается в конце мая и заканчивается в начале октября. Главные пристани — Якутск, Киренск, Качуг. Из притоков Лены судоходство организовано на Витиме, главная пристань на нем Бодайбо, центр золотопромышленного района. Главные грузы — хлеб, соль, лес и строительные материалы.

Здесь страшная дороговизна, решительно жить нечем, да и платье плоховато. Одним словом, в деньгах крайняя нужда».

Опять сказывается, что и в этой экспедиции Кропоткин был с самого начала очень плохо обеспечен и вынужден что-то делать в пути для заработка. «Переводится очень медленно, исправил очень мало. Впрочем, главы две есть готовых, но сегодня упаковать не успею, уже рассвело совсем. На днях, впрочем, напишу и сдам где-нибудь ниже Киренска». Молодой путешественник с неистощимой энергией, с энтузиазмом ведет свои исследования, не спит, не отдыхает, в крайней денежной нужде, но без устали, даже несмотря на болезнь, со всей энергией и верой юности ведет свое дело и в то же время не забывает наслаждаться природой: «Как прекрасна эта вечно живая река со своими вечно катящимися вперед волнами... — пишет он. — Одна волна сменяет другую, при каждом новом взмахе весло опускается в новую струю воды, а между тем кажется, что река одна и та же».

Восхищение Кропоткина легко понять. Лена, мощная река, в пять раз превосходящая шириною Волгу, исключительно живописна. Ее пустынные берега дают впечатление полной нетронутости природы. Они дики и почти не заселены. Небольшие сибирские деревни расположены только на высоком берегу Лены, километрах в 30 друг от друга.

Высокий гористый берег местами обрывается крутыми скалами, поросшими лесом из лиственниц. Даже совершенно отвесные стены покрыты лиственницами, которые растут, как канделябры, уцепившись корнями за скалы. Там, где гористый берег падает пологими склонами, деревья сплошной массой покрывают их, образуя непроходимую тайгу. Там, где берега сложены из более рыхлых пород, они спускаются к воде голыми склонами. Во многих местах образовались песчаные и глинистые наносы, и по этой нижней речной террасе густо растут леса, а в более низких местах располагаются заливные луга. Песчаные наносы образуют на реке острова. Они зарастают тальником и делят течение на протоки.

Население на берегах Лены в среднем течении от Качуга до Жигалова и ниже состоит из русских поселенцев. Придя сюда, русские крестьяне освоили берега этой великой реки для хлебопашества, но климат здесь суров, нередко даже в начале июня бывают заморозки, от которых гибнут посевы.

Однако русские и на Лене заняты, как основным промыслом, сельским хозяйством — земледелием и скотоводством. Скота держат много на обширных поскотинах.

Большим подспорьем служит рыбная ловля. Лена обильна рыбой, ленские рыбаки ловят ее и для питания и для продажи. Вторым, тоже весьма доходным промыслом служит охота на пушных зверей: бьют белку, песца, лисицу.

Коренное население на берегах Лены — буряты и тунгусы. Ни те, ни другие земледелием не занимаются. Основа хозяйства у бурят — скотоводство, а в низовьях Лены главным образом оленевод-

ство. Тунгусы не имеют стад и живут охотничьим промыслом. Так было 70 лет назад, когда эти места исследовал Кропоткин.

От Качуга до Жигалова Кропоткин на паузке делал в сутки из-за всяких задержек 30—40 км — течение Лены, а то и поменьше. То команда баржи зазевается, и на мелководном плесе баржа сядет на мель, то ее прибьет к берегу. Приходилось сталкивать паузок шестами. Были случаи, когда садились на мель так прочно, что груз с баржи сгружали на берег и стаскивали баржу с мели всем народом, заводя бесконечную дубинушку.

Если бы Кропоткин плыл без дела, такое путешествие могло бы очень быстро надоесть. Но для него все случаи непредвиденных остановок были наруку. Тотчас же он и его друг Поляков соскакивали в лодку, плыли на берег и «обшаривали утесы», собирали голыши, геологическим молотком откалывали образцы горных пород и возвращались на паузок с богатой добычей.

Ни минуты не пропадало зря. Если не было геологической работы, Кропоткин занимался этнографией. У каждого селения паузок подчаливал, и начиналась торговля мукой, сахаром, чаем, крупой, всякой бакалеей, ситцем и другой мануфактурой, иголками, нитками и всякими мелочами.Кропоткин в это время занимался этнографией. Он тотчас же принимался за экономическое описание селений и за исследование быта. Его расспросы касались всего. Его глаз ничего не упускал.

Кропоткину было тогда всего 24 года, но он носил огромную, почти до пояса, окладистую русую бороду. Она, казалось бы, должна была внушать населению и матросам уважение и почтение к Кропоткину. Но, несмотря на такое «вооружение», стоящее самого хорошего театрального грима для роли научного работника, Кропоткин производил странное впечатление на окружающих. Он обнаруживал совершенно мальчишескую живость и подвижность. Он прыгал с баржи на берег или с баржи в лодку, как школьник, почти бегом носился по берегу, лазил по деревьям, карабкался по скалам и притаскивал на паузок целые мешки каких-то «ненужных предметов» — камней, древесных веток, трав, костей животных. От него не отставал его товарищ Поляков. Вечерами и ночами они приводили все это в порядок, укладывали, расклеивали надписи, сортировали, а с раннего утра опять начинали наблюдения и сборы коллекций. Молодые ученые трудились до изнеможения.

Отношения с командой у Кропоткина были самые дружеские. Во всех трудных местах он вместе с матросами принимался за работу, наваливался на весла, отталкивался на перекатах шестами, разгружал товар на берег, словом — физически работал не хуже их, и это вызывало любовь и уважение к нему.

Паузок то и дело проносился течением мимо скал и берегов, которые казались интересными и могли дать что-то новое. То, наоборот, паузок застревал в местах, где не было ничего интересного. Поэтому Кропоткин и Поляков решили сойти с паузка и взять лодку, чтобы плыть от Жигалова до Киренска. На этом плесе Лена уже широка и глубока, они не могли ожидать долгих остановок на перекатах и

отмелях, которые позволяли бы им, сойдя на берег, вести свои геологические, ботанические и зоологические наблюдения. На лодке же можно остановиться, где хочешь.

Почтовые лодки на Лене большие, приспособленные для перевозки пассажиров и клади. Они идут на веслах, а при попутном ветре ставятся паруса. Средняя часть защищена перекрытием, как кибитка, и под ним можно укрыться от непогоды и от солнца и выспаться.

Пересев на такую лодку, меняя в каждом поселке гребцов, Кропоткин и Поляков быстро поплыли вниз по Лене. Рулевого не брали. На корме сидел сам Кропоткин и правил веслом.

При таком плавании, без обычной на паузке суеты, можно было отдаваться и поэтическим настроениям, которые рождало плавание по этой реке, и углубляться в мысли, которыми была переполнена тогда голова исследователя. Этой части своего плавания Кропоткин посвятил в «Записках революционера» самые поэтические строки.

Пейзаж Лены, именно на этом плесе от Жигалова до Киренска, исключительно интересен и красив. Великая сибирская река прорезывает здесь горный хребет, ее берега скалисты, над ними встают причудливые пики — по местному названию «щеки», образуются пади и ущелья.

Кропоткин выяснил, что породы, из которых сложены здесь берега Лены, представляют песчаник, окрашенный солями железа в красные цвета, камни-рухляки и различные глины. Нередко попадались ледниковые отложения в виде валунов и остатков размытых ледниковых морен. И это радовало его, как новое доказательство его гипотезы о ледниковом периоде.

27 мая Кропоткин прибыл в Киренск. Плыть дальше на лодке у него нехватало денег. В письме из Киренска к брату он писал, что в деньгах крайняя нужда. Пришлось опять пересесть на паузок, на котором он спустился до впадения в Лену реки Витим — к селу Витимскому.

Здесь Кропоткин впервые познакомился с неприглядной картиной быта и нравами золотоискателей, их хозяев и всех, кто стремился нажиться на «приисках». Село Витимское было тогда очень невелико, но в нем почти в каждом доме был кабак. Все население жило спаиванием промысловых рабочих. Возвращаясь с золотых приисков, рабочие попадали в витимские кабаки и пропивали все, что имели. В Витимском осели всевозможные пауки, содержатели притонов, где золотоискатели оставляли весь свой заработок.

Картина была жуткая, и Кропоткин долго не мог от нее опомниться. Из Витимского он буквально бежал на следующий же день и 30 мая перебрался в село Крестовское на правом берегу реки, в 50 км ниже устья Витима, откуда шла тропа на Ленские золотые прииски. В Крестовском находилась «резиденция»: жила администрация и была контора приисков, и общая картина нравов и быта раскрылась здесь перед Кропоткиным еще глубже, чем в Витимском.

Кропоткин и Поляков совершили здесь экскурсию вокруг Крестовской. Кроме того, приходилось упаковывать вещи, чтобы с паузка перегрузиться на вьючный караван.

Вот что пишет Кропоткин брату 4 июня 1866 года из Крестовской резиденции:

«Ну-с, господа, добрались мы до Крестовской, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь уже 4 дня, а я почти не выхожу из дому, раз только ходил до ближайших обнажений, — все сидел и писал. Настрочил листах на трех письмо в Отделение, исправил остатки Педжа и написал на 6 листах письмо для «Биржевых ведомостей...»

Неутомимый работник, Кропоткин, готовясь к путешествию верхом на прииски, уже составляет первоначальный отчет о своем плавании в Отделение Географического общества. Одновременно исправляет свой перевод книги Педжа и в то же время пишет корреспонденцию в одну из столичных газет.

Но и в кипучей повседневной работе он глубоко страдает от того, что у него нет достаточных теоретических знаний, что он при всей глубине и остроте мысли все-таки еще географ-самоучка. А тут еще непрестанная крайняя нужда в деньгах, мешающая исследовательской работе.

«На умственном труде далеко не уедешь, — пишет он, — а на физический, кажется, и подавно плоха надежда. Выход, по-моему, для всех нас один — умственный труд. А чтобы быть сильным конкурентом, надо учиться, учиться и учиться, легче будет бороться».

Плавание по Лене заняло 24 дня — с 10 мая, когда Кропоткин с товарищами приехал в с. Качуг, до 5 июня — до выезда из Крестовской верхом на лошадях на Патомское нагорье.

Через Патомское нагорье

В Крестовской сели на лошадей и 5 июня отправились по вьючной тропе на Тихонозадонский прииск. Эта таежная «дорога» была едва намечена. Экспедиция прошла ее в течение 8 суток, хотя расстояние было и не велико, всего около 275 км. Приходилось делать всего 30—35 км в день.

С научной точки зрения этот отрезок пути представлял огромный интерес. Как установил Кропоткин, область, которую они прошли по золотоискательной тропе, представляет весьма высокое нагорье.

«Глухая молчаливая тайга, — пишет Кропоткин, — альпийская горная страна с ее северным колоритом, с ее бешено ревущими пенистыми реками, блестящими гольцами, глухими темными падями и ослепительными наледями, мало-помалу проносилась перед глазами. Рано утром уже звонко раздавались в тайге десятки крупных и мелких колокольчиков, которыми обвешана каждая крупная коренастая бойкая якутская лошаденка, оседланная рослым плечистым молодцеватым конюхом. К 10—11 часам мы добирались до одинокого зимовья, с его одиноким сторожем, и через несколько часов снова шли дальше, чтобы к вечеру добраться до следующего такого же одинокого зимовья. К вечеру 12 июня мы уже прошли 250 верст и были на Тихонозадонском приске. Через месяц по выезде из Иркутска мы добрались таким образом до исходной точки предстоящего путешествия...»

Как ни скор был таежный переезд, но он был весьма поучителен. «Поднявшись с Ленской плоской возвышенности, изрезанной глубокими долинами Лены и ее притоков, до хребтов, опоясывающих плоскую возвышенность с юго-востока, мы пересекли здесь первый, крайний член обширной горной страны, разостлавшейся на 350 верст в ширину, вдоль всей северо-западной окраины высокого Витимского плоскогорья».

Подчиняясь узко деловому практическому заданию, данному золотопромышленниками, на средства которых была снаряжена экспедиция, П. А. Кропоткин прошел это нагорье в течение 8 суток, но эти 8 дней составили целую эпоху в жизни этого замечательного географа и путешественника.

Горная область, которую Кропоткин пересек от устья Витима или, точнее, от Крестовского до Тихонозадонского прииска, была названа им Патомским нагорьем. Кропоткин впервые исследовал эту горную страну, которая в географическом отношении оказалась исключительно интересной для его теорий.

Патомское нагорье представляет горную область, поднятую в среднем на высоту больше 1000 м. Отдельные вершины на ней поднимаются до 1500 м. Таежным жителям была давно известна одна из самых высоких здешних вершин, которую они называли «Наполеоновской шляпой» по ее очень характерной форме. Эта вершина носит название Топторо. Кропоткин считал ее самой высокой на Патомском нагорье. Она поднимается над берегом реки Кевакты и главенствует над окружающими гольцами. Поднявшись на нее, Кропоткин определил ее высоту — свыше 1500 м. Впоследствии академик В. А. Обручев открыл на Патомском нагорье более высокую вершину — голец Короленко — высотой в 1650 м [1].

Поднимаясь на вершины гольцов Патомского нагорья и измеряя их, Кропоткин видел перед собой целые ряды таких же горных вершин, которые уходили далеко к югу, точно волны бушевавшего когда-то и застывшего каменного моря. Между гольцами были глубокие и узкие долины — пади. Они темнели густым лесом. На дне падей текли быстрые и бурные нагорные речки.

Патомское нагорье размыто в разных направлениях ручьями, речками и большими реками, которые разработали себе глубокие долины, а между ними остались округлые вершины гольцов. Вследствие сурового климата на гольцах не только не растет лес, но нет никакой растительности. На их склонах не держится снег, и они стоят обнаженными и летом и зимой. Все же долины и пади заносятся очень глубокими снегами. Снега падают лавинами на дно падей и скопляются там. Ручьи и речки промерзают до дна, и в падях крупных рек образуются мощные наледи, многие из которых не успевают растаять даже к концу лета.

В июле, когда шла экспедиция Кропоткина, в глубоких и узких падях они встречали наледи до 6 и более метров толщиною. Так как приходилось итти вдоль падей и долин, то эти наледи доставляли

[1] Известная теперь вершина Лонгдор имеет высоту 1956 м.

большие затруднения. Лошади скользили и вместе с тяжелыми вьюками нередко падали на льду, ранили себе ноги. Их приходилось поднимать с огромным трудом. Движение по наледям было так трудно и местами рискованно, что Кропоткин предпочитал вести караван вместо льда по самой реке, жестоко страдая от холодной воды.

Самая большая из рек этого нагорья, пересеченного экспедицией Кропоткина, носит название Большой Патом. По ней Кропоткин и назвал исследованную им область Патомским нагорьем.

Нагорье, расстилавшееся перед его глазами, представляло высокогорную страну, сложенную из известковых пород. Сколько ни

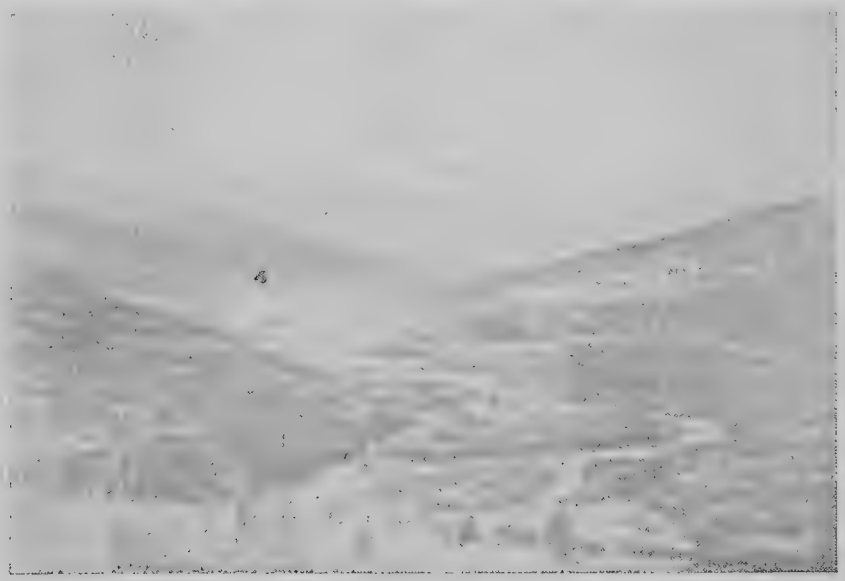


Рис. 12. Патомское нагорье

искал, он не находил на них никаких следов моря, которое образовалось бы здесь, после того как эти известняки были подняты грандиозными горообразовательными процессами. Между тем буквально на каждом шагу Кропоткин натыкался на множество валунов и других ледниковых отложений. И молодой географ-исследователь спрашивал себя, каким образом в этой горной стране на высоте более 1000 м могли оказаться эти валуны, а еще выше бесчисленные глубокие борозды, проделанные в склонах падей. И на этот вопрос твердо и решительно отвечал себе: конечно, здесь были мощные ледники, оставившие эти валуны при движении льдов вниз по склонам долин и падей и проделавшие эти борозды на склонах камнями, вмерзшими в дно и бока ледников.

Кропоткин видел «этот материал» в таком количестве во всех падях и на всех склонах гольцов Патомского нагорья, что его гипо-

теза о существовании огромного ледяного покрова в геологическую эпоху, предшествовавшую нашей, стала для него несомненной.

Кропоткин убедился, что грандиозный и мощный ледник покрывал всю область Патомского нагорья. Предположительно он решил, что такие же мощные покровы льда были и в соседних областях Азии и, вероятно, Европы. Было несомненно также, что после образования Патомского нагорья на нем не было моря: нельзя было найти ни малейших следов морских отложений. Между тем в то время, в 60-х годах прошлого века, в геологической науке господствовала теория английского геолога Лейеля о том, что бесчисленные валуны, наблюдающиеся на севере России, в Финляндии, Швеции, на севере Германии и на островах Англии, были разнесены со Скандинавских гор льдинами, которые отламывались от ледников, плавали и таяли в море, покрывавшем эти пространства. Их так и называли тогда эрратическими, т. е. странствующими, валунами. Еще в корпусе молодой Кропоткин сомневался в правильности этой теории. Уже наблюдения во время путешествий по Саянскому и Тункинскому хребтам, где Кропоткин встречал многочисленные валуны и ледниковые отложения, заставили его гипотетически заключить, что эти валуны принесены на их теперешние места не водами, а ледниками, что ледники когда-то покрывали огромные пространства на материках северного полушария и распространялись по равнинам России до пределов Воронежской области и северной Украины, а в Азии покрывали равнины Западной Сибири, горные хребты Забайкалья и Восточную Сибирь.

Эта идея Кропоткина о ледниковом периоде тогда была революционной в геологической науке.

Вторая идея, которая волновала ум Кропоткина на Патомском нагорье, это расположение и направление хребтов Восточной Азии. Он неутомимо, как и во всех других своих экспедициях, измерял высоты. Как известно, он определил барометрически высоту больше 700 точек, взбираясь для этого на гольцы, делая перевалы.

И вот на Патомском нагорье ему стало ясно, что Сибирь вовсе не низменная равнина, как ее тогда представляли, а что она в восточной части состоит из большого количества горных хребтов, представляющих окраины больших плоскогорий. У него сложились основные идеи расположения горных цепей Восточной Азии.

Но все это доставалось ему не легко, рождалось в муках сомнений и было результатом упорного труда.

Положение рабочих золотых приисков

Везде и всегда внимание Кропоткина привлекали люди. На Тихонозадонском прииске его поразило положение рабочих. Он тщательно изучил его, беседовал с рабочими, волновался, думал о том, что можно было бы для них сделать. Он наивно предполагал тогда, что рабочий вопрос можно разрешить посредством организации промысловых рабочих артелей.

Очень характерны в этом отношении его письма к брату от 17 и от 27 июня 1866 г.

«Тихопозадонский прииск, 17 июня 1866 г.

«Пишу теперь вам, господа, с приисков, из самого центра маслопузского владычества. Вот где вдоволь можно каждый день насмотреться на порабощение рабочего капиталом, на проявление великого закона уменьшения вознаграждения с увеличением работы.

Управляющий работает часа 3 в день, ест прекрасную пищу от хозяев, рабочий в разрезе стоит в дождь, холод и жар с 4 часов утра

Рис. 13. Тихопозадонский прииск в 90-х годах

до 11 и с часа до восьми, итого, следовательно, 14 часов в день, на самой тяжелой мускульной работе кайлом, лопатой и ломом, получая гроши. Воскресений нет, одежда и пр. вычитается из жалования, а стоимость огромная. Первый получает в год тысячи, второй — сотню с небольшим. Другие стоят наготове, чтобы выманить деньги по выходе рабочего с прииска, спаивают его, выставляют женщин, которые у пьяного ночью все вытащат, и т. д. и т. д. И ругают еще этого рабочего. Нашего брата запри на 3—4 месяца в такую работу, лиши всего, давай только необходимое время, чтобы выспаться, не давай ни одного дня отдыха, лиши возможности напиться, забыться, что бы мы надурили? А тут все валят на испорченность рабочих.

А нужно видеть работы. Поляков видел рабочего в шурфе, на $^1/_4$ в воде неподвижно стоящего, в то время как другие отливали воду; не сразу понял, что это человек, — и это хоть летом, но на

высоте 3000 футов, под широтой 59° в Азии; следовательно, можешь себе представить, как холодно бывает к вечеру. Сегодня множество сиплых рабочих после 3—4-дневных дождей... И если не выработает урок — сейчас вычет: 3 человека должны вырубить кайлом и ломом и накласть 62 тележки, а 4-й увезти их. Якуты, как более слабое племя, не в состоянии этого сделать...

Занятия исключительно геологией; вернувшись, возьмусь за этнографию. Мы проживем здесь еще до 1 июля, а потом — в путь».

«Нахлебник маслопузов»

«Тихонозадонский прииск, 27 июня 1866 г.

Пишу вам мое последнее письмо из жилых мест, через 2 дня отправляемся в экспедицию, наняли вожаков до реки Муи [1], а там посмотрим, может быть пройдем в Читу, может быть доведется тащиться в Баргузин[2]. Последнее время я провел, большею частью, дома, писал для Сибирского отдела, между прочим опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространялись на Азию, которая в тот период не могла быть под водою, судя по некоторым данным? Через час пришлось итти с молотком разбивать каменья. Еще когда ум работает, возникают вопросы, ладно, — а простое описание (при всем сознании пользы такого описания) заставляет порядком зевать. Впрочем, экспедиция тем отчасти хороша, что не дает времени задумываться о своем положении. Только что остановились — снова куча работы: повесь барометр, термометр, а тут еще и есть хочется, потом надо разбирать собранные породы, вписать их в каталог, наклеить ярлычки и прочая механическая работа, а затем дневник надо писать, а тут ко сну клонит, не выспался в течение 5 час. И так весь день... на механическую работу сколько времени уйдет, — необходимо держать все в порядке, а то через 10 дней такая каша будет, что ничего не разберешь. Поэтому я усердный проповедник порядка в дороге, не то Поляков, — сравнить со мной в беспорядочности нельзя, — у него вечно «Мамай воевал».

И так иногда несколько дней подряд, не успеваешь опомниться. Не знаю, полезна ли такая жизнь, но я по нескольку раз в день иногда повторяю себе: «в Питер непременно, будь, что будет». Весело ли хоть теперь быть нахлебником у этих маслопузов, жить на их краденом хлебе? Конечно, езди я хоть от Сибирского отдела — ведь такие же были бы деньги, все же хоть легче было бы, но утешаешь себя тем, что без помощи капитала наука не могла бы двигаться вперед; какая наука могла бы существовать на деньги исключительно трудовые теперь, при теперешнем распределении богатств? А без науки и пролетарию никогда не выбиться, но лучше сознавать себя таким же пролетарием, хотя и с умственным капиталом, которого

[1] Муя — приток р. Витим, берет начало в области Муйского хребта, открытого П. А. Кропоткиным.

[2] Баргузин — город на р. Баргузин, текущей в оз. Байкал с востока.

он не имеет, лучше искать такой работы, от которой польза была бы прямее, — искать, потому что, кто может поручиться, что его работа будет именно такою...

...Только та деятельность, которая направлена либо на прямой подрыв капитала, либо на расширение способов к его подрыву и

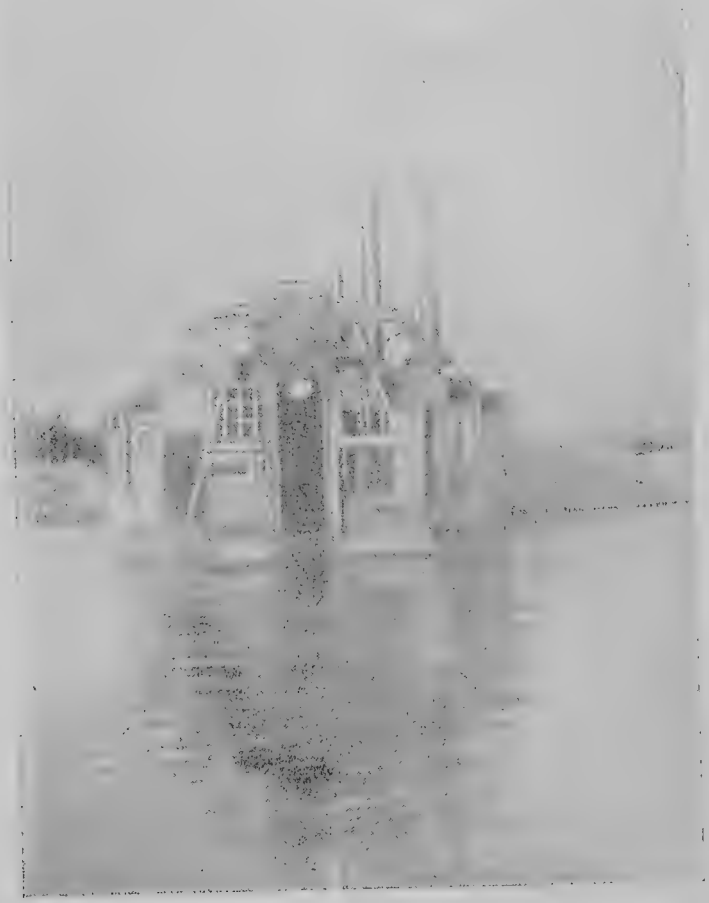


Рис. 14. Машина для промывки золота на советских приисках

увеличению жаждущих этого подрыва, — только эта деятельность и должна бы, по-моему, быть полезною, следовательно и нравственною в настоящее время, когда этот вопрос на очереди».

Маршрут Олекминско-Витимской экспедиции Кропоткина был начат из центра «маслопузского владычества», как он называл тогда Ленские золотые прииски, и данное им описание положения рабочих

на приисках представляет сейчас большую историческую ценность. Необходимо вспомнить, что до Великой Октябрьской социалистической революции здесь, на р. Лене, за 2000 км от железной дороги, находились известные золотые прииски «Ленского золотопромышленного товарищества», во главе которого стоял известный золотопромышленный магнат — «маслопуз» Белозеров, а акционерами были хищные акулы из самой высокой знати, среди которой были даже императрица Александра Федоровна, граф Витте, барон Гинзбург, английские капиталисты и другие. Эксплоатация рабочих была не меньше, чем во времена Кропоткина. В таких же условиях работали по 15—18 часов в сутки. На приисках эксплоатировался труд подростков и женщин. Хлеб, мука, мясо и вся другая провизия доставлялась на прииски в плохом, несвежем виде. Заработную плату выдавали талонами, и она расходилась у рабочего за долги. Жили в жутких условиях — в казармах, где мокрые сапоги примерзали к полу.

Но Ленские прииски были известны не только страшным гнетом, эксплоатацией, насилием и произволом. Они вошли в историю революции как очень далекий район активной борьбы рабочего класса России за свое освобождение.

Широко известен ленский расстрел 4 апреля (ст. стиля) 1912 г., когда около 3 тыс. рабочих, шедших для подачи жалобы прокурору, были встречены залпами, в результате — 270 человек убито, а 250 ранено.

Ленские события вызвали тогда взрыв протеста среди рабочих всей России и волну стачечного движения. Не было фабрики и завода, где бы рабочие не протестовали против расправы с рабочими на Лене.

В газете «Звезда» № 32 от 19 апреля старого стиля 1912 г. товарищ Сталин поместил тогда статью под заголовком «Тронулась», в которой писал:

«Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась...

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций».

Ленские события остались до наших дней в памяти, как момент революционного подъема русского пролетариата и как один из образцов дикой расправы капиталистов и царской администрации с рабочими.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции на Ленских приисках все изменилось, давно изгнаны акционеры. Прииски обратились в советские рабочие поселки и города. Самый известный из них прииск Бодайбо за советское время вырос в большой город. В новых приисковых поселках улицы ярко освещаются электричеством, по ним ходят автобусы, построены большие хорошие школы, кино, всюду в домах радио.

Рабочие Ленских приисков ездят лечиться и отдыхать на курорты Крыма и Кавказа. В приисковых домах отдыха в течение года отдыхают тысячи человек.

Через тайгу и гольцы

Экспедиция снаряжалась не казной, а промышленниками, которые оказались более щедрыми, и Кропоткину был предоставлен полный простор заготовлять все, что он хотел, в полную противоположность его казенным командировкам. Доверенный Ленского товарищества Мельников и купец Чистохин сами выбирали в приисковых магазинах все необходимое. Лошадей тоже подбирали поодиночке, не только из тех, что были закуплены, но и из лучших рабочих лошадей на прииске. Особенно тщательно был сделан подбор конюхов.

«Каждый конюх взял для себя своего любимца — коня из своих старых знакомых».

Это было очень важно, так как лошадям в пути пришлось очень трудно, и хороший подбор животных обеспечил самую возможность дойти до Читы.

Кропоткин, руководя сборами, в то же время изучал наносы р. Нейгри.

На Тихонозадонском прииске Кропоткин провел 19 дней и вместе с Поляковым совершил поездку за 40 верст на Вознесенский прииск и соседние с ним.

Наконец, 20 июня на Тихонозадонский прииск прибыли лошади, закупленные золотопромышленниками.

К началу июля все было готово к походу. «Наше снаряжение, — пишет Кропоткин, — было не только широкое, но даже богатое. С нами не было взято, правда, абсолютно никакого лишнего предмета роскоши: во многих отношениях мы даже стеснили себя до последней крайности. Но зато ржаных сухарей, спирта и подков у нас было вдоволь. Сухарей было столько, что их хватило бы на три, в случае нужды — на три с половиной месяца: несмотря на все подмочки (вьючные сумы были немного маловаты), мы могли впоследствии, когда случилась нужда, не только полакомить, но даже подкормить хлебом наших 50 вьючных лошадей. Двускатные монгольские палатки оказались просторными и великолепными. Бывало, снизу насквозь промочит подстилку из лиственных или кедровых ветвей и втрое сложенный войлок, а сверху едва-едва «бусит». Пороху и свинцу имелось достаточно, чтобы расположить в свою пользу целый десяток тунгусских семей. Но все, что хоть сколько-нибудь напоминало собой предмет роскоши, как сахар, крупа, масло, одежда и отчасти даже вяленое мясо, было ограничено до самых скромных пределов...»

Основное снаряжение Кропоткина представляли ржаные сухари. Он взял их 1300 кг, к ним добавил 250 сушеного мяса и очень скромный запас масла и круп. И все-таки багажа набралось 2500 кг, или $2^1/_2$ тонны.

Пока производились сборы на Тихонозадонском прииске, Кропоткин не терял времени. В разрезах этого прииска и в глубоких выемках

соседнего он изучил золотоносный ледниковый нанос и искал доказательств распространения здесь ледников. Они оказались в долинах, лежащих теперь на высоте до 2200 футов. Здесь было много валунов и борозд, оставленных древними льдами.

Поляков собрал полные данные о таежном птичьем мире. За целый месяц были собраны метеорологические наблюдения, которые потом помогли сделать ценные выводы.

Наконец, долгие сборы были закончены. Окрестные места изучены, найдена восхитившая Кропоткина карта, сделанная на бересте тунгусом-охотником, которого он взял вожаком каравана.

2 июля 1866 г. экспедиция Кропоткина тронулась с Тихонозадонского приска через тайгу и растянулась длинным караваном.

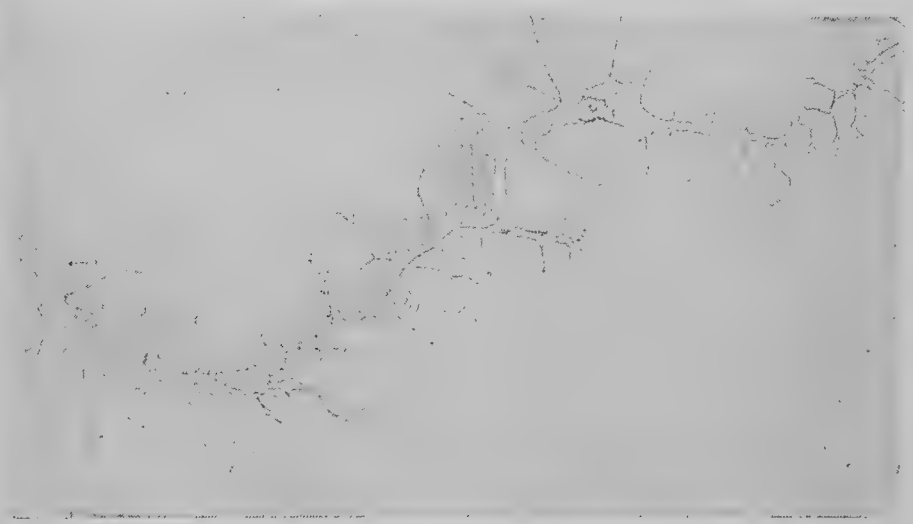


Рис. 15. Карта, вырезанная охотником-тунгусом на бересте

По английской поговорке, выступать в путешествие всегда следует в дождь, потому что он может прекратиться. Когда Кропоткин выступил, дождь лил нещадно, но он торопился перебраться через р. Вачу, воспользовавшись временной убылью ее вод.

Караван состоял из 12 человек, тринадцатый — второй вожак-тунгус — должен был присоединиться к каравану на р. Вирме. Снаряжение экспедиции было распределено на 68 вьюков и погружено на 34 лошадях, около 4 пудов на каждую. Шесть лошадей шли порожняком, 12 — под седлом.

Все трудности похода выяснились при самом выступлении. «Непривычные лошади, — пишет Кропоткин в отчете, — старались сбросить свои довольно громоздкие вьюки, путались, забегали за деревья, сваливали вьюки. Конюхи на бодрых лошаденках, обвешенных 10—15 колокольчиками, начиная от большого почтового и кончая игрушечным, кричали, ругались и выходили из себя, чтобы заставить

своих 5—6 лошадей, привязанных одна к другой, вытягиваться приблизительно в одну линию. Глядя на эту живую змеевидную полосу, растянувшуюся, по меньшей мере, на полверсты, можно было предвидеть, что трудов будет предстоять много на нашем 1000-верстном неведомом пути, но что мы выходим с такими залогами успеха экспедиции, что, наверное, уже не воротимся в Олекминскую тайгу из-за истощения провианта».

Маршрут экспедиции сложился таким образом. Примерно в 15 км от Тихонозадонского прииска экспедиция пересекла довольно высокий скалистый хребет. Кропоткин назвал его Ленско-Витимским водоразделом. Спустившись с него, они вошли в область правых притоков Витима. По ним они спустились к этой реке и 10—11 июля переправились через нее. Здесь к экспедиции присоединился второй вожак-тунгус.

Рис. 16. Маршрут Олекминско-Витимской экспедиции

Сразу же по выходе с Тихонозадонского прииска попали на «тунгусскую тропу». Эта «тропа» повела караван вдоль пади вниз по р. Нейгри.

Дальше она вывела на берег р. Малый Чепко. Здесь росли только лиственница и ягель. Караван шел, утопая в нем по колено, вдоль реки, по ее прямой пади. Очень скоро пропала и «тунгусская тропа», и Кропоткин и его спутники были предоставлены самим себе и компасу, да еще чутью вожаков-тунгусов и якутских лошадей. Караван пошел прямо по тайге. А тайга была крайне глуха. Местами деревья росли так часто, что сквозь них нельзя пройти иначе, как прорубая дорогу топором. Это было трудно, утомительно и очень замедляло движение. Кропоткину стало ясно, что пробиться таким образом через тайгу на протяжении нескольких сот километров почти невозможно. И каждый раз, когда экспедиция попадала в такие заросли, он сворачивал по склону пади, с тем чтобы выйти к вершинам гор на гольцы, и вел караван по местам, где не было ни лиственниц, ни кустарника. Но и здесь движение было не легко. Нередко попадались каменные осыпи, на которых из-под копыт лошадей сыпались

камни, а иной раз вся осыпь вдруг начинала двигаться, и был риск быть погребенным каменной лавиной. Другая беда в движении по гольцам — это моховые болота и топи. На каменных россыпях лошади ранили себе ноги, а были случаи, что и ломали их, и тогда лошадей приходилось пристреливать. В болотах и трясинах они выбивались из сил, падали. Но все-таки на гольцах было лучше, чем в тайге.

На помощь приходила выносливость и приспособленность к тайге якутской лошади.

Совершая свои трудные путешествия в горах Сибири, в тайге, в степях и горах Манчжурии и Дальнего Востока, Кропоткин высоко ценил качества якутской лошади и очень любил ее. Он считал, что она не заменима в путешествиях по тайге. Ему казалось, что там, где нет дорог и никаких троп, где нельзя иметь проводников, можно найти путь только при помощи якутской лошади. Часто единственным способом выбраться из трудного положения было предоставить выбирать направление лошадям. Перед глазами ничего, кроме тайги. По компасу можно определить только общее направление движения. Деревья так часты, что, кажется, нет никакой возможности пробраться среди этой гущи леса. Между тем якутская лошадь своим острым глазом пронизывает эту чащу и точно определяет, где деревья стоят реже, и уверенно идет и проходит между ними. Бывали случаи, когда лошади, забравшись в чащу, упирались и застревали, казалось, в непроходимых дебрях. Тогда они начинали пятиться назад, вылезали в более свободные места и уверенно шли дальше. В конце пути, в тех случаях, когда где-нибудь, даже вдалеке, находилось человеческое жилье, о котором никто не знал, лошади своим чутьем отыскивали к нему путь.

На вид якутская лошадь неказиста, у нее голова маленькая сравнительно с животом, который всегда выпячен, так как она питается только подножным кормом или сеном и совсем не знает овса и других сильных кормов. Ее неприхотливость к еде поразительна. Она может есть, когда нет травы, побеги ивы, осоку и болотный хвощ. Ее выносливость совершенно исключительна. Сильные морозы, непрерывные дожди, болота в лесах, где жалит ее бесчисленное количество насекомых, — все она преодолевает с замечательным терпением и выдержкой. Про верблюда раньше говорили, что это корабль пустыни. Местная лошадь — это корабль Якутии, страны, в которой до советской власти не было дорог, страны гор, болот, тундры и тайги, которые могла проходить только якутская лошадь. Она не годна для перевозки тяжестей, но небольшой вьюк или человека в седле она может тащить неутомимо на огромное расстояние при самом незавидном корме и во всякую погоду.

Кропоткин привязывался к лошадям, которыми пользовался в своих экспедициях, всегда заботился и сам ухаживал за ними. В дневниках и письмах он восхваляет якутскую лошадь, как ничем не заменимую в путешествии по тайге и горам.

Чтобы попасть на Витим, надо было пересечь несколько падей и подняться несколько раз с гольца на голец. И не известно, где при-

ходилось труднее лошадям, — в падях или на гольцах. При спусках с гольцов в узкую глубокую падь нужно было поддерживать лошадей, так как они то и дело падали или застревали в густой тайге. При подъемах приходилось еще труднее. Лошади карабкались, как кошки, сгибаясь и горбясь, держа голову у земли, цепляясь животами за камни, выбиваясь из сил, задыхались, с израненными ногами.

А это были только первые дни путешествия. Впереди еще были бесчисленные гряды новых гольцов, нескончаемые каменные пади, тайга и болота... Когда выбирались на вершины гольцов, можно было вздохнуть свободнее. Люди оглядывались вокруг и видели со всех сторон каменную и таежную пустыню. Кропоткин страстно любил природу; несмотря на всю суровость этой страны, несмотря на все трудности путешествия, у него вырвалось все-таки восторженное описание:

«Безлесные скалистые вершины, покрытые желтыми пятнами ягелей и ослепительно белыми снеговыми полями, перемежаются с глубокими падями, сплошь заросшими хвойными лесами. Лесная чаща местами совершенно непроходима. Бурелом и валежник на каждом шагу преграждают путь. В такой тайге не водятся даже животные и птицы. И только на самом дне пади журчит таежная речка, нарушая своим журчанием таежную тишину... На вершинах гольцов Ленско-Витимского водораздела, имея перед глазами панораму диких серых голых скал, путник чувствует, как его поглощает неодушевленная природа — мир безмолвных, диких и однообразных скал. Не только голос случайно залетевшей сюда птицы, но даже и слабый звук выстрела звучит чем-то чужим среди этого безмолвного царства каменных масс. Самая буря не в силах поднять здесь шум, и безмолвный ветер давит, теснит своим напором, беззвучно леденит кровь в жилах случайно забредшего сюда человека... Напрасно пытались немногие смелые кедры внести иную жизнь в это мертвое царство; напрасно изгибались их медленно нараставшие крепкие стебли, ползком забираясь на каменные кручи: они вымерли вместе с одинокими и заболевшими лиственницами... В этом море каменных скал прижились только самые неприхотливые растения, которые ютятся среди каменных осколков и лишь изредка пользуются щедротами скупого и неласкового солнца...»

Созерцая широкие панорамы, Кропоткин воссоздавал в своем воображении еще более грандиозные картины прошлого Земли.

Он ясно сознавал, что его путешествия, его исследования — это часть общей грандиозной и непрестанной борьбы человечества за овладение природой, за проникновение во все ее тайны, за познание всех ее сил.

На гольцах ночевать нельзя. Здесь слишком холодно по ночам. Даже в летний июльский день иногда выпадает снег. Да и путь все время идет переходами с гольцов в пади, из падей на гольцы. И Кропоткин рассчитывал так, чтобы к вечеру караван непременно оказался в глубине пади у ручья или реки, где можно развести костер, вскипятить чай. Но спуски для лошадей с вьюками были еще труднее, чем подъемы вверх. В тайге туча оводов, комаров и мошек и других жаля-

Рис. 17. Спуск с гольцов

щих насекомых, которых здесь больше десятка видов; они неотступно следуют за караваном, стоят столбами над головами людей, над лошадьми. На остановках они осыпают животных таким густым слоем, что нельзя разглядеть масти лошадей. У людей лицо, руки, шея — все покрывается «гнусом», как сибиряки зовут всех жалящих насекомых. Беда остановиться хоть на минуту. Так и облепят всего. Особенно много гнуса ночью.

Едва караван спускался к вечеру к реке, как тотчас же отдавалась команда: «Готовь костер». Все бросались собирать валежник, сушняк, чтобы дымом отогнать надоедливого гнуса. Сухие деревья ставили в форме шалашей и разжигали из них костер с ярким, большим пламенем, поднимавшимся выше верхушек лиственниц. Легкий ветерок, тянувший вдоль пади, расстилал понизу дым, и в его струях было спасение от комаров и мошек. Лошади становились головами к костру и начинали отдыхать и кормиться хвощами и папоротником. Сначала люди хлопотали у лошадей, у костра, потом наступал блаженный момент отдыха. В большом ведре вскипел чай. В котле сварен кулеш из крупы и сушеного мяса.

И как бы трудно ни приходилось днем в пути, отдохнув и согревшись у костра, просушив одежду и обувь, промокшую при переходах через речки или под дождем, поев, все начинали шутить. Молодость брала свое, нередко затягивали песню, начинались бесконечные воспоминания и рассказы, и пропадали усталость и сон. Но на завтра с утра нужно было снова выступать в поход, и Кропоткин строго следил за тем, чтобы все, не теряя времени, расходились по палаткам и спали. Всем надо было восстановить силы, необходимые для трудного пути, в котором всех труднее все-таки приходилось ему самому. Достаточно вспомнить, как описывает он свое положение начальника экспедиции в приведенном выше письме к брату.

Кропоткин подолгу не засыпал. И в эти ночные часы всегда деятельная, творческая, пытливая мысль не оставляла его. Новые горные породы, образцы которых собраны в пути, новые наблюдения над направлением горных хребтов, прошедших перед его глазами за день, новые ледниковые отложения и новые следы работы ледников, открытые в пути, — все это записывалось в дневник, обдумывалось, укладывалось в строгую систему, и в его воображении все яснее и полнее возникали широкие картины прошлого и настоящего нашей планеты.

Наступало утро. Солнце еще не успевало подняться над высокими склонами пади, где ночевал караван, как уже снова кипела жизнь. Опять разводили едва тлевший к утру костер, плотно заправлялись кашей на весь день, кипятили чай. Наконец, выючили лошадей и выступали, чтобы по склону пади, где ночевали, взобраться на гольцы, итти по ним, а потом снова спуститься в новую падь, а за ней опять лезть на гольцы и снова спускаться с них.

Не так трудно было двигаться, пока стояли хорошие дни. Но в Восточной Сибири ясная погода в горах долго не держится. Нередко дуют шквалистые ветры, приносят грозовые облака, которые проливаются ливнями или, еще хуже, собираются плотными серыми тучами,

облегают, как ватой, гольцы и пади и сыплют, как из сита, непрерывным мелким дождем, который не прекращается ни днем, ни ночью.

Первая половина пути до Витима прошла при сравнительно хорошей погоде. Дожди бывали, но недолгие, небо нередко прояснялось. Но вот свинцовые тучи закрыли все небо. Полил долгий, непрерывный дождь. Тяжело и неприятно под дождем, но это еще полбеды. Главная беда в том, что в такие дожди в горных реках начинаются паводки. Ручьи и речки, которые раньше, почти не замечая, можно было переходить по щиколотку или по колено, начинали вздуваться, и каждая

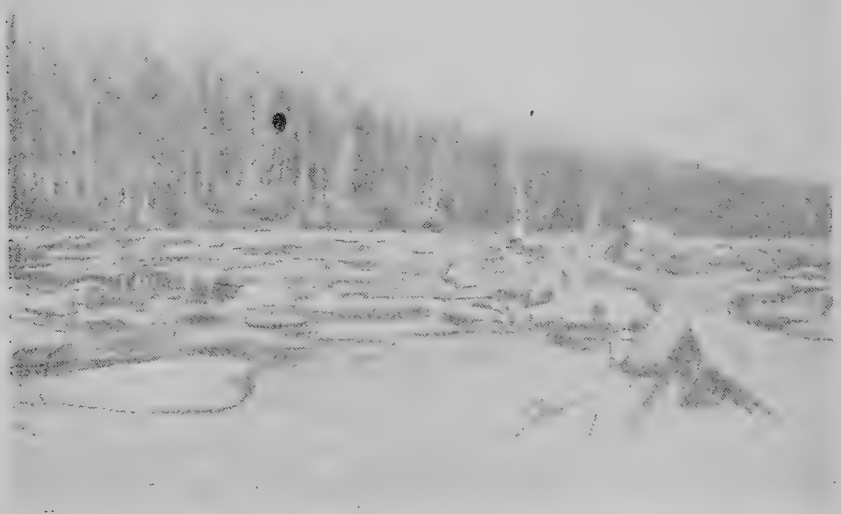


Рис. 18. Таежная река

переправа грозила опасностью. Было трудно найти брод. Лошади погружались по брюхо или даже сбивались с ног быстро несущимся потоком. Камни на дне потока под ногами лошадей двигались как живые. Вода перекатывала огромные валуны, громыхая ими по дну.

Еще хуже и опаснее было, когда разбушевавшийся поток прорывал на своем пути какую-нибудь преграду и несся высоким валом. Попасть в такой паводок значило погибнуть.

Дождь лил несколько дней подряд. Но Кропоткин не останавливал своего каравана, так как долгие остановки могли истощить запасы продовольствия. Нельзя было останавливаться и потому, что у людей могла ослабеть воля, а первой задачей экспедиции было во что бы то ни стало пройти намеченный путь, добраться до Читы.

В один из таких дождливых дней караван Кропоткина, спустившись на дно пади, заночевал на берегу небольшой таежной речушки,

где была большая удобная песчаная отмель. Она привлекла к себе путников, но Кропоткин предусмотрительно приказал поставить палатки под яром, на береговом откосе, где было хоть не совсем удобно, но зато метра на два выше отмели, и менее опасно.

Вдруг почти в полночь раздались страшные крики. Река гудела. С бешеным ревом неслись по дну пади ее воды. Плыли вырванные с корнем огромные лиственницы, кусты, масса бурелома и сушняка. Со склонов с гулом валились каменные осыпи. Горная катастрофа все росла; казалось, наступил полный хаос. Спутники Кропоткина в панике отчаянно кричали. Когда он, проснувшись, выскочил из своей палатки, то сразу попал в полной тьме по колени в воду. Проводники-тунгусы и конюхи-казаки растерянно метались, ничего не предпринимая. На счастье, палатки, предусмотрительно поставленные Кропоткиным на косогоре над отмелью, были еще выше воды. Но глазу его было ясно, что они устоят здесь недолго, а гибель палаток и провианта могла грозить гибелью и людям. Мгновенно Кропоткин мобилизовал весь караван, чтобы перетаскивать провиант и палатки наверх, на вершину яра. Это было очень трудно, так как ноги вязли в глинистом грунте, а тяжелые вьюки с сухарями и крупой были мокры, ремни скользили в руках. Люди падали, выбивались из сил, но все-таки в течение нескольких часов все вещи перетащили на высокий яр. Когда они к рассвету закончили эту тяжелую работу, то с высокой площадки увидали, что откос, где они ночевали, уже залит водой.

Река «играла», как говорят сибиряки, вода все прибывала, все поднималась, река все сильней и сильней ревела и с бешенством неслась по своему руслу. Все видели, что если бы молодой начальник каравана не поднял их и не заставил работать, то река унесла бы весь багаж, может быть, даже и лошадей, могли бы погибнуть и люди.

В таежных реках и глубоких падях Восточной Сибири такие явления нередко бывают после долгих и обильных дождей. Реки эти начинаются в тундровых болотах на гольцах и плоских местах, заросших ягелем. Есть места, где ягель расстилается на десятки квадратных километров и впитывает в себя огромное количество воды, так что образуются настоящие большие, не видимые глазом озера.

Огромные пласты ягеля задерживают сток этих озер, как бы служа им берегами. И вот к концу июля, когда к усиленному таянию снегов прибавляется еще вода от сильных и долгих дождей, эти озера переполняются, прорывают берега и всей массой срываются в таежные пади. Реки вздуваются, вода в них поднимается валом, размывает берега и бушует, взрывая деревья, то образуя запруды, то срывая их, бешено несясь вниз огромным паводком. Вот в такую-то «игру реки» и попал было караван Кропоткина.

Кропоткин объявил дневку. Провозившись до позднего вечера с припасами, караван мирно переночевал на своем яру еще одну ночь, пока бешеная река не улеглась, пока по дну пади вместо грозного потока опять стал струиться небольшой ручеек, мирно журчащий между камнями.

Через Делюн-Уранский и Северо-Муйский горные хребты

Добравшись до среднего течения р. Витима, Кропоткин писал брату:

«Витим, устье Тиники, 10 июля 1866 г.

Пишу тебе с берегов Витима, мы уже 9 дней в походе и с грехом пополам выбрались сюда. На приске я хворал последнее время, мне выдернули зуб и потревожили здоровый, челюсть (лунку) немного разворотили, и боль была страшная. Теперь мы идем себе помаленьку и прошли уже 110 верст, следовательно $^1/_7$ пути. Путешествие наше незавидное: во-первых, дорогой страшно утомляет безделье, нужно 6—7 часов ехать, и ничего не видишь, нет никакого разнообразия, не над чем подумать, лес, да лес и лес, да грязь, да мох. Наконец, последние дни, видя, что вожак ведет нас нехорошо, лупит тунгусской оленьей тропой, не разбирая грязи, я, обязанный заботиться о благополучном исходе экспедиции, должен был поехать с вожаком выбирать места... Не весело, скучно, безделье, никакого умственного труда.

Раз как-то рано пришли на привал, а горных пород я не собрал, писать почти нечего, я мог приняться за Сегена, с полчаса читал среди разговоров в палатке — какое тут чтение. К тому же разные мелкие неудовольствия, топограф ворчит что-то, другие тоже, что работы много и что топограф ничего не делает. Теперь я принялся сам развьючивать коней, ставить палатку и пр. Все же облегчение конюхам, да и другие меньше ворчат и немного больше делают. Поляков зато — утешение, единственный человек наш, поговорить с ним можно иногда, когда у него дела меньше. Впрочем, ему дела много, пожалуй больше, чем мне. Вообще все бы это ничего, я не огорчаюсь нисколько мелкими неприятностями, улаживаю их и т. д. Скучно, что время даром идет, и привыкаешь целые дни ничего не делать, — не знаю, может быть, дальше будет интереснее, а то едешь несколько дней, даже, например, обнажений не видишь, а кругом в тайге ужасное однообразие».

15 июля экспедиция Кропоткина переправилась через Витим. Караван вступил в целый лабиринт падей. Идя почти в прямом направлении с севера на юг, то поднимаясь на хребты, то опускаясь глубоко в долины, они пересекли эту горную страну с 15 по 23 июля, двигаясь по речкам Непре, Чаянгро, Янгуде и Уксемукиту. Эта страна представляла два тесно связанных между собой хребта. Оба хребта имели множество разветвлений и отрогов, которые пришлось пересекать экспедиции, идя то узкими падями горных ручьев, то поднимаясь на высокие гольцы, но все время старательно соблюдая общее направление маршрута на юг. Это были совсем дикие места, где водились только звери — медведи, лоси, волки. Дорога шла непроходимой непролазной чащей, которую разрезывали в падях горные реки. А на водоразделах между реками и потоками поднимались горные гребни, поросшие редкими лиственницами или совершенно голые. Чтобы облегчить движение, Кропоткин старался двигаться со своим караваном по самому гребню горных хребтов. Он подметил, что как раз здесь про-

кладывают себе тропы все звери. Именно здесь по звериным тропам ходят и преследующие их охотники-тунгусы. По их следам старался пробраться и Кропоткин со своим большим караваном.

Но южнее Витима во многих падях и на гребнях уже не оказалось никаких звериных и тунгусских троп. И Кропоткину оставалось только итти по самому гребню гор, покрытых гранитными россыпями, а на плоских и сырых местах заросших ягелем.

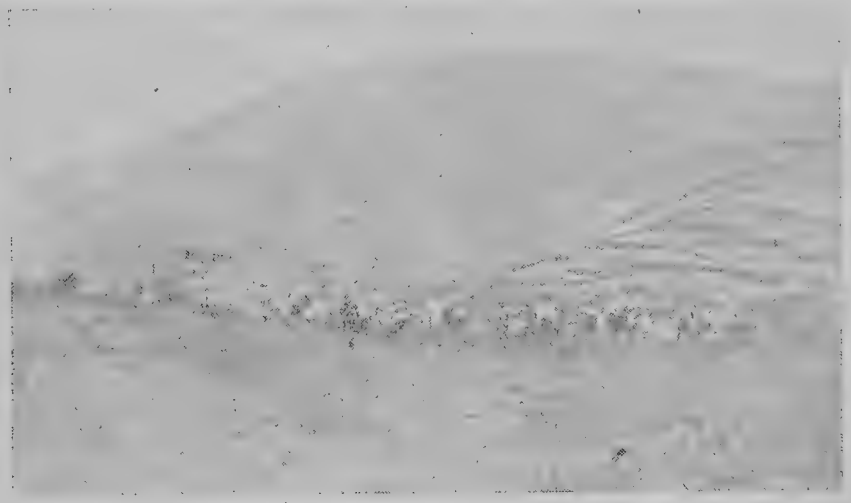


Рис. 19. В долине р. Муи

Звери стали попадаться совсем редко. Людей не встречали вовсе. На голых гольцах кое-где торчали лиственницы. Округлые вершины уходили в бесконечную даль, пестрея большими желтыми полянами ягелей, ярко блестевшими на солнце среди гранитных осыпей.

Чем дальше шли, тем было все глуше и глуше. А подъемы и спуски становились все труднее и труднее, по мере того как истощались лошади и утомлялись люди.

21 июля, спустившись в одну из таежных падей, караван попал в ущелье, которое с первого взгляда казалось совсем непроходимым. По дну несся буйный горный поток, русло которого было завалено огромными каменными глыбами. Люди выбились из сил, и, казалось, им никогда не выбраться из этой дикой горной щели. То карабкаясь среди непролазной чащи по берегу потока, то влезая в него по колено или даже по живот, два дня еле двигался караван в этой жуткой таежной теснине, пока, наконец, к закату солнца 23 июля не выбрался в широкую долину р. Муи.

«Роскошь этой долины, — пишет Кропоткин, — поражала нас после сумрачных картин горной страны, и радостное ощущение, навеянное этой долиной, не находило выражения в словах». Казалось, что караван вышел в новый мир. По долине росли роскошные леса;

Сосна, кедр, ель, береза были разбросаны рощами среди сочных и ярких горных лугов. На пройденных гольцах была мертвая полярная тундра, в падях — непролазная тайга из лиственниц, а здесь, в долине Муи, расстилались веселые яркие лесные поляны, покрытые цветами. Лесная чаща была полна жизни. Никем не пуганные, во множестве водились звери. Птицы оглашали воздух пением и гамом и радовали после полного молчания тайги.

Долина Муи была живописна и ласкова и особенно радовала великолепным кормом для лошадей. Истощенные лошади каравана могли быстро откормиться и набрать новые силы для дальнейшего пути.

Трудный переход от Витима до Муи по гольцам и тайге с бесчисленными подъемами и спусками, теснинами в падях, с частыми невольными купаньями при переправах через ледяные потоки, с жестким голоданием лошадей отнял у всех много энергии. Его, пожалуй, совсем не удалось бы сделать, если бы Кропоткин не запасся большим количеством ржаных сухарей. Когда к концу этого маршрута лошади совсем отказывались итти, их подкармливали сухарями, и они оживали и двигались дальше.

И теперь, когда караван пришел в долину, где был обильный корм, первой заботой было поправить и восстановить силы лошадей.

Караван Кропоткина простоял здесь несколько дней. Среди этой роскошной природы могли бы отдохнуть и люди. Но как повсюду в Восточной Сибири, и в долине Муи было полно «гнуса». Комары и мошки немилосердно жалили, и для спасения от них приходилось днем и ночью жечь костры, в дыму которых спасались и лошади и люди.

«Устье реки Муи, 26/VII—66 г.

Ну, Саша, пишу тебе с устья Муи. Треть дороги уже сделана, теперь осталось всего каких-нибудь сто верст, правда через очень скверный хребет, и мы будем в таких местах, которые находятся в удобном сообщении с забайкальскими приисками, а на этих приисках бывал едущий с нами господин из Читы. Следовательно, теперь я уже не теряю надежды быть в Чите. Шли сносно, скучно иногда, нет ни обнажений, ничего интересного, тайга, — знай только, глаза оберегай. Были и разные дрязги, которые мне приходилось улаживать.

Сидя в Иркутске, трудно вам даже составить себе понятие о таежных удовольствиях. Здесь на (реке) Муе такие несметные силы комаров, что до сумасшествия (временного, утешься) можно дойти, и тебя 30 раз вспомнишь с твоими проклятиями лету. Жара более 22, дымокур в палатке, следовательно угар, — мерзость порядочная. Два дня ничего не в состоянии был сделать, подумать не в силах, в жаре среди мошки дураком валяешься, весь мокрый; ждем не дождемся второй половины августа. Как все это благодетельно должно действовать на мозговую деятельность. 5—6 лет так провести — хорошо отупеешь».

Между Витимом и Муей караван сделал перевалы через два больших горных хребта с бесчисленным количеством отрогов. Первый из этих хребтов по именам рек Кропоткин назвал Делюн-Уранским

а второй—Северо-Муйским. Горная страна, заключенная в них, оказалась совершенно дикой и исключительно суровой; и понятно, что после нее долина Муи казалась земным раем.

Когда через несколько дней караван двинулся в путь, Кропоткин встретил на Муе первых людей за все время своей Олекминско-Витимской экспедиции. Это были 8 якутских семейств. На зеленой поляне стояли якутские юрты. Полной неожиданностью для глаз было поле ячменя, засеянного ими. У них было 10 голов рогатого скота и 5 якутских лошадей. Это были первые поселенцы на Муе, пришедшие сюда года за три перед этим с верховьев р. Куянды.

На южной стороне долины виднелся высокий горный хребет. Кропоткин назвал его Южно-Муйским. Экспедиции предстояло пересечь широкую долину Муи и направиться по этому хребту, за которым лежала тоже совсем неведомая страна, представлявшая белое пятно на всех картах. Берестяная карта, которой руководился Кропоткин, не захватывала района дальше Северо-Муйского хребта. Теперь уже приходилось итти без всякой карты, и было неизвестно, что они встретят — горы или равнины.

31 июля караван Кропоткина подошел к Южно-Муйскому горному хребту. Каждый раз, когда приходилось подниматься на высокогорные перевалы, казалось, что они опять попадут в непролазную суровую тайгу или в тундровый пейзаж среди гранитных гольцов. Но здесь, на Южно-Муйском хребте, природа была несравненно ласковей. После пройденного пути она казалась даже роскошной.

Но все же подъем был нелегкий, и, чем выше поднимался караван, тем становилось труднее.

«Помнится мне, — пишет Кропоткин, — как измученные подъемом, ведя лошадей в поводу среди кустарникового березняка и кедрового стланца, мы с трудом поднялись на вершину и бросились отдохнуть на мягкую подушку мохового покрова. Но вид, который представился моему взору, заставил забыть всю усталость и тотчас же взяться за карандаш. Внизу под нами шла узкая падь горного ручья Давакита, а далее, километрах в пяти, на тысячу метров ниже нас расстилалась широкая, верст на 20 или 30, долина реки Муи, которую мы только что пересекли. Светлая зелень болотистых лугов в долине перемежалась с темной зеленью сосновых боров. Среди лугов там и сям мелькали блестящие поверхности небольших озер. Вдали, почти на самом горизонте, поднимались резко очерченные цепи гор Северо-Муйского хребта».

Через Витимское плоскогорье и Яблоновый хребет

Хороша была панорама Муи с вершины Южно-Муйского хребта. Но Кропоткина в тот момент волновало, что будет впереди к югу, за Южно-Муйским хребтом.

Там оказалось перед его глазами обширное плоскогорье с невысокими холмами, расположенными в верховьях Витима. По нему и самое плоскогорье Кропоткин назвал Витимским. Его высота в нижних точках долин около 1000 м.

«А впереди, — пишет Кропоткин, — насколько хватал глаз, шла почти ровная местность Витимского плоскогорья. Там и сям виднелись темные полосы лесов. Но в то время как в долинах и падях Северо-Муйского хребта царила лиственница, и только изредка мы могли встретить ель и сосну, на склонах Южно-Муйского хребта были перемешаны лиственница, кедр, ель, сосна, пихта, береза, тополь и ивы разных пород. То же самое мы видим и в отношении животного мира. В то время как на севере тайга почти безжизненна, здесь в лесной чаще мелькали темные фигуры оленей, косуль, лосей, волков и медведей».

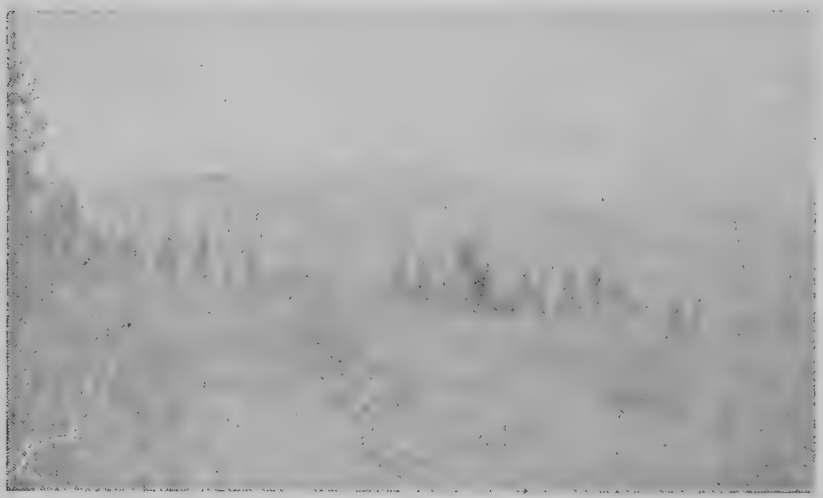


Рис. 20. Витимское плоскогорье

Природа здесь представляла огромный интерес и увлекала молодого географа-исследователя, но неизмеримо более интересными представились ему очертания и формы, направление и складки горных хребтов и цепей, окаймлявших Витимское плоскогорье. Острой, пытливой мыслью он устанавливал законы их образования и взаимную связь в происхождении и расположении этих горных хребтов и плоскогорий. И здесь у него сложился взгляд на закономерное расположение горных хребтов северо-восточной части Азии вокруг грандиозного плоскогорья, которое тянется с юго-запада, от Памира, на северо-восток к Берингову проливу в форме, подобной материку Южной Америки, и представляет собою два грандиозных плоскогорья, разделенных большим уступом. Эта новая гипотеза совершенно опрокидывала все прежние представления о строении Восточной Азии. В последующие годы, воспользовавшись при публикации отчета о своей Олекминско-Витимской экспедиции всеми определениями высот, какие когда-либо делались исследователями Восточной Азии, он развил свой взгляд в прочно установленную теорию, которая произвела полный

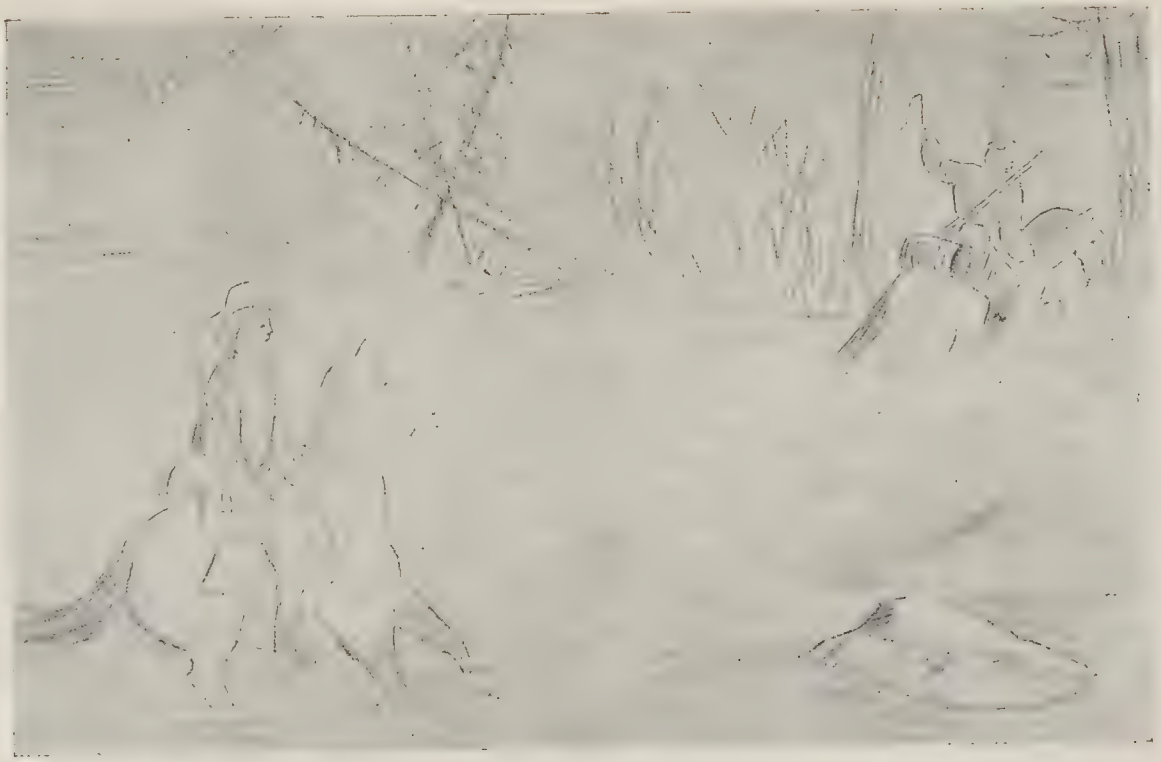


Рис. 20а. Переправа через реку

переворот во взглядах на строение Азии и вообще на строение всех материков земного шара [1].

Прошло уже 2 месяца от начала экспедиции, а цель перехода была еще далека. С Южно-Муйского хребта предстояло спуститься на Витимское плоскогорье, пересечь его, подняться на Яблоновый хребет и оттуда спуститься в долину р. Читы. Но этот дальний путь по неизвестной стране, который потребовал еще целого месяца труда, теперь никого не смущал. По сравнению с тем, что осталось позади, итти было совсем легко. Всем было ясно, что они дойдут, что бы ни случилось. Непролазная тайга и трудные теснины падей остались позади. На дальнейшем пути затруднения представляли большие пространства топей и болот. Но их можно было обходить. Досадно было только, что приходилось делать для этого огромные крюки и круги. Однако лошади были подкормлены и окрепли за неделю пребывания на Муе. Хуже приходилось людям. Уже два месяца все питались только ржаными сухарями да сушеным мясом, которые запивали чаем. Все остальное продовольствие пришло к концу. Пришлось сократить и строго определить порции сухарей.

Когда спустились на Витимское нагорье, леса и рощи стали перемежаться обширными лугами с сочной травой. Отощавшие за два месяца лошади ночью и на остановках с охотой ели сочную мягкую траву и быстро возвращали силы. Чем дальше караван двигался на юг, тем меньше становилось лесов, пейзаж стал принимать степной характер. И, по мере движения к югу, степи становились суше. Климат стал мягче, на открытых местах ветер отгонял комаров и мошек, природа стала ласковей, на ночлегах люди хорошо отдыхали. Дикие горы как будто навсегда ушли на север.

В лугах и степях было свое животное и птичье население — тарбаганы, пищухи, полевки тысячами бегали в траве. Над ними носились в воздухе соколы; орлы и сычи то и дело падали сверху стрелой на свою добычу.

5 августа караван Кропоткина достиг р. Бомбуйко. Согласно общему направлению на юг, Кропоткин пошел вверх по берегу этой реки. Еще полмесяца пришлось итти по ненаселенным местам, и только 19 августа экспедиция достигла золотого прииска Задорный в Баргузинском округе. Караван впервые достиг жилых мест, мог возобновить запасы, люди могли отдохнуть, лошади имели обильный корм. Дальше путь шел уже по торной дороге, проложенной от Читы на прииск.

22 августа караван был на втором прииске — Серафимовском.

30 августа подошли к верховьям Витима в том месте, где в него впадает р. Холоя. Здесь переправились через Витим.

Еще через шесть дней ночевали на берегу большого Телембинского озера. 6 сентября подошли к предгорьям Яблонового хребта, представляющего южную окраину Витимского плоскогорья. Перевалив через него по разработанной дороге, караван Кропоткина спустился с Витимского плоскогорья и раскинул свой табор на берегу р. Читы.

---

[1] См. последнюю главу «Географические теории Кропоткина».

Последний отрезок пути по Витимскому плоскогорью занял у экспедиции около месяца. А все путешествие продолжалось 3 месяца, и почти все это время пришлось итти по неисследованным местам без всяких дорог.

Приведя себя в порядок, 8 сентября вьючный караван Кропоткина входил в Читу.

«Отвечая на вопросы удивленных обывателей, что мы пришли с Олекминских приисков, — пишет Кропоткин, — мы замечали, что в этом городке, живущем на Иркутско-Амурском тракте с его иркутско-амурскими интересами, никто ясно даже не отдавал себе отчета, где это Олекминские прииски».

Оказавшись в Чите, Кропоткин и его спутники сами с трудом верили, что прошли этот «непроходимый» путь.

Успех экспедиции

Из опыта этой экспедиции Кропоткин делает любопытный вывод. Он говорит, что его целью было пройти этот путь во что бы то ни стало, и он его прошел.

Помогло то, что он имел карту, начерченную на бересте тунгусом, и то, что, располагая достаточными средствами, экспедиция могла смело итти на юг, не рискуя остаться без пищи где-нибудь в неизвестной стране. Нам, привыкшим к тому, что теперь с каждой точки земли или океана в любой момент можно подать по радио сигнал бедствия, трудно представить весь риск путешествия Кропоткина. Но он, несомненно, был велик. И только его выдержка, предусмотрительность, опыт и точный расчет привели экспедицию к благополучному концу.

«Правда, дело не обошлось без некоторых трудностей, — пишет Кропоткин. — Была минута, когда, — на третий или четвертый день путешествия, — измучившись в топях на Датыкте, наши конюхи, как мы узнали уже впоследствии, собирались бросить караван: дойти до Витима, а там бросить все и сплыть ночью на плоте к устью Витима. Но когда они увидали, что все разделяют их труды, то они поняли, что уже лучше всем заодно стараться пробираться, куда нужно. С. К. Мельников и П. С. Чистохин взяли на свою долю оседлывать и вьючить во все время путешествия столько лошадей, сколько приходилось на каждого конюха; мы — И. С. Поляков, П. И. Мошинский и я, признанные негодными для вьючки, стали подсоблять по крайней мере в развьючке и взяли на свою обязанность разбивку и сборку палаток. Камни, травы и птицы были оставлены на время в стороне, и все внимание было устремлено, покуда не дошли до Витима, на то, чтобы лошади не разбегались по лесу, не забивались в топи и не бросались в чащи, а вожак не вел наудачу. Этого было достаточно, и измученные, усталые, подчас продрогшие люди без ропота ложились головой на жесткое седло, чтобы завтра и послезавтра и еще целых 2, а, может, и 3 месяца измучивать себя такою же работою. Только съемка — залог знания места в крайнем случае возврата — не пре-

кращалась ни на минуту. Было еще время, когда серьезно приходилось задумываться: когда лошади с ногами, наболевшими от острых камней Уксемукитского ущелья, едва плелись, шатаясь в стороны и, несмотря ни на какие усилия или побои седока или погонщика, забивались, цепляясь вьюками, ломая деревья, в тальниковую чащу, — лишь бы только дать отдохнуть на минуту этим наболевшим ногам, лишь бы избавиться от зрелища предстоящей пытки опять и опять переходов по камню; когда исхудалые они стоят неподвижно и не щиплют траву, — т. е. одиночки-былинки среди ягелей, — а только треть пути пройдена; когда лошаденка, которой прежде удержу не было, которая смело входила в пенящийся поток и, фыркая, грудью встречала набегающие волны, — теперь с повислыми ушами, едва плелась шагом, или, как сноп, валилась в кочковатом болоте, — тут было над чем задуматься. Но и тут сердце радовалось, глядя на 2—3 «разбойников», которые каждое утро весело выбегают вперед с покачивающимся вьюком или по старой привычке хоть немножко, да попытаются сбросить этот вьюк, который сами же потом так бережно везут.

И еще больше, конечно, радовали люди. Они хотя устали, но, сработавшись в пути, терпеливо несли все тяжести путешествия, а вечером у костра спокойно копошились каждый по своему делу.

Но все-таки было не мало таких моментов, когда во время перехода все сводилось только к задаче пройти, прежде всего пройти, а удастся собрать богатый научный материал или нет, — это был уже вопрос второстепенный».

И все-таки экспедиция собрала необыкновенно ценный и обильный научный материал, на основе которого Кропоткин сделал свои главные географические открытия и обобщения.

«К счастью, направление нашего пути было именно такое, какое следовало бы избрать, если бы цель экспедиции была чисто научной, — пишет Кропоткин, — именно поперек всей группы этого сложного нагорья от ленских плоских возвышенностей до Нерчинских степей».

Между тем научную работу вести было, конечно, очень трудно. «В тайге нельзя без вожака отлучиться в сторону от тропы или от следа. А имея одного вожака впереди каравана, другого при топографе, мы с И. С. Поляковым были просто прикованы к седлу вьючных лошадей. Отлучки в сторону хоть на версту были просто невозможны... Мы шли большею частью тропою; но тунгусская тропа в большинстве случаев значит то, что в 50—100 саженях одно от другого надломлено деревцо или на его коре сделана крошечная затесь. Никто из нас, русских и бурят, никогда не мог разглядеть этой тропы. Раза два, сбившись со следа и подавая понапрасну ружейные сигналы, забившись, наконец, в такую трущобу, откуда лошадь едва могла выбраться в целости, а седок предоставлял лошади искать караван, а сам шел сзади, держась за хвост, — мы уже спарились с И. С. Поляковым и отставали вместе: он дожидался меня, когда я выламывал образец из обнаже-

ния, встретившегося у самой дороги, — я дожидался его, когда он шел, подкрадываясь к птице...»

Конечно, при таких условиях дело не обходилось без приключений. «Казалось бы, — пишет Кропоткин, — какая есть возможность потерять след каравана, состоящего из 50 лошадей? Но 50 лошадей проходили, приблизительно одна за другою, по мягким подушкам ягелей; ягели пригибались, а через полчаса все принимало прежний вид, и не раз случалось, что мы измучим себя и лошадей, ездя и ходя по лесу и болоту, отыскивая след; а не то лошадь завязнет в какой-нибудь канаве, и через полчаса самых ярых усилий, наши соединенные силы все-таки оказываются недостаточными, чтобы ее вытащить, а караван ушел за версту или за две». Необычайно скромный в оценке своих достижений, Кропоткин в отчете Географическому обществу пишет: «Впрочем, кое-что, не лишенное интереса, удалось-таки собрать; важно уже то, что нам удалось заглянуть в неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину». Дальше он дает отчет, занявший 681 страницу. «В моем отчете, — пишет он, — читатель найдет топографическую, геогностическую и орографическую часть вместе с климатическими заметками. В отчете И. С. Полякова — зоологическую часть». Кроме того, он обещает дать обработку собранной ими ботанической коллекции и метеорологического дневника.

«Читатель заметит, — пишет Кропоткин, — что мы оба вовсе не говорим о человеке. Самая главная причина этого та, что мы людей почти вовсе не видали».

Кропоткин всегда жадно наблюдал жизнь людей и никогда не упускал случая исследовать их быт и хозяйство. Но тут огромный край оказался совсем не населенным: «2 — 3 полуголодные семьи тунгусов попались нам на Витиме при устье Нерпи (т. е. в самом начале), 5 — 6 якутских и тунгусских семей попались потом при устье Муи; 2 — 3 бурятских семьи — на Енгандине. Мы тщательно потратили время на подробные антропологические описания, приблизительно по Брока, тех немногих человеческих особей, которых мы встречали; конечно, описание делалось без измерения: нам вовсе не хотелось, чтобы про нас сказали, что мы идем в рекруты брать тунгусов». Однако в предварительном отчете Сибирскому отделу Русского географического общества за 1867 год Кропоткин дал свои общие сведения о распределении населения и о захвате тунгусских областей русскими, якутами и бурятами. Строки эти пропитаны симпатией, глубоким сочувствием к тунгусам.

Общая длина пройденного маршрута составила 1200 км. Появление каравана в Чите вызвало всеобщее удивление. Никто не мог представить себе, чтобы через эту дикую таежную пустыню, среди непроходимых гор и ущелий можно было пройти с караваном в 54 лошади, да еще так благополучно, что никто из людей в пути не пострадал. Правда, несмотря на все заботы о лошадях, три из них, отбившись от каравана, заблудились в тайге и пропали, три поломали себе ноги, и их пришлось пристрелить, одну унес при переправе бурный поток. Три лошади не вынесли тяжести пути и пали в тайге. Таким образом, караван потерял 10 лошадей, а более 40 невредимыми пришли в Читу.

Выходя из Тихозадонского прииска, лошади тащили в своих вьюках сухари и продовольствие. Прибыли они, нагруженные бесчисленными образцами горных пород, собранными Кропоткиным во всех пройденных им падях и ущельях, на всех гольцах трех горных систем — Северно-Муйском, Южно-Муйском и Яблоновом хребтах и на всех менее значительных хребтах, встреченных по дороге. Большой, исчерпывающий материал по зоологии был собран Поляковым. Общими силами Кропоткин и Поляков собрали обильный гербарий. В записных книжках Кропоткина, кроме дневника, были еще многочисленные записи определения высот. Но самое главное — в голове молодого путешественника и ученого уже оформилась не только картина ледникового периода, но вырисовались орография и строение восточной части материка Азии, что представляет, по его признанию, главный вклад, внесенный им в географическую науку.

Как человек в высшей степени скромный, Кропоткин ни во что ставил все перенесенные им в путешествии лишения и опасности, чрезмерное утомление и даже физическое истощение к концу маршрута, но был внутренне горд проявленной им твердостью характера, волей, тренировкой и приобретенной выносливостью, словом — всеми теми свойствами, которые дали ему возможность в каких-нибудь четыре года из изнеженного аристократического «пажика» превратиться в бесстрашного предприимчивого исследователя таежных пустынь и диких гор Азии.

Уже первый отчет об этом путешествии вызвал огромный интерес среди всех интересующихся географией, и Русское географическое общество присудило Кропоткину за его Олекминско-Витимскую экспедицию золотую медаль.

Впоследствии, когда его труды «О ледниковом периоде» и по «Орографии Восточной Сибири» были опубликованы, они принесли ему славу мирового ученого. Следовавшие за ним путешественники, проходя через 30 лет по исследованным им местам, назвали его именем горные хребты и отдельные вершины: академик В. А. Обручев назвал именем Кропоткина горный хребет, разделяющий истоки Витима и Лены, известный геолог В. А. Вознесенский, изучая Восточную Сибирь, назвал именем Кропоткина вершину между истоками рек Олекмы и Нерчи.

Кроме чисто научных достижений, Олекминско-Витимская экспедиция имела и большое практическое значение для развития Ленских золотых приисков. Кропоткин не только установил прямой путь из Читы на эти прииски, благодаря которому ускорилось их развитие, но и первый дал описание геологического строения этой области, что облегчило поиски новых месторождений золота. Его описаниями и теперь пользуются советские геологи при разведках. По ценности научных открытий и важности практических результатов, по трудности и опасности, по проявленной Кропоткиным предприимчивости и бесстрашию Олекминско-Витимская экспедиция была самым значительным из всех его многочисленных сибирских путешествий, на которые он истратил почти целиком пять лет своей жизни — с 1862 по 1867 г.

IX. УНИВЕРСИТЕТ И НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Вернувшись из экспедиции, Кропоткин решил во что бы то ни стало ехать в Петербург и поступить в университет, чтобы получить систематическое высшее образование. Он чувствовал, что для обоснования географических гипотез, которыми была полна его голова после непрерывных пятилетних путешествий по Сибири, у него нехватало положительных знаний. Он буквально тосковал, минутами приходя в отчаяние от недостатка своего образования. В письмах к брату он с тоской говорил про себя, что он совсем невежда, что он ничего не знает и поэтому ничего не может сделать в науке.

После пяти лет путешествий, которые были для него великой школой, он стал тяготиться своей офицерской службой. Кропоткин решил выйти в отставку, стать свободным и жить исключительно на литературный заработок. Однако расстаться с военной службой тогда было не легко; это удалось только к зиме 1866 г., и весной следующего года он уже был в Петербурге. С началом 1867 учебного года Кропоткин — уже студент-первокурсник математического отделения физико-математического факультета, так как он считал, что математика — «единственный солидный фундамент» для научной работы. Для заработка он начал переводную работу и писание научных фельетонов в газетах. Он учился усердно, всю жизнь, до глубокой старости. Так, в музее Кропоткина в Москве имеется регистрационная карточка библиотеки города Дмитрова, где жил Кропоткин свои последние годы (1918 — 1921). На этой карточке на вопросы: сколько лет? Кропоткин ответил: «76»; где учился? — «в Петербургском университете»; где учится? — «у себя дома и в жизни».

«У студента-математика, — пишет он, — конечно, очень много работы, но так как я прежде уже занимался высшей математикой, то теперь мог уделить часть моего времени географии...»

Кроме заработка, кроме учебы ему надо было еще обработать материалы своих географических экспедиций. Когда выяснилось, что их можно напечатать, он стал готовить к печати отчет об Олекминско-Витимской экспедиции; научная работа целиком захватила его: «Но в это время, — пишет Кропоткин, — у меня стали зарождаться географические обобщения, вскоре всецело поглотившие меня. Путешествия по Сибири убедили меня, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совершенно фантастически и не дают никакого представления о строении страны. Составители карт и не подозревали тогда о существовании обширных плоскогорий, составляющих столь характерную черту Азии».

К этим словам Кропоткина надо добавить, что не только составители карт, но и географы и геологи ничего не подозревали об обширных плоскогориях Восточной Азии.

«Вместо них обозначали несколько больших горных кряжей. Так, например, в чертежных, — пишет Кропоткин, — несмотря на указания Л. Шварца [1], сочинили восточную часть Станового хребта в

[1] Людвиг Шварц, немецкий астроном, участвовавший в сибирской экспедиции Русского географического общества 1854—1859 гг., сделавший более

виде громадного червя, ползущего по карте на Восток. Этого хребта в действительности не существует. Истоки рек, текущих с одной стороны в Ледовитый океан, а с другой в Великий океан, переплетаются на том же плоскогорье и зарождаются в одних и тех же болотах. Но в воображении европейских топографов самые высокие горные хребты должны находиться на главных водоразделах, и вследствие этого тут изображали высокие цепи гор, которых нет в действительности. Много таких несуществующих хребтов бороздило карту Северной Азии по всем направлениям».

Кропоткин имел в своем распоряжении и принял в расчет определение около 3000 высот в разных точках Северной Азии. У него были личные наблюдения на огромном пространстве, что еще важнее. Эта «куча материалов» опровергала все старые представления о строении Азиатского материка. Все карты Азии, какие только были тогда, расходились с его представлениями. Они жестоко путали его. Еще больше смущало его то обстоятельство, что путешествовавший в 50-х годах прошлого века великий естествоиспытатель Александр Гумбольдт тоже описал Восточную Азию не точно.

«Мое внимание теперь в продолжение нескольких лет было поглощено одним вопросом — открыть руководящие черты в строении Нагорной Азии и основные законы расположения ее хребтов и плоскогорий. Долгое время меня путали в моих изысканиях прежние карты, а еще больше — обобщения Александра Гумбольдта, который после продолжительного изучения китайских источников покрыл Азию сетью хребтов, идущих по меридианам и параллельным кругам. Но, наконец, я убедился, что даже смелые обобщения Гумбольдта не согласны с действительностью».

Очень интересно рассказывает Кропоткин о том, каким путем он пришел к своим смелым выводам. Влияние авторитета гениев науки всегда очень велико. Чтобы итти против них, нужно иметь революционную дерзость мысли и характера. И ум Кропоткина не остановился перед утверждениями абсолютного авторитета того времени — Гумбольдта.

«Я начал сначала чисто индуктивным путем. Собравши все барометрические наблюдения, сделанные прежними путешественниками, я на основании их вычислил сотни высот. Затем я нанес на большую карту все геологические и физические наблюдения путешественников, отмечая факты, а не гипотезы».

Тут интересно сообщение Кропоткина, что он решил отбросить все бывшие до него предположения о строении Азии и основываться исключительно на точно проверенном фактическом материале. Эта подготовительная работа заняла у Кропоткина больше двух лет, и можно представить себе, какого огромного труда и какого терпения требовали эти кропотливые вычисления и проверка бесчисленных высот, которых, как сказано, в его распоряжении оказалось около 3000.

«Затем последовали, — пишет Кропоткин, — месяцы упорной мысли, чтобы разобраться в хаосе отдельных наблюдений».

2000 км маршрутной съемки и определивший около 100 астрономических пунктов.

Молодой ученый около трех лет бьется над тем, чтобы понять и обобщить новые, установленные им факты в строении горных хребтов Азии, и, наконец, наступает счастливый момент, о котором Кропоткин пишет: «Наконец, все разом внезапно осветилось и стало ясно и понятно».

Что же понял тогда Кропоткин, мысль которого упорно билась над этим вопросом еще во время путешествий по Манчжурии и в Саяны и в особенности во время Олекминско-Витимской экспедиции? Ему стало ясно, что основные хребты Азии тянутся не с севера на юг и с запада на восток (как их изобразил Гумбольдт), а с юго-запада на северо-восток. Этот важный факт давал возможность установить аналогию в строении Азиатского материка со строением Северной Америки. Основные хребты Азии точно так же тянутся с юго-запада на северо-восток, как Скалистые горы и нагорья Северной Америки — с северо-запада к юго-востоку. Кроме того, оказывается, что горы Азии не представляют собой рядов складочных горных систем и хребтов, как Альпы. Самым важным в строении Азиатского материка является тот несомненный факт, впервые подмеченный Кропоткиным, что горы Азии окаймляют громадное плоскогорье, представляющее собою древний материк, «который направлялся когда-то от Гималаев к Берингову проливу. Высокие окраинные хребты вырастали вдоль его берегов, и с течением времени террасы, образованные позднейшими осадками, поднимались из моря, увеличивая основной материк Азии в ширину».

Когда Кропоткин выступил с этой схемой о строении гор Восточной Азии, она вызвала большие споры. Но прошло 30 лет, и схема Кропоткина была принята известным австрийским геологом Эдуардом Зюссом в его классическом труде «Лик Земли». Зюсс установил, что все позднейшие исследования подтвердили предположение Кропоткина; в своем труде Зюсс на многих страницах цитирует его и целиком опирается на его выводы.

Свою теорию Кропоткин изложил и обосновал в обширной работе «Общий очерк орографии Восточной Сибири», которая представляет собою объемистый пятый том «Записок по общей географии Русского географического общества», издания 1875 г.

Кропоткин мог бы торжествовать свою победу, но этот скромный человек ценил в жизни совсем другое. Ему было важно самое раскрытие научной истины и служение на пользу человечеству.

«В человеческой жизни, — пишет он, — мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. То, что в течение целого ряда лет казалось хаотическим, противоречивым и загадочным, сразу принимает определенную гармоническую форму. Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина, подобно альпийской цепи, выступающей во всем своем великолепии из-за скрывавших ее облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всем величии и красоте. А когда обобщение подвергается проверке, применяя его ко множеству отдельных фактов,

казавшихся до того безнадежно противоречивыми, каждый из них сразу занимает свое положение и только усиливает впечатление, производимое общей картиной. Одни факты оттеняют некоторые характерные черты, другие раскрывают неожиданные подробности, полные глубокого значения. Обобщение крепнет и расширяется, а дальше сквозь туманную дымку, окутывавшую горизонт, глаз открывает очертания новых и еще более широких обобщений. Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадет на долю немногих, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех.

Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку. Вначале я намеревался написать объемистую книгу, в которой мои взгляды на орографию Сибири подтверждались бы подробным разбором каждого отдельного хребта; но когда в 1873 году я увидал, что меня скоро арестуют, я ограничился тем, что составил карту, содержащую мои взгляды, и приложил объяснительный очерк».

Этот очерк Кропоткина и составленная им карта объясняют главные физические черты Азиатского материка. В нем изложена геологическая история Азии, объяснено распределение климатов, происхождение и распределение животного и растительного мира. Впоследствии, уже в 1890-х годах, Кропоткин во время своей поездки по Америке убедился, что составленная им карта Азии показывает «поразительную аналогию в структуре и в геологическом росте обоих материков северного полушария».

X. АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце 60-х и начале 70-х годов в деятельности Географического общества наступило большое оживление. Кропоткин был секретарем Отделения физической географии и участвовал буквально во всех его работах. Его исследования Восточной Азии и блестящие результаты пробудили интерес к этому материку. Памир и Туркестан в особенности привлекали тогда внимание. Целый ряд русских путешественников—Северцов, Федченко, братья Грумм-Гржимайло, Пржевальский занимались исследованием этих мест, совершали отважные путешествия. Таким же большим вниманием общества пользовался Крайний Север. Была назначена комиссия, чтобы выработать план русской полярной экспедиции и наметить научные работы, которые она могла бы выполнить. Кропоткин стал секретарем этой комиссии и с увлечением занялся ее делами. Когда пришло время снаряжать экспедицию, оказалось, что очень немногие из членов комиссии выполнили свои задания. «Но как это часто случается, — пишет Кропоткин, — к сроку готовы были только несколько отделов: по ботанике, зоологии и метеорологии. Все остальное пришлось составить секретарю комитета, то есть мне». И вот тут положение его оказалось

очень трудным. Но это был человек стихийной энергии, огромных талантов и большой привычки к труду. И он с честью вышел из положения. Кропоткин теоретически совершил замечательное географическое открытие. Он установил существование земли или архипелага островов к северу от Новой Земли.

«Некоторые вопросы, — пишет Кропоткин, — как, например, зоология морских животных, приливы, наблюдения над маятником,

Рис. 21. Кропоткин в Финляндии

земной магнетизм, были для меня совершенно новы. Но трудно себе представить, какое количество работы может выполнить в короткое время здоровый человек, если напряжет все свои силы и прямо пойдет к корню каждого вопроса. Я засел за работу и просидел над нею, выходя только обедать, две с половиной недели. Я спал только часов 5—6 и поддерживал бодрость сперва чаем, а потом красным вином, которое я пил маленькими глотками по ночам, чтобы не заснуть за столом. Мой доклад был готов к сроку и содержал программу предстоящих ученых работ. Он заканчивался предложением большой полярной

экспедиции, которая пробудила бы в России постоянный интерес к арктическим вопросам и к плаванию в северных морях».

Доклад этот представлял обширную записку, напечатанную Географическим обществом под заглавием «Экспедиция для исследования русских северных морей». В ней Кропоткин предлагал снарядить экспедицию для открытия земли, расположенной на север от Новой Земли.

Составляя свою записку и ознакомившись со всеми материалами, Кропоткин пришел к заключению, что «к северу от Новой Земли должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген. На это указывали: неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плаваю-

Рис. 22. Барьер Кропоткина

щих здесь ледяных полях, и некоторые другие мелкие признаки. Кроме того, если бы такая земля не существовала, то холодное течение, несущееся на запад от меридиана Берингова пролива к Гренландии (в котором дрейфовали впоследствии «Фрам» и папанинская льдина; на это течение указывал уже Ломоносов), непременно достигло бы Норд-Капа и покрыло бы берега Кольского полуострова льдом, как это мы видим на крайнем севере Гренландии. Теплое течение, являющееся слабым продолжением Гольфстрема, не могло бы помешать нагромождению льдов у северных берегов Европы, если бы такой земли не существовало».

Это теоретическое открытие увлекло Географическое общество. Кропоткину предложили стать во главе полярной экспедиции, для которой должна была быть нанята норвежская шхуна. Он принял предложение и, конечно, посетил бы эту нанесенную им заранее на карту северных морей землю. Но на экспедицию наложил запрет министр финансов, заявив, что он не может ассигновать необходимых для нее 40 тысяч рублей. Вследствие каприза тупого царского чинов-

ника, непонимания царским правительством научных, экономических и политических задач, связанных с исследованием арктических областей, примыкающих к берегам России, экспедиция, на которую Кропоткин затратил столько энергии, столько таланта и времени, не состоялась.

Два года спустя была снаряжена австрийская экспедиция на землю, открытую Кропоткиным. «Земля, которую мы провидели, — пишет Кропоткин, — сквозь полярную мглу, была открыта Пайером Вейпрехтом». Она была названа «Землей Франца Иосифа», а не Землей Кропоткина, как, по справедливости, ее следовало бы называть.

XI. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ

От полярного путешествия, манившего его в суровые неведомые земли, пришлось отказаться. Но Кропоткин не мог не путешествовать. В то же лето он получил командировку Географического общества в Финляндию и Швецию для описания ледниковых отложений, в изобилии покрывающих эти страны. В Финляндии и Швеции они представлены длинными наносными грядами большой мощности и известны под названием «озов». Вот эти-то озы и привлекли его внимание. Кропоткин начал это путешествие втроем: с ним был выдающийся русский геолог, профессор Горного института в Петербурге Г. П. Гельмерсен, тогда академик и директор Геологического комитета, составивший первую геологическую карту Европейской России. Кропоткин был дружен с ним. Гельмерсен ехал в Финляндию, командированный Академией Наук. Третьим компаньоном был известный геолог и палеонтолог, академик Ф. Б. Шмидт, тоже большой друг Кропоткина, исследователь Амурского края, которого Кропоткин считал своим учителем в области геологии. П. А. Кропоткин вместе с ними посетил и исследовал широко известную гряду Пункахарью в Финляндии. Дальше они разделились. Кропоткин неутомимо работал, ходил пешком, ездил в финских таратайках, переправлялся с одной гряды на другую, ночевал где попало — то в финских крестьянских избах, то под открытым небом. Он нанес на карту Финляндии почти все озы, вел геологическую съемку и установил широкое распространение ледниковых отложений, из которых собственно и складывается географический ландшафт Финляндии.

Затем он отправился в Швецию и здесь основательно изучил известный Упсальский оз, произвел его съемку и составил карту, находящуюся в Кропоткинском музее в Москве.

В Стокгольме Кропоткину пришлось встретиться с известным полярным путешественником Норденшильдом, и как человек, детально изучивший все материалы, касающиеся русских северных морей, и увлеченный проблемами Арктики, Кропоткин увлек своими планами Норденшильда [1], с которым, как он пишет в «Записках революционера», «провел в Стокгольме несколько счастливых дней».

[1] Норденшильд, Адольф Эрик (1832 — 1901) — известный путешественник, исследователь полярных стран.

В письме к брату он пишет: «Стокгольм, 9/21 июля 1871 г. Из ученых я нашел здесь, то есть в 20 верстах отсюда, так что пришлось заночевать там, только Норденшильда, молодого шпицбергенца и представителя радикальной партии... Славный парень. Он был профессором в Гельсингфорсе, но за либерализм должен был удалиться в Швецию. Он член рабочих союзов, но, странно, отрицает, что рабочий вопрос становится серьезным в Швеции. Здесь, говорит он, всякий может пользоваться избирательным правом, особенно когда проведут новый избирательный закон. Не знаю, так ли это, но швея против моих окон так же сидит за швейной машинкой с утра до ве-

Рис. 23 Карта ледниковых отложений

чера, и рабочие, которых, правда, мало видно, не смотрят живущими в довольстве».

Это было в 1871 г., и тогда Норденшильд сообщил Кропоткину свое «намерение добраться до устьев Сибирских рек, а не то и до Берингова пролива через Ледовитый океан». Кропоткин же поделился с Норденшильдом всем тем, что сам успел узнать об Арктике, и развил перед ним свое убеждение о полной возможности совершить это путешествие. Кропоткин был убежден, что вдоль берегов Сибири имеется проход из Атлантического в Тихий океан. Норденшильд в 1878 — 1880 гг. действительно первый совершил это путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега».

Из Стокгольма Кропоткин возвратился обратно в Финляндию и продолжал свои исследования до глубокой осени. Он собрал массу

интересных материалов и наблюдений относительно оледенения этого края. Все они с полной убедительностью подтверждали его теорию ледникового периода. Как ученый он мог быть глубоко удовлетворен результатами своих работ, но как раз во время этого путешествия по Финляндии, оставаясь подолгу в одиночестве, он попал во власть неотступных мыслей о социальных вопросах, и они перевернули его жизнь.

«Когда я проезжал в финской одноколке, — пишет он, — по равнине, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходил с молотком на плечах от одной балластной ямы к другой, я мог думать, и одна мысль все более и более властно захватывала меня, гораздо сильнее геологии.

Я видел, какое громадное количество труда затрачивает финский крестьянин, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думал: «Хорошо, я напишу физическую географию этой части России и укажу лучшие способы обработки земли. Вот здесь американская машина для корчевания пней принесла бы громадную пользу. А там наука могла бы указать новый способ удобрения...

Но что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой; когда арендная плата за эту усеянную валунами землю растет с каждым годом по мере того, что крестьянин улучшает почву! Он грызет свою твердую, как камень, ржаную лепешку, которую печет дважды в год, съедает с нею кусок невероятно соленой трески и запивает снятым молоком... Как смею я говорить ему об американских машинах, когда на аренду и подати уходит весь его заработок!

И мысленно я переносился из Финляндии к нашим никольским крестьянам, которых видел недавно. Теперь они свободны и высоко ценят волю, но у них нет покосов. Тем или иным путем помещики захватили все луга для себя. Когда я был мальчиком, Савохины посылали в ночное шесть лошадей, Толмачевы — семь. Теперь у них только по три лошади. У кого было прежде по три, теперь и двух нет, а иные бедняки остались с одной. Какое же хозяйство можно вести с одной жалкой кляченкой! Нет покосов, нет скота и нет навоза! Как же тут толковать крестьянам про травосеяние! Они уже разорены, а еще через несколько лет их разорят вконец, выколачивая чрезмерные подати. Как обрадовались они, когда я сказал, что отец разрешает им обкосить полянки в Костином лесу! «Ваши никольские мужики л ю т ы на работу», — говорили все наши соседи. Но пашни, которые мачеха оттягала у них в силу «закона о минимуме помещичьей земли» (дьявольский параграф, внесенный крепостниками, когда им позволили пересмотреть Уложение), теперь поросли чертополохом и бурьяном. Л ю т ы м работникам не позволяют пахать эти земли. И то же самое творится по всей России».

Уже в то время было очевидно, что первый серьезный неурожай в центральной России приведет к страшному голоду. О том же предупреждали и правительственные комиссии (валуевская в том числе). И действительно, голод был в 1876, 1890, 1891, 1895 и 1898 гг.

И дальше Кропоткин думал: «Наука — великое дело. Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше,

чем многие мои собратья. И теперь, когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я видел, как в отдаленном прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу и

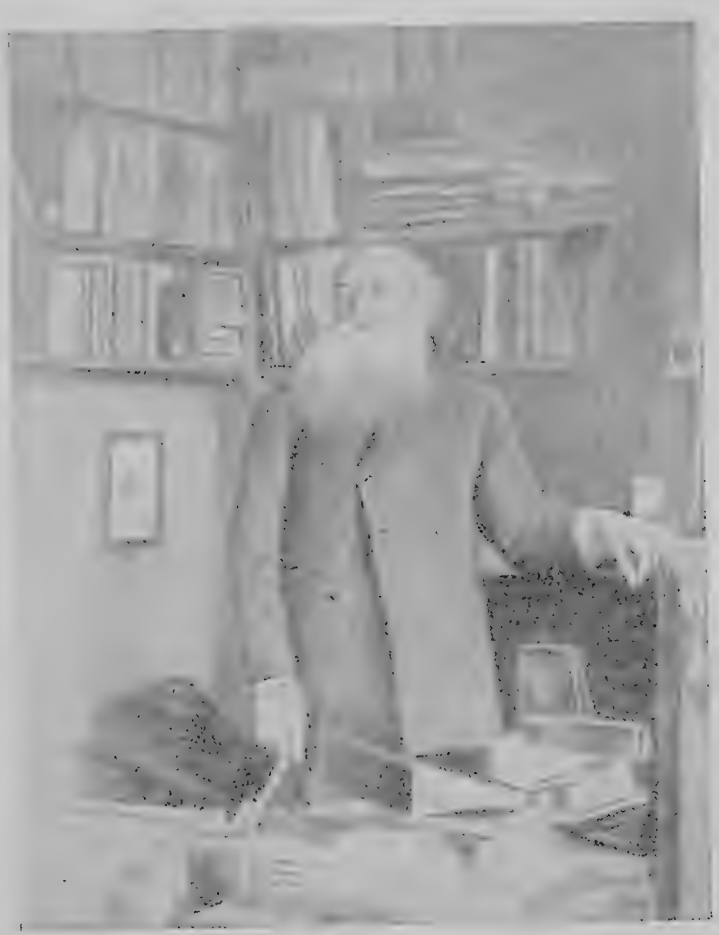


Рис. 24. П. А. Кропоткин в своем кабинете.

медленно расползались до ее центра. Жизнь тогда исчезла в этой части северного полушария и, жалкая, неверная, отступала все дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, темный дикарь с великим трудом поддерживал непрочное существование. Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таяние льдов и наступил озерный период. Бесчисленные озера образовались тогда во впадинах; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежных болотах, окру-

жавших каждое озеро, и прошли тысячелетия, прежде чем началось крайне медленное высыхание болот и растительность стала надвигаться с юга. Теперь мы — в периоде быстрого высыхания, сопровождаемого образованием степей, и человеку нужно найти способ, каким образом остановить это угрожающее Юго-Восточной Европе высыхание, жертвой которого уже пала Центральная Азия.

В то время как вера в ледяной покров, достигавший Центральной Европы, считалась непозволительной ересью, перед моими глазами возникала величественная картина, и мне хотелось передать ее в мельчайших подробностях, как я ее представлял себе. Мне хотелось разработать теорию о ледниковом периоде, которая могла бы дать ключ для понимания современного распространения флоры и фауны и открыть новые горизонты для геологии и физической географии».

Осенью 1871 г., когда Кропоткин работал в Финляндии, путешествовал пешком вдоль строящейся тогда железной дороги и, наблюдая отложения ледников и следы послеледникового моря, в то же время предавался размышлениям над социальными вопросами, он получил предложение от Географического общества, о котором часто мечтал, стать секретарем Общества. Это давало ему полную свободу и освобождало все его время для научной работы. Его давнее желание осуществлялось. Но, решив отдаться революционной работе, Кропоткин телеграфировал в ответ: «Душевно благодарю, но должность принять не могу».

XII. ПЛАН ГЕОГРАФИИ РОССИИ

С таким же энтузиазмом, с каким отдавался науке, теперь Кропоткин бросился в революционное движение.

В то же время он не мог бросить географических работ, начатых им с таким огромным успехом, в которых он имел большие и ценные достижения. Его мысль географа работала неустанно. В Географическом обществе через его руки проходили «всевозможные ценные материалы относительно географии России». Кропоткин изучал, сопоставлял их и скоро имел исчерпывающие для того времени познания в географии России. Как у человека, полного энергии и действенно относившегося к науке, у него явилось намерение написать «пространную физическую географию этой громадной части света, уделяя при этом видное место экономическим явлениям»; он внес об этом предложение в Географическое общество, и оно, конечно, согласилось с ним.

«Я намеревался дать, — пишет Кропоткин, — полное географическое описание всей России, основывая его на строении поверхности, орографии, характер которой я начинал себе уяснять после сделанной мною работы о строении Сибири. И я хотел очертить в этом описании различные формы хозяйственной жизни, которые должны господствовать в различных физических областях. Много вопросов, насущных для русского народа, можно было бы выяснить такой работой. Возьмите, например, громадные южнорусские степи, так часто

страдающие от засухи и неурожая. Последние нельзя считать случайным бедствием. они являются такой же естественной чертой данного округа, как и его положение на южном скате Средней возвышенности или как его плодородие. Засухи, от которых так страдает юг России, вовсе не случайны: эти засухи нужно раз навсегда признать за такую же особенность черноземной полосы, как и ее географическое положение и ее плодородие. Поэтому надо выработать способы обеспечения населения хлебом в засушливые годы, а также нужно выработать способы борьбы с засухой, какие укажет современная наука. Вся хозяйственная жизнь южной России должна быть поэтому построена на предусмотрении неизбежных повторений периодических недородов».

Кропоткина еще тогда, в 1871 г., глубоко волновали вопросы, которые только теперь, после Великой Октябрьской социалистической революции, получили свое разрешение в социалистической экономике Союза, когда в борьбе с засухой и порождаемыми ею недородами тщательная машинная обработка почвы дала уже замечательные результаты, а постройка оросительных систем, плотин и каналов в степных районах и полупустынях сменяет богарное земледелие орошенными полями с посевами хлопка, риса и других ценных культур.

Несомненно, Кропоткин осуществил бы свой проект и создал бы исключительно ценный труд по географии России, если бы не ушел тогда с головой в революционное движение.

XIII. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КРОПОТКИНА

Главным своим вкладом в науку П. А. Кропоткин считал работу по орографии Сибири. Еще в 1866 г. он, по его признанию, испытывал великое счастье широких научных обобщений. Установив, что на Патомском плоскогорье нет никаких следов древнего моря, Кропоткин понял, что Азиатский материк образовался вокруг древнего первичного массива, а этот древний массив, в свою очередь, представлял обломок еще более древнего околополярного материка. Этот древний массив был вытянут по направлению с юго-запада на северо-восток, и вокруг него теснились и откладывались в последующие геологические периоды новые складки земной коры. Кропоткин понял, что Сибирь — совсем не та обширная равнина, простирающаяся от Урала до Тихого океана, какой ее обычно представляли. Наоборот, это громадное плоскогорье, сходное по форме с Южной Америкой, повернутое своим узким концом к Берингову проливу. Оно состоит из двух ступеней, одна из которых идет от Тибета до границ России, высотой от 3000 до 3600 м. Другая ступень, занимающая большую часть Восточной Сибири, имеет высоту от 960 до 1500 м. По краям этих плоскогорий или террас поднимаются окраинные хребты из более поздних осадочных пород, очень сильно увеличивая собою материк Азии в ширину.

Кропоткин установил, что господствовавшее тогда представление знаменитого Александра Гумбольдта о направлении азиатских гор с

запада на восток, созданное на основании древних и новых китайских карт, совершенно не соответствует действительности. На самом деле основные хребты Азии идут с юго-запада на северо-восток по окраинам древнего материка. Одно то, что еще совсем молодым, почти юношей, Кропоткин опроверг Гумбольдта, говорило о его гениальности. Подлинно гениальной была мысль, высказанная еще в 70-х годах прошлого века, что материк Азии возник не сразу, а состоит из целого ряда частей ранее существовавших материков. Много позднее, примерно лет на 30, эта идея была разработана европейскими геологами, а знаменитый австрийский геолог Эдуард Зюсс применил ее ко всем материкам земного шара и в своем капитальном труде «Лик Земли» нарисовал общую картину развития и строения всех материков земли близко к той же общей схеме, по какой Кропоткин считал построенным материк Азии. Хотя позднейшие исследования установили, что строение Азии и Восточной Сибири сложнее, чем их представлял себе Кропоткин, но они ничуть не поколебали его основного положения. Согласно Зюссу, вся Восточная Сибирь от Селенги до Ледовитого океана представляла в глубокой древности первичный материк, сложенный из кристаллических пород, который он назвал Ангарским, и вокруг этого материка в последующие геологические эпохи откладывались пласты осадочных пород и поднимались высокие окраинные хребты, направление которых определил этот первичный материк, вытянутый с юго-запада на северо-восток. Это утверждение Зюсса совершенно совпадает с теорией Кропоткина, опубликованной им еще в 1876 г. Зюсс распространил идею, высказанную за 30 лет до него Кропоткиным об Азиатском материке, на все материки земного шара.

Таким же гениальным созданием молодого Кропоткина, в то время еще географа-самоучки, была его теория о ледниковом периоде. Встречая на высоком Патомском плоскогорье всюду рассыпанные валуны и убедившись, что на нем нет никаких следов того, что эту часть суши покрывало море, Кропоткин решил, как написано в его отчете об Олекминско-Витимской экспедиции, опубликованном еще в 1867 г., что в предшествующие эпохи значительная часть поверхности земного шара была покрыта мощным ледяным покровом, который, двигаясь с севера на юг и сползая с гор в долины, отрывал и дробил скалы и утесы, сглаживал и полировал эти обломки, превращая их в валуны. В своем исследовании о ледниковом периоде он утверждал, что ледяной покров не менее 1000 м толщиной некогда покрывал значительную часть Европейской России и доходил до Воронежской и Киевской областей. Он шел сплошным потоком от Скандинавии. Тогдашние авторитеты в области геологии признали эту теорию ложной, но Кропоткин, как революционер, не сдался перед авторитетами и отправился в 1871 г. изучать ледниковые отложения в Финляндию и Швецию. Вернувшись оттуда, несмотря на кипучую революционную деятельность, он все-таки успел обработать первый том своего исследования о ледниковом периоде.

Вследствие ареста Кропоткина эта работа о ледниковом периоде была опубликована его старшим братом только в 1876 г., а второй том, над которым Кропоткин работал в течение двух лет в Петро-

павловской крепости, после его побега был свален жандармами в архив Третьего отделения, и только через 19 лет, в 1895 г., Русское географическое общество получило его оттуда и переслало Кропоткину в Англию. Поднятый Кропоткиным еще в 1871 г. вопрос о ледниковом периоде заинтересовал и шведских геологов при личном общении с ним на юге Швеции. Один из них, известный Торрель, изучив ледниковые наносы в центральной Германии, в 1875 г. выступил в Германском геологическом обществе в Берлине и подробно развил там идеи, высказанные Кропоткиным. Вслед за этим началось обстоятельное изучение ледников Гренландии, Швейцарии, Германии, Англии и Скандинавии, которое окончательно подтвердило теорию Кропоткина.

Утверждение, что значительные пространства Европы и Азии в начале четвертичного периода находились под мощным ледяным покровом не менее 1000 м толщиной, в начале 1870-х годов прошлого века, когда его впервые высказал Кропоткин, возмущало тогдашних ученых авторитетов, но молодой Кропоткин твердо стоял на своем. Теперь это одна из прочных истин в науке о Земле. Но мысль Кропоткина на этом не остановилась. В качестве прямого следствия ледникового периода, после долгих лет работы, Кропоткин выдвинул новую теорию о жизни Земли — теорию высыхания Европейско-Азиатского материка, и она до самой смерти глубоко волновала его не только как геолога-мыслителя, но и с точки зрения важных для всего юга и юго-востока России практических последствий.

Когда ледяной покров начал таять и отступать, утверждает Кропоткин, стали накапливаться огромные массы воды, образовались тундры, болотистые леса или так называемые урманы и степи, усеянные бесчисленными озерами, вроде того, что мы наблюдаем теперь в некоторых районах Западной Сибири. Кропоткин предложил ввести в науку, для обозначения послеледникового периода, особый термин — озерный период, когда в северном полушарии появились многие тысячи больших и малых озер на месте бывших льдов. По теории Кропоткина, уровень этих озер был приблизительно на 250 — 300 футов выше современного уровня моря. В ту эпоху Балтийское море далеко вдавалось в Швецию, занимало всю область ее нынешних озер. Финский залив доходил до Ладожского озера и отделялся от Ледовитого океана узким водоразделом. Каспийское море в послеледниковый период сливалось с Аральским и покрывало западную часть Средней Азии, и его заливы простирались к северу по течению Волги до Казани или до устьев Камы. То же было и в Северной Америке и в Азии. Но затем, по мере того как реки размывали для себя постоянные русла и сток воды все более усиливался, озера уменьшались, превращались в болота, болота высыхали, и на месте их вырастали леса. После озерного периода начался период высыхания. Он продолжается и сейчас и будет продолжаться еще долгое время с некоторыми колебаниями и отступлениями, но этот процесс высыхания, по утверждению Кропоткина, все усиливается и усиливается. «Когда мы рассматриваем, — пишет Кропоткин, — топографическую или географическую карту Центральной или Северной России большого масштаба,

мы видим там всевозможные степени процесса постепенного высыхания, превращающего озера в болота, а болота в периодически заливаемые луга...»

«Процесс высыхания является для современной геологической эпохи таким же характерным фактом, каким для ледникового периода было накопление из года в год неиспарявшихся и замерзавших атмосферических осадков... Более того, процесс высыхания является необходимым следствием предшествующего ледникового периода».

В доказательство Кропоткин приводит много фактов. Например, огромное озеро Лобнор в Тибете несколько тысячелетий назад было гораздо больше, чем теперь. Река Аму-Дарья впадала в Каспийское море и была несравненно полноводней, чем теперь, когда она доходит только до Аральского моря. Есть места на земном шаре, где высыхание с исключительной быстротой идет на глазах существующих поколений. Например, в Западной Сибири озеро Чаны за последние сто лет быстро уменьшилось и начало разделяться на два самостоятельных озера. Озера Сумы, Молоки, Абишкан превратились в мелководные водоемы. В бассейне р. Ишима многие деревни и заимки, стоявшие на берегах больших озер, теперь оказались за несколько километров от них. В Европейской России во времена татарского нашествия в 1238 г. татары не могли дойти до Новгорода, так как Новгородскую республику окружали непроходимые в летнее время болота. Теперь они высохли. То же происходит по всей северной России. Все русские реки мелеют, — утверждает Кропоткин. Основной причиной этого явления Кропоткин считает геологическое высыхание всего материка, и на роль второстепенных влияний относит такие причины, как поднятие северной части Европы, усиление стока рек и вырубку лесов.

«Процесс высыхания, — говорит Кропоткин — не временное явление, а геологический факт». Степи и пустыни неуклонно распространяются по лицу земли. Центральная Азия уже стала жертвой этого процесса. То же ожидает весь юго-восток Европейской России, ее юг, прикаспийские степи, южное Поволжье.

Эта теория Кропоткина не признается современными геологами и географами. Против нее выдвинуто много очень веских возражений. Процесс высыхания Европейско-Азиатского материка современная наука отвергает. За последние 50 лет Аральское море и большие озера Азии не уменьшаются, а увеличиваются. Высыхание, на которое указывал Кропоткин, представляет временное или чисто местное явление. Например, наблюдения над уровнем Аральского моря показали, что с 1880 по 1908 г. его уровень поднялся на три метра, и т. д.

Кропоткин же утверждал, что все эти колебания представляют периодические и временные явления, так же как и колебания величины современных ледников, что мы должны признать геологический факт высыхания нашего материка и всех материков земного шара. На всей земле, по его мнению, расширяются степи и пустыни, и нашим отдаленным потомкам придется вести напряженную борьбу с высыханием суши, покрывать ее целой сетью каналов. Но, конечно, еще целые сотни человеческих поколений могут не бояться гибели от

недостатка воды на земле. В настоящее время практически важным и интересным для нас, утверждал Кропоткин, является борьба с пустыней, надвигающейся из Средней Азии на Европу в районах, прилегающих к Каспийскому морю, в Приуралье, в Нижнем Поволжье. Необходимы большие работы по искусственному орошению этих областей.

Осуществляемые теперь в огромном масштабе плотины на Волге и на Дону, оросительные каналы на реках Предкавказья, проект канала Волга — Дон, орошение Закавказья и Средней Азии — все эти грандиозные мероприятия советской власти исходят из совершенно других мотивов, хотя как будто отвечают на призыв Кропоткина о борьбе с засухами, как следствием «геологического факта».

В своем докладе в Лондонском географическом обществе в виде мер борьбы с процессом высыхания материков Кропоткин выдвигает шлюзование рек, устройство артезианских колодцев, облесение безводных местностей.

По утверждению Кропоткина, великое переселение народов из Средней Азии в Европу в первых веках нашей эры было вызвано высыханием среднеазиатских степей. Мертвые города, развалины обширных селений, русла высохших рек, следы огромных высохших озер, которые открыты путешественниками и археологами в Монголии, Туркестане, во всей Центральной Азии, — все это, по мнению Кропоткина, говорит о том, что процесс геологического высыхания вызвал грандиозное движение, имевшее место в первые шесть веков нашей эры.

Кропоткин утверждал, что, если мы не предпримем борьбы с надвигающимися на нас пустынями, нам придется уже через несколько столетий очищать весь юг и юго-восток и, может быть, даже центральную Россию.

Никто из современных геологов этих утверждений не разделяет.

Все географические и геологические взгляды и теории Кропоткина всегда связывались им со взглядами на историю человечества. С ранней юности у него было стремление объединить науку о Земле с наукой о человеческом обществе в одном общем синтезе — геологии, географии и человеческой истории. Но этой мечты П. А. Кропоткину не удалось осуществить.

Напомним, что его взгляды на географию и историю России изложены в пятом и шестом томах «Всеобщей географии», вышедшей под редакцией Элизе Реклю, а его жизнь революционера художественно и увлекательно рассказана им в замечательной книге «Записки революционера».

СПИСОК РАБОТ П. А. КРОПОТКИНА, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ ЭТОЙ КНИГИ

П. Кропоткин. «На пути в Восточную Сибирь». «Русский вестник» «Современная летопись». Москва, 1862 г., №№ 32, 36, 38, 44, 49.

П. Кропоткин. «На пути в Восточную Сибирь». «Современная летопись». Москва, 1863 г., №№ 12, 18, 42—45.

П. Кропоткин. «Две поездки в Манчжурию 1864 года». 1) Описание пути из Старо-Цуруxайтуевского караула через гор. Мерген на Айгун; 2) Сунгари от Гирина до устья. «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», книга 8, Иркутск, 1865 г.

П. Кропоткин. «Поездка из Забайкалья на Амур через Манчжурию» «Русский вестник», Москва, 1865 г., № 6.

П. Кропоткин. «Сибирь», «Современная летопись», 1865 г., № 23.

П. Кропоткин. «Экспедиция по р. Сунгари» (из дневника Кропоткина). «Известия Географического общества», Петербург, 1865 г., № 4.

П. Кропоткин. «Из Восточной Сибири». «О хлебопашестве на Уссури». «Современная летопись», 1866 г., № 26.

П. Кропоткин. «Из Восточной Сибири». «Современная летопись», 1867 г., № 10.

П. Кропоткин. «Поездка в Окинский караул». «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», кн. 9 и 10.

П. Кропоткин. «Поездка члена-сотрудника П. А. Кропоткина в Финляндию и Швецию (из письма П. Кропоткина)». «Известия Русского географического общества», т. V, 1871 г.

П. Кропоткин. «Экспедиция для исследования северных морей». Доклад комиссии Географического общества для разработки плана снаряжения экспедиции. Составлен П. А. Кропоткиным. Петербург, 1871 г.

П. Кропоткин. «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции» с приложением сборника высот, определенных барометрически в Восточной Сибири. «Записки Русского географического общества по общей географии», т. III, Петербург, 1873 г., текст стр. 1—681 + 4 карты и 13 рисунков и чертежей.

П. Кропоткин. «Исследования о ледниковом периоде». Петербург, 1876 г., 39 стр. + 717 + приложение: 70 стр. атласа и чертежей. «Записки Географического общества по общей географии», т. VII.

«Переписка Петра и Александра Кропоткиных», Т. I и II, Москва—Ленинград, 1933 г., изд «Академия».

Дневник П. А. Кропоткина. 1862—1867 года. Центрархив.

П. Кропоткин. «Записки революционера», Москва, «Академия», 1933 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПО РАЗДЕЛАМ: ПУТЕШЕСТВИЯ, ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЛОГИЯ

(на русском языке)

1862 г. «На пути в Восточную Сибирь». Письмо 1-е. Кама, Пермь. Современная Летопись. № 34, Москва.

«На пути в Восточную Сибирь». Письмо 2-е. От Перми до Тюмени. Там же, № 36, Москва.

«На пути в Восточную Сибирь». Письмо 3-е. От Тюмени до Томска. Там же, № 35, Москва.

«На пути в Восточную Сибирь». Письмо 4-е. От Томска до Иркутска. Там же, № 44, Москва.

«Иркутск». Там же, № 49, Москва.

1863 г. «От Иркутска до Читы». Московские Ведомости, № 4.

«Чита». Современная Летопись, № 18, Москва.

«Кабанск и его окрестности». Там же, № 12, Москва.

«Амур». Там же, № 43, 44, 45, Москва.

1864 г. «Из Иркутска» (О сплаве барж по Амуру) (корреспонденция). Там же, № 4, Москва.

«Из Иркутска». Корреспонденция о плавании по Амуру. Там же, № 19, Москва.

«От Читы до Чинданта» (корреспонденция). Там же, № 20, Москва.

«Чиндант» (корреспонденция). Там же, № 24, Москва.

«От Чинданта до Цурухайтуя» (корреспонденция). Там же, № 37, Москва.

«Казаки на Амуре». Там же, № 33, Москва.

«Амур, Николаевск». Там же, № 34, Москва.

«Амур». Там же, № 36, Москва.

«Уссури». Там же, № 43, Москва.

«Отчет о статьях Афанасьева в Морском сборнике». Книжный Вестник.

1865 г. «Сибирь». Современная Летопись, № 23, Москва.

«Окрестности Байкала». Современная Летопись, № 23, Москва.

«Путь от Старо-Цурухайтуя до Благовещенска через Мергень», Русский Вестник», № 5, Москва

«О хлебопашестве на Уссури». Современная Летопись, № 26, Москва.

«Экспедиция по р. Сунгари» (сведения из дневника Кропоткина). «Изв. Русск. геогр. общ.», № 4, С.-Петербург.

«Две поездки в Манчжурию в 1864 г.».

I. Описание пути из Старо-Цурухайтуйского караула через р. Мерген на Айгун.

II. Сунгари от Гирина до устья.

«Поездка из Закавказья на Амур, через Манчжурию». Русский Вестник, № 6, Москва

1866 г. «Уссури». Современная Летопись, № 26, Москва.

«Письмо с пути в Витимскую экспедицию». Сибирский Вестник, № 22, Иркутск.

1867 г. «Путешествие по Лене». (Витимская экспедиция). «Записки для чтения», ежемесячное прибавление к Биржевым Ведомостям, № 1.

«Поездка в Окинский караул». «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», книги IX и X, Иркутск.

«Письмо кн. Кропоткина». «Задонский приск на р. Квейгри. Устье р. Мун» Сибирский Вестник, № 4 и 13.

«Письмо кн. Кропоткина». «Витим на устье р. Темника». Там же, № 10.

Перевод книги Пэджа «Философия геологии». Краткий обзор цели, предмета и свойства геологических исследований. Перев. с англ. П. и А. Кропоткиных, СПб.

1869 г. «Последние исследования в Тибете». Изв. Русск. геогр. общ., № 1.

«Сведения о бывшей русской Америке». Там же, № 4.

«Отчет о заседании Отделения физической географии Русского географического общества». Правительственный Вестник, № 35 и 50.

«Геологический очерк Херсонской губ.» Изв. Русск. геогр. общ., т. V.

«Исследования об эрратических валунах и о диловиальных образованиях». Изв. Русск. геогр. общ., т. V.

«Несколько слов о происхождении валунов на острове Большой Тетере». Кронштадтский Вестник, № 84.

«Об исследованиях И. А Лопатина на о. Сахалине». Изв. Русск геогр. общ., т. V.

«О новооткрытой полярной земле». Изв. Русск. геогр. общ., № 2.

«Полярные экспедиции». Там же, № 4.

1870 г. «Последнее исследование в Тибете». Там же, т. V, № 1.

«Торговые пути между Индией и Китаем». Там же.

1871 г. «Поездка члена-сотрудника П Кропоткина в Финляндию и Швецию» (извлечение из письма П. Кропоткина). Там же, т. V, № 5.

«Заметки об ученой деятельности в Финляндии». «Письмо кн. Кропоткина к секретарю Общества из Гельсингфорса от 4 (16) июля». Там же, № 6.

«Письмо члена-сотрудника П. А. Кропоткина во время геологической поездки по Финляндии и Швеции». Письмо 4-е. Куопио, 5 авг. Там же.

«Письмо члена-сотрудника П. А. Кропоткина во время геологической поездки по Финляндии и Швеции». Письмо 5-е. Там же, № 7.

«Экспедиция для исследования русских северных морей». Доклад комиссии, избранной Отделением географии физической для разработки плана снаряжения экспедиции. Составлен П. А. Кропоткиным, при содействии А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева, барона Н. Г. Шиллинга, Ф. Б. Шмидта и Ф. Ф. Яржинского. СПб. (напеч. в 500 экз.).

«Сведения о полярной экспедиции Мака». Сообщение П. А. Кропоткина. Там же, т. VII.

«Протокол доклада П. А. Кропоткина по поводу проекта Блюма о Кумо-Манычском канале». Там же, т. VII.

П. К. «Успехи сельского хозяйства в Финляндии в последнее время» Земледельческая Газета, № 47.

«Записки Русского географического общества», т. IV, под ред. П. Кропоткина, с 5 картами и 7 таблицами и рисунками. СПб. (фактически вышел в 1872 г.).

1872 г. Рецензия на книгу Г. Траутшольда «Основы геологии». Изв. Русск. геогр. общ., т. V, № 7.

1873 г. «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции». С приложением сборника высот, определенных барометрически в Восточной Сибири. Зап. Русск. геогр. общ. по общей географии (отд. геогр. математич. и физич.), т. III, под ред. П. Кропоткина. СПб. (напеч. в 700 экз.). Стр. 1 — 681 + 4 карты и 13 рисунков и чертежей.

Рецензия на книгу Реклю «Земля», т. I. Ежемес. научный и критико-библиографический журнал «Знание», № 3, СПб.

1874 г. Протокол доклада Кропоткина от 21 марта о геологических ледниковых исследованиях. Зап. Русск. геогр. общ., т. X, № 6. Петербург.

1875 г. «Общий очерк орографии Восточной Сибири». Зап. Русск. геогр. общ. по общей географии, т. V, СПб.

1876 г. «Исследования о ледниковом периоде. О ледниковых наносах в Финляндии (отчет о поездке в Финляндию и Швецию, сделанной в 1871 г. по поручению Русского географического общества). Об основаниях гипотезы ледникового периода». С картами, разрезами и рисунками в особой брошюре. Приложения: «Краткое изложение глав о классификации наносов и об озах» Особый атлас карт и чертежей. Зап. Русск. геогр. общ. по общей географии (отд. геогр., математич. и физич.), т. VII, под ред. П. Кропоткина и Ив. Полякова. Вып. 1-й стр. 717. СПб.

«О норвежской экспедиции». Исследования глубин северной части Атлантического океана и другие заметки (на английском языке), а также краткое изложение (на английском языке) «Исследования о Ледниковом периоде» и работ по орографии Азии. Журн. «Nature».

О русских географических экспедициях — заметки (на английском языке) Газ. «Times».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
I. Великий русский географ и путешественник П. А. Кропоткин . . 7
II Страсть к знаниям 12
III. Путешествие со сплавом по реке Амуру 15
Овладение Амуром (15). Кропоткин в роли сплавщика (19). Плавание в лодке (21). Обратный путь (23). Курьером в Петербург (25).
IV. Путешествие по Манчжурии 27
Сборы (27). От Читы до Цурухайтуя (31). Спешный переход границы (35). Маршрутное описание (36). На родном берегу (48).
V. Плавание по Сунгари 52
Сборы (52). Историческая справка (53). Недостатки снаряжения (55). Маршрутное описание (56). Экспедиция двинулась дальше (64). Обратный путь (66). Судьба отчетов экспедиций по Манчжурии (69).
VI. Экспедиция в Саяны 70
Круговой маршрут (70). Экскурсии из села Тунка (71). «Куча материалов» (72). Новые пути (73). Убогое снаряжение — большие достижения (74).
VII. Плавание по реке Уссури 75
VIII. Олекминско-Витимская экспедиция 77
Снаряжение и сборы (77). Плавание по реке Лене (80). Через Патомское нагорье (84). Положение рабочих золотых приисков (87). «Нахлебник маслопузов» (89). Через тайгу и гольцы (92). Через Делюн-Уранский и Северо-Муйский горные хребты (100). Через Витимское плоскогорье и Яблоновый хребет (103). Успех экспедиции (106).
IX. Университет и научные изыскания 110
X. Арктические исследования 113
XI. Путешествие по Финляндии и Швеции 116
XII. План географии России 120
XIII. Географические теории Кропоткина 121
Список работ П. А. Кропоткина, использованных для этой книги 126
Библиография по разделам: путешествия, география и геология . . . 127

Подп. к печати 31/VII 1943 г. Бумага 60×92¹/₁₆. 8¹/₈ печ. листа + 8 вклеек, 10,6 уч.-изд. листа. Л 28758. Тираж 10 000 экз. Цена в переплете 8 р. 50 к; в обложке — 6 р. Зак. 4396

1-я тип. Трансжелдориздата НКПС, Москва.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
93	10 сн.	на р. Вирме	на р. Витиме
112	16 св.	складочных	складчатых
125	24 »	движение	движение народов

Путешествия Кропоткина. Заказ 4396.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
I. Великий русский географ и путешественник П. А. Кропоткин . . 7
II Страсть к знаниям 12
III. Путешествие со сплавом по реке Амуру 15
Овладение Амуром (15). Кропоткин в роли сплавщика (19). Плавацы (92). Через Делюн-Уранский и Северо-Муйский горные хребты (100). Через Витимское плоскогорье и Яблоновый хребет (103). Успех экспедиции (106).
IX. Университет и научные изыскания 110
X. Арктические исследования 113
XI. Путешествие по Финляндии и Швеции 116
XII. План географии России 120
XIII. Географические теории Кропоткина 121
Список работ П. А. Кропоткина, использованных для этой книги 126
Библиография по разделам: путешествия, география и геология . . . 127

Подп. к печати 31/VII 1943 г. Бумага 60×92¹/₁₆. 8¹/₈ печ. листа + 8 вклеек, 10,6 уч.-изд. листа. Л 28758. Тираж 10 000 экз. Цена в переплете 8 р. 50 к; в обложке — 6 р. Зак. 4396

1-я тип. Трансжелдориздата НКПС, Москва.

Цена 6 руб.